ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЕЖМ

SHOUT
SHARE
IT

- Журнал «Если»
  - 2004 г. № 12
    - Кирилл Бенедиктов. Восход шестого солнца
      - Пролог
      - 1. Пророк и убийца
      - 2. Наемник и эмир
      - 3. Наемник и вождь
      - 4. Принцесса и наемник
      - 5. Принцесса и колдун
      - 6. Пророк и наемник
      - 7. Колдун и Пророк
      - 8. Шочикемалько, Крепость Цветов
      - 9. Наемник и убийца
      - Эпилог
    - Ольга Елисеева. У Крита деревянные стены
    - Вл. Гаков. Неописуемый чудак из глубинки
    - Александер Ирвайн. Агент провокатор
    - Евгений Лукин. Как отмазывали ворону
    - Сергей Лукьяненко. Конструктор и его Лего-Бог (Филип Пулман. "Темные начала". "Росмэн")
    - Том Пардом. Искупление Августа
    - Грей Роллинс. По сходной цене
    - Рэй Вукчевич. Мама и её маленькие друзья
  - Содержание
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

Журнал «Если»

2004 г. № 12

Кирилл Бенедиктов. Восход шестого солнца

Пролог

"Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Когда эмир Абд-ар-Рахман осаждал город Барду, до него дошли слухи о том, что король франков Карл, прозванный Молотом, идет с севера во главе неисчислимого войска. Абд-ар-Рахман тотчас же снял осаду и поспешил ему навстречу. Франки вышли на битву во всей своей силе и славе, и покрыли равнину Эль-Пато, подобно стальной саранче. Поначалу Абд-ар-Рахман оттеснил врагов к реке, но там им удалось укрепиться. Франки стояли неподвижно, словно стена, плечо к плечу. Так продолжалось четыре дня. На пятый день король Карл бросил в бой свой главный резерв — закованных в тяжелую броню рыцарей, сражающихся длинными мечами. Неуязвимые для стрел, они прошли по полю битвы, как жнецы смерти, и воины Абд-ар-Рахмана дрогнули перед ними. Казалось, еще немного, и победа достанется франкам, но Аллах в своей милости не дал неверным одержать верх над воинами ислама. В середине дня посреди голубого неба сгустились черные тучи, и блеснувшая молния поразила облаченного в стальной доспех короля Карла Молота, наблюдавшего за ходом сражения с вершины холма. Великий страх закрался в сердца франков, и они отступили. Всадники Абд-ар-Рахмана, напротив, воспряли духом и обрушились на врага, подобно тому, как львы нападают на стадо перепуганных антилоп. Жестокая битва продолжалась до темноты, и к ночи вся равнина Эль-Пато была покрыта телами зарубленных франков. Так полегли лучшие витязи Севера, а королевство франков лишилось могучего и прозорливого вождя. Эмир же Абд-ар-Рахман, дождавшись подкрепления, пришедшего к нему из ал-Андалуса, устремился в Фиранджу, к Туру, где захватил великую святыню франков, и дальше, к городу Парийе, который впоследствии сделал столицей Парийского Халифата, и еще дальше, к холодным водам Пролива…"

Абд-ар-Хакам ибн-абд-ал-Рахман

"История ал-Андалус, Фиранджи и Парийского Халифата", Университет Эль-Сорбон, 945 год Хиджры.

1. Пророк и убийца

Коимбра, Лузитания Франкская.

921 год Хиджры, 8-й день месяца Шавваль

Массивная ручка двери в виде оскаленной львиной головы отливала темным золотом. Трепещущий свет факела заставлял багроветь отшлифованные глаза зверя, чьи клыки, казалось, были готовы вонзиться в огромную ладонь мастера Тристана.

— Это здесь, — коротко произнес мастер Тристан.

Рука с факелом поднялась и опустилась, пламя на несколько мгновений выхватило из темноты верхнюю часть тяжелой двери из черного дуба, окованную широкими железными пластинами. Чтобы выбить такую дверь, нужен таран, а на узкой винтовой лестнице с высокими крутыми ступеньками развернуться невозможно. Что ж, рыцари, строившие замок Коимбры, свое дело знали.

— Мы можем войти? — мягко спросил Джафар на языке франков. Тристан кивнул.

— Пророк редко принимает гостей, мусульманин. Но тебя он примет.

Рыцарь бесстрашно возложил свою правую руку на голову золотого льва и, несколько раз повернув ее влево и вправо, резким движением опустил вниз. Раздался щелчок, и тяжелая дверь стала медленно и беззвучно открываться вовнутрь. "Петли хорошо смазаны", — отметил про себя Джафар. Он прикрыл глаза, воображая движения узловатых пальцев мастера Тристана. Львиная голова оказалась не просто ручкой, а частью замка-шатуна, хитроумного изобретения мудреца ал-Хазена. Простаки считают, что такие замки не по зубам грабителям, но Джафар имел на этот счет свое мнение.

За дверью вновь начиналась лестница, поднимавшаяся куда-то в освещенное мягким золотистым светом пространство. Мастер Тристан, до того показывавший дорогу, посторонился, пропуская гостя вперед. Джафар ал-Мансор вежливо наклонил голову и надвинул капюшон еще глубже. Краем глаза он уловил мелькнувшую на окаймленном седой бородой лице своего спутника досадливую гримасу и довольно усмехнулся про себя. Несомненно, рыцарь Зеленого Ордена много бы отдал за

возможность как следует разглядеть его лицо. Не случайно же всю дорогу до дверей покоев Пророка он то и дело оглядывался, едва заметно наклоняя факел… Глупый франк, верно, вообразил себе, что посланцы Аламута не похожи на обычных людей. Не объяснишь же ему, что Джафар прячется под капюшоном вовсе не из опасения быть узнанным. Если бы не многолетняя привычка, ал-Мансор с удовольствием продемонстрировал бы рыцарю свою благообразную, совершенно ничем не примечательную физиономию. Для опытного ассасина изменить внешность не сложнее, чем побрить бороду, и доведись Тристану увидеть своего сегодняшнего гостя в других обстоятельствах, он нипочем бы его не узнал. Но дело тут было не в скрытности. Между двумя слоями плотной ткани тяжелого капюшона располагался третий, вываренный из вязкого и упругого сока альтинской пальмы. Меднокожие жители Драконьих островов делают из такого сока мячи для священной игры, а еще обливают им свои босые ноги и получают прочную, непроницаемую для воды обувь. Прокладка капюшона Джафара неплохо защищала голову от удара дубинкой — правда, деревянной, а не окованной металлом. Тончайшая кольчуга, надетая под простеганную хлопком куртку, тоже относилась к числу обычных предосторожностей бойцов Аламута. Конечно, никто не подвергает сомнению благородство рыцарей Зеленого Ордена, тем более, что ал-Мансор прибыл в Коимбру по личному приглашению магистра Бальдура… но от многолетних привычек так просто не отказываются.

Ал-Мансор ожидал, что мастер Тристан последует за ним, но старый рыцарь остался внизу, у дубовой двери. По мере того, как Джафар поднимался все выше, тяжелое, хриплое дыхание. франка постепенно затихало у него за спиной. Башня Пророка, построенная на высокой скале над морем, возвышалась над острыми шпилями Коимбры на добрых шестьдесят локтей, а лестницы ее, казалось, предназначались не для людей, а для гигантов с необычайно длинными ногами. Воспитанному в орлиной твердыне Аламута Джафару подъем дался легко, а вот бедняга Тристан выдохся окончательно. К тому же, если ал-Мансор правильно понял слова магистра Бальдура, рыцарю было приказано проводить гостя к покоям Пророка и доставить обратно к начальнику франков. Не более того.

Поднимаясь, Джафар машинально считал ступени. Добравшись до двадцать первой, он услышал доносившееся откуда-то сверху сдавленное хихиканье — словно кто-то, пытаясь сдержать смех, зажимал себе рот рукавом. "Девушка, — подумал ал-Мансор, — лет четырнадцати. Прячется, наблюдает за мной и хихикает в кулачок". Он преодолел оставшиеся три ступеньки и

замер, поражённый увиденным. Медовое сияние разливалось за пушистым полупрозрачным занавесом, сотканным из тысяч радужных перьев. Даже павлины Аламута не могут похвастаться столь переливчатыми узорами, столь глубокими красками, огневеющими, словно раздуваемые ветром угли костра. Джафар решительно шагнул сквозь разноцветный занавес — в то же мгновение прямо у него из-под ног порскнула в угол испуганная хохотушка.

— Не бойся, — сказал ал-Мансор на языке франков. — Я не причиню тебе вреда.

Девочка что-то возмущенно залопотала, но он не понял ни слова. Возможно, это было одно из наречий Драконьих островов — во всяком случае, певучая интонация немного напоминала аль-аравак, единственный язык тех земель, известный Джафару. Да и сама девчонка походила на бронзовокожих островитян: большие черные глаза на смуглом лице, темные прямые волосы, собранные в тугие косицы… Пока она бормотала, ал-Мансор разглядел ее зубы — остро заточенные, черненные, инкрустированные золотом.

— Отведи меня к Пророку, — медленно произнес Джафар. Он был почти уверен, что девчонка его понимает, но на всякий случай повторил на аль-араваке: — Отведи меня к своему хозяину.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее плеча. Девчонка тут же прыгнула вперед, явно намереваясь укусить его за палец. Она была быстрой, как мангуст, но Джафар, разумеется, оказался быстрее. Девочка клацнула зубами и тут же отскочила на безопасное расстояние.

— Шочикетсаль, — зашипела она, как дикая кошка. — Шочикетсаль!

Джафар удивленно покачал головой. Когда он покидал Аламут, отправляясь в далекую христианскую твердыню, то и представить себе не мог, что ждет его в самом сердце Зеленого Ордена. Эти фантастические, роскошные перья, янтарный свет, льющийся из граненых хрустальных шаров, мягкие пятнистые шкуры, сладковатый дым, плывущий из бронзовых курильниц… И эта дерзкая девчонка, одетая в короткую полупрозрачную рубашку, почти не скрывающую соблазнительных округлостей… Он вспомнил строгий, чуждый роскоши стиль замка Коимбры, суровые аскетичные лица монахов-воинов. Неудивительно, что магистр Бальдур не допускает своих людей в Башню Пророка…

— Шочикетсаль, — укоризненно произнес где-то над ним мягкий мужской голос. — Шочикетсаль, не приставай к гостю. Будь хорошей девочкой, вернись в Змеиный зал.

Ал-Мансор вскинул голову. В полутора касабах[1] над ним, под самым куполом башни, проходила узкая деревянная галерея. Опираясь о резные перила, с галереи смотрел на него высокий худощавый человек в белом плаще. В руках у него не было оружия, но Джафару все равно стало неуютно.

— Простите ее, сир, — худощавый раздвинул тонкие губы в слабом подобии улыбки. — Шочикетсаль редко видит чужих людей…

— Я не обижен, — ал-Мансор сделал вид, что кланяется, незаметно осматривая исподлобья всю галерею. Убедившись, что на ней нет никого, кроме Белого Плаща, он позволил себе расслабиться. — Я Джафар ал-Мансор из замка Аламут. Позволено ли мне будет узнать ваше благородное имя?..

— Гвидо фон Бартольд, к вашим услугам, сир. — Худощавый поклонился и принялся спускаться по деревянной винтовой лестнице. — Могу я называть вас «сир» или вы привыкли к иному поименованию? Джафар с удовольствием пожал плечами, как это принято у франков.

— Если вы не владеете арабским, я не смею настаивать на другом обращении. Я происхожу из благородного рода, хотя и посвятил себя не войне, а целительству…

Фон Бартольд в сомнении пощипал свою реденькую бородку.

— Скажите, сир… так вы из Аламута?.. Того самого?..

"Туго же ты соображаешь, друг Гвидо", — подумал Джафар и улыбнулся.

— Вас это пугает, благородный сир? На этот раз худощавый не колебался.

— Нисколько. Полагаю, магистр Бальдур знал, что делает. Магистр Бальдур заплатил Старцу Горы два мешка красного альтинского золота — пара понурых осликов с трудом доставила этот груз к узким вратам Аламута. Тысяча авакинов[2] золота за одного-единственного Джафара ал-Мансора. Неслыханная щедрость, но и заказ требовалось исполнить необычный. Ассасинов нанимают, когда требуется от кого-то избавиться: как правило, жертвой избирают человека, способного хорошо позаботиться о своей безопасности. Могущественный царедворец, великий полководец, даже эмир — все они могут пасть от руки неприметных, вездесущих посланцев Аламута. Но на этот раз Зеленый Орден платил не за убийство.

Два месяца назад имам Али позвал Джафара в свою келью, выходившую на плоский скальный уступ над бездонной пропастью. Со времен Хасана ибн-Саббаха, первого Старца Горы, политика незримой империи исмаилитов вершилась в этом тесном, аскетично обставленном помещении.

— Ты отправишься в ал-Андалус, Джафар, — тихим бесцветным голосом произнес имам, протягивая ал-Мансору серебряную пластинку с вырезанным на ней двухглавым львом. — К западу от Кордовы, на берегу Великого моря, у франков есть несколько крепостей. В одной из них живет некий человек, которого рыцари Зеленого Ордена называют Пророком. Как видно, он стал им в тягость, потому что старый пес Бальдур хочет спровадить его за море, на Драконьи острова. Ты будешь сопровождать Пророка туда, куда он направится, и охранять его от опасностей. Если кто-то будет угрожать жизни Пророка… думаю, мне не надо учить тебя, что следует делать.

Джафар почтительно наклонил голову, коснувшись подбородком груди. Это было самое удивительное поручение, которое он получал от имама за долгие годы своей службы, но суровая школа ассасинов приучила его не задавать лишних вопросов. Он осторожно принял из тонких, почти бесплотных пальцев Старца Горы серебряную пластинку и спрятал ее в кожаный мешочек, висевший на шее.

— Серебро отдашь начальнику франков, — прошелестел имам. — Это знак, подтверждающий, что ты именно тот, кого они ждут…

"Двухглавый лев, — подумал ал-Мансор, опускаясь на колени, чтобы поцеловать пыльную туфлю Старца. — Древний символ всепожирающей смерти. Поймет ли Бальдур намек? Верней всего, нет. Франки слишком глупы, чтобы различать тайные знаки…"

Он ошибся. Магистр Зеленого Ордена хорошо знал, как прочесть послание хозяина Аламута. Когда Джафар отдал ему серебряную тамгу, магистр Бальдур открыл небольшую шкатулку из кедрового дерева и извлек оттуда еще две пластины. Одна, выкованная из желтого, похожего на масло золота, была украшена изображением льва с головою быка. На другой, тускло отсвечивающей серым, тот же лев гордо нес ветвистые оленьи рога. Серебряная пластина Джафара легла посредине. Смерть, ее посланник и ее час. Три символа, собранные вместе, означали безграничную власть над человеческой судьбой.

— …Я десять лет служил Ордену, оберегая здоровье Пророка, — говорил между тем Гвидо. — Признаюсь, отнюдь не богатырское. И вот теперь, когда пришел час и он должен отправиться в это свое плавание, магистр запретил мне покидать Коимбру! И не только мне, но и всем рыцарям! Это, видите ли, нарушает обещание, данное рыцарями Халифу Парижскому…

— Ваш уважаемый начальник прав, — мягко возразил Джафар. — Двести лет назад магистры франкских орденов поклялись на вашей священной книге, что ни один рыцарь-

христианин не ступит на Закатные Земли. Прошу простить меня, благородный сир, но мне кажется, что своим благоденствием Лузитания обязана именно этому мудрому шагу…

Гвидо фон Бартольд стал похож на человека, разжевавшего неспелый лимон.

— Я отвечаю не за судьбу Лузитании, а за жизнь Пророка. Вы достаточно подготовлены, сир, чтобы взять на себя такую ответственность?

"Дерзкий глупец, — добродушно подумал Джафар. — Вызвать бы тебя на поединок на ядах — интересно, как бы долго ты продержался…"

— Я учился в Багдаде, — сообщил он. — А учителем моим был Абенхаккам ибн-Азиз.

— Неужели? — кисло переспросил франк. — Что ж, тогда я могу быть почти спокоен…

— Надеюсь, вы не станете гневаться на меня, благородный сир. — Ал-Мансор сделал вид, что не заметил досадливо закушенной губы собеседника. — Я должен как можно скорее переговорить с Пророком — высокочтимый магистр ждет моего возвращения.

— За десять лет я покидал Башню едва ли десять раз, — невпопад ответил фон Бартольд. — Когда магистр хотел со мной побеседовать, он поднимался сюда сам… Проклятье, почему я не родился мавром?..

Джафар терпеливо ждал, пока он закончит жаловаться. Наконец Гвидо резко запахнул свой белый плащ и знаком предложил ассасину следовать за ним.

— В Башне постоянно живет тридцать пять человек — в основном, конечно, слуги, — говорил он, ведя ал-Мансора темными коридорами. — Покои самого Пророка — место запретное, туда позволено входить только его женам.

Джафар вежливо кашлянул. Фон Бартольд невесело рассмеялся.

— Да-да, женам… У него их с десяток. Почти все — северянки, беленькие, светлоглазые. Так повелось еще со времен первого Пророка, которого предки нашего магистра выловили из моря в двадцати лигах отсюда… Так вот, в покои вас никто не пустит, но Пророк примет вас в Зале Кинжалов. Предупреждаю сразу: в первый раз вы его не увидите, только услышите. Это тоже традиция…

Он замолчал, будто прикидывая, о чем еще можно рассказать мусульманину, и Джафар, воспользовавшись повисшей паузой, спросил:

— Шочикетсаль, эта девочка, кто она?

— Одна из младших жен, — неохотно ответил Гвидо. — Единственная, кого привезли из Антилии. Она учит Пророка языку его предков.

Франк остановился перед узкой — рыцарь в полном доспехе не прошел бы в нее — дверцей из полированного дерева. Трижды постучал костяшками пальцев.

— Зал Кинжалов, — понизив голос, объяснил он Джафару. — Снимайте обувь и заходите. Пророк будет ждать вас за ширмой. Ни при каких обстоятельствах не пытайтесь за нее заглянуть, вам ясно?

— Вполне, любезный сир. Кстати, я здесь нигде не видел стражников…

Гвидо хмыкнул.

— В Башне они не нужны. Вы разве не чувствуете, что здесь происходит?

Ал-Мансор посмотрел на него, слегка наклонив голову.

— Колдовство, — отрывисто бросил фон Бартольд. Повернулся и пошел обратно по коридору. — Надеюсь, вы найдете дорогу назад, сир.

Джафар со вздохом толкнул полированную дверь.

Зал Кинжалов оказался небольшим и узким, как ножны прямого франкского меча. На полу — толстый хорасанский ковер, стены обиты тисненым бархатом. Никакой мебели, кроме пухлых подушек. В дальнем конце комнаты слегка колыхался занавес из перьев. Джафар подошел к нему почти вплотную и мягким кошачьим движением опустился на ковер, скрестив ноги.

— Приветствую тебя, человек из Аламута, — произнес голос скрывавшегося за перьями человека. — Ты шел сюда много дней — легка ли была твоя дорога?

Невидимка говорил по-арабски. С заметным франкским акцентом, но по-арабски. Джафар изобразил вежливое восхищение.

— Все тяготы моей дороги забылись, как только я услышал в конце пути звуки родного языка. О господин мой, прости мне мою дерзость, ты правоверный?

За занавеской вздохнули.

— Тебе не за что просить прощения, Джафар ал-Мансор. Есть лишь один Бог, а разные имена ему придумывают люди. Я читал Священную книгу и знаком с догматами ислама. Впрочем, мне кажется, слугам Горного Старца не так уж важно, кто перед ними — мусульманин или неверный.

Это была правда. Как и все исмаилиты, ал-Мансор одинаково равнодушно относился к любым религиям. Но откуда это известно его невидимому собеседнику?..

— Это правильно лишь отчасти, — уклончиво ответил он. — Ты, верно, слышал о нас много дурного, мой господин…

— Истинно мудрый никогда не верит чужим словам. — Ал-Мансору показалось, что в голосе невидимки прозвучала ирония. — Истинно мудрый никогда не верит своим глазам. Истинно мудрый прислушивается только к разлитой в воздухе музыке Творца всего сущего. В эту музыку вплетено звучание твоей души, Джафар. Я знаю о тебе больше, чем сам ты знаешь себя.

Джафар в изумлении смотрел на колышущиеся перья. На миг его посетила безумная мысль, что за занавеской прячется сам Горный Старец, каким-то чудом перенесшийся из горной твердыни Аламута на другой конец континента.

— Ты говоришь, как суфийский шейх, — прошептал он. — Кто ты, господин мой?

За занавеской послышался негромкий смешок.

— Здесь меня называют Пророком. Там, откуда пришли мои предки, мое имя звучало бы как Кецалькоатль Топильцин. Но что значат имена? Придет время, и ты узнаешь, кто я на самом деле. Готов ли ты служить мне, Джафар ал-Мансор?

— Моя жизнь принадлежит Горному Старцу, господин мой. Я выполню любое его повеление, каким бы невозможным оно ни казалось. Старец поручил мне охранять твою жизнь, — а значит, пока я рядом, ты в безопасности. Если понадобится, я умру за тебя, хотя от живого Джафара ал-Мансора проку тебе будет больше. И все же я хотел бы, чтобы ты знал: если Горный Старец прикажет мне вернуться в Аламут, я покину тебя в то же мгновение, не колеблясь.

Повисла тишина. Потом человек за занавеской снова тихонько рассмеялся — перья перед его лицом заколыхались чуть сильнее.

— Ты умеешь быть честным, ассасин. Что ж, это именно тот ответ, которого я ждал. Служи мне верно, человек из Аламута, и моя награда будет щедрее королевской.

— Я не жду наград, мой господин. Я получил приказ и буду его выполнять. Человек по имени Гвидо сказал мне, что магистр Бальдур не позволяет никому из франков покидать Коимбру. Сколько надежных слуг ты сможешь взять с собой?

Пророк промолчал.

— Есть ли среди них те, кто владеет искусством врачевания? — продолжал допытываться Джафар. — Полагаю, что нет. А между тем в путешествии тебе понадобится доктор…

— Ты изучал медицину? — в голосе Пророка впервые послышалось что-то похожее на интерес. — Ну конечно, ведь

человек, избравший твое ремесло, должен хорошо разбираться в тайнах человеческого тела… Да, магистр Бальдур далеко не глуп. Асассин-телохранитель, убийца-врач — пожалуй, с тобой я и впрямь буду чувствовать себя спокойно.

Он снова рассмеялся, на этот раз чуть-чуть натянуто.

— Мы отплываем через два дня, Джафар. За это время Гвидо расскажет тебе обо всем, что знает сам. Моя плоть слаба, ал-Мансор, прискорбно слаба для того великого духа, что избрал ее своим вместилищем… Я — шестнадцатый Кецалькоатль, родившийся в изгнании. За пятьсот длинных лет кровь Топильцина выдохлась, и теперь я лишь бледная тень того Великого Змея, что сошел когда-то на каменистые берега Лузитании. Но вернуться на родину предстоит именно мне…

— Я буду с тобой, господин мой, — спокойно сказал ал-Мансор. — Если ты захочешь поведать мне историю своих предков, я выслушаю ее с почтением и благоговением. Однако прежде скажи мне, куда ты так стремишься вернуться. Лежит ли наша дорога к берегам Драконьих островов, в ал-Тин?

— То, что ты зовешь Драконьими островами, на языке моей страны носит имя Тлаллан-Тлапаллан, Далекой Белой Земли. Пять веков назад там нашел прибежище мой великий предок, Се Акатль Топиль-цин, изгнанный из своей столицы, великого города Толлана. Но мне там нечего делать. Мы пойдем дальше, на запад, в страну, называемую аль-Ануак.

— Я слышал, это страна великих демонов, — заметил Джафар. — Говорят, жители той земли столь кровожадны, что вымазывают кровью пленников стены своих домов.

— Ты боишься? Ассасин пожал плечами.

— Нет, господин мой. Просто недоумеваю, что делать святому человеку в проклятом Аллахом месте…

Пророк ответил не сразу, но ал-Мансор уже привык к его долгим паузам.

— Попытаться все изменить, Джафар, — сказал он наконец. — Завершить то, в чем некогда почти преуспел Первый Змей в Драгоценных Перьях. Свергнуть ложных богов. Принести свет тем, кто рождается, живет и умирает в царстве кровавой тьмы. Теперь подумай хорошенько и скажи, не ослабла ли твоя решимость отправиться за море…

Джафар поднял голову и, посмотрев туда, где за занавеской загадочно мерцали глаза невидимого Пророка, молча улыбнулся ему.

2. Наемник и эмир

Теночтитлан.

Год 2-й Тростник, день 1-й Точтли

Лицо его пересекал шрам — длинный и узкий, похожий на затаившуюся под кожей белую змейку. Если бы не эта змейка, Эрнандо Кортеса можно было бы назвать красивым.

Когда-то давным-давно, еще в университете Кордовы, один не в меру ретивый рыцарь-футувва, оскорбленный шутливым мадригалом в свой адрес, вызвал Кортеса на сабельный поединок. Молодой Эрнандо уже тогда одинаково хорошо обращался и с пером, и с саблей, в чем и поспешил убедить задиру. Однако, перед тем как покинуть мир живых, футувва успел сделать удачный выпад, рассекший противнику лицо от правой брови до подбородка. Зашить рану смогли не сразу, поскольку на место поединка примчались, пылая жаждой мести, родственники убитого, и Кортесу пришлось спасаться бегством. Несколько дней он скрывался в семье друга своего отца, старого бакши Сулеймана, дочь которого славилась своими вышивками по шелку. Она-то и стянула края раны тонкими крепкими нитками, ловко орудуя стальной иглой. Кортес до сих пор помнил прикосновения ее прохладных пальцев. Девушка была и впрямь хороша, в других обстоятельствах Эрнандо, возможно, даже попросил бы у Сулеймана ее руки, но родичи футуввы шли по его следу, и ему пришлось бежать из ал-Андалус. В порту Кадиса он завербовался в бандейру, отплывавшую куда-то за Западное море. О землях, лежащих далеко на закате, рассказывали всякое, но у Кортеса не оставалось времени на раздумья. Так он попал на Драконьи острова.

С тех пор прошло много лет, и никто не узнал бы теперь в крепком, как гранитная глыба, обожженном жестоким тропическим солнцем воине того юношу, который сошел когда-то с борта дангии[3] на пристань ал-Сипана, захлебываясь ароматным воздухом страны чудес. Во всяком случае, Кортес не сомневался в этом до того момента, когда человек в черном плаще перегнулся к нему через залитый вином стол и назвал имя Кемаля ибн-Валида.

Вокруг стоял ужасный шум — как обычно в питейных заведениях Теночтитлана в дни великих праздников. Мешики, весь год строго ограничивающие себя в употреблении спиртного, в эти дни превращались в самых отчаянных пьяниц на свете. В центре полутемного зала гулко бухал барабан, звенели медные тарелки, дребезжали кастаньеты из собачьих черепов. В дальнем углу кого-то били, визгливо смеялись девки, выкрашеный зеленой краской тотонак стоял на четвереньках посреди длинного, уставленного кувшинами с октли стола и громко рычал,

изображая ягуара. Расслышать что-нибудь в таком грохоте и гуле казалось невозможным, но человек в черном плаще говорил почти беззвучно, одними губами, и Кортес его понял. Кемаль ибн-Валид — так звали молодого задиристого футувву, которого он прикончил на Площади Цветов пятнадцать лет назад. "Неужели все эти годы его родня искала меня, — подумал Кортес, незаметно нашаривая на поясе рукоять меча, — искала даже здесь, в стране, где правосудие халифа почти бессильно?" Он приготовился резко вскочить, опрокинув тяжелый стол на человека в черном, но тот выставил вперед пустые ладони и едва заметно мотнул головой, давая понять, что не ищет ссоры.

— Садись, — коротко приказал Эрнандо, кивком указывая незнакомцу на низкую скамью по ту сторону стола. — Налей себе вина и говори, что тебе нужно.

Человек в черном вежливо поклонился и опустился на липкую от пролитого октли дубовую лавку. На стоявший перед Кортесом кувшин он даже не взглянул.

— Благодарю тебя, — произнес он по-арабски, — но пить я не стану.

— Назови свое имя, — потребовал Кортес. — Поскольку мое ты, я полагаю, знаешь.

Незнакомец тонко улыбнулся. На вид ему было лет пятьдесят, и опасным он не выглядел — худое смуглое лицо со впалыми щеками, умные внимательные глаза, ухоженные руки с гладко отполированными ногтями. Не наемный убийца и не судебный чиновник, а, скорее, придворный, неизвестно как попавший в этот вертеп. "Интересно, — подумал Кортес, — понимает ли он, чем рискует, очутившись здесь в самый разгар праздника Ицкитекатля? Праздника бога вина, когда все, кроме безусых юношей, получают право пить сколько угодно октли, когда захмелевшие мешики решают свои споры с помощью острых обсидиановых ножей, когда никто не ведет счет зарезанным в пьяных драках или утонувшим в каналах Теночтитлана… Возможно, правда, он пришел сюда не один". Кортес осторожно оглядел зал, выискивая взглядом тех, кто мог бы сопровождать человека в черном. Ни одного мавра он не увидел. За соседним столом громко хохотали его лейтенанты Диего и Эстебан, развлекавшиеся с девчонками-отоми из ближайшего Дома Радости, но, кроме них, все посетители заведения были мешиками.

"Очень глупый, — решил Кортес. — Или очень смелый. Впрочем, одно другому не мешает".

— Тубал, — коротко представился незнакомец. Эрнандо прищурился.

— Еврейское имя. А вина не пьешь. Почему?

— Мои родители были иудеями, — пожал плечами Тубал, — а я принял веру Аллаха. Однако позволь мне перейти к делу. Я секретарь одной весьма важной персоны, которая находится сейчас в Теночтитлане под чужим именем. Мой хозяин хочет видеть тебя, футувва Кортес. Немедленно.

— Ты называл какое-то имя, — равнодушно проговорил Кортес, наливая себе стакан октли. — Изволь объяснить, что ты имел в виду. И запомни, кстати — я не футувва, а христианин-кабальеро. Я не изменял вере своих отцов, чалла.[4]

Если его собеседник и был оскорблен подобным замечанием, то виду не подал.

— Имя Кемаля ибн-Валида хорошо знакомо моему хозяину, — спокойно ответил он. — Знает он и тех, кто до сих пор не оставил мысли о мести убийце этого достойного юноши. Это не угроза, кабальеро. Но если ты не захочешь встретиться с моим хозяином, имей в виду: срока давности для таких преступлений не существует…

— Если это не угроза, то я не кастилец, — хмыкнул Кортес, пристально вглядываясь в непроницаемое лицо Тубала. — Что нужно от меня твоему хозяину?

— Он скажет тебе об этом сам. Поверь — я действительно не знаю, о чем пойдет разговор. Во всяком случае, о своей безопасности можешь не беспокоиться…

— День, когда я перестану беспокоиться о своей безопасности, будет днем моих похорон. Где находится твой хозяин?

Тубал едва заметно вздохнул — как показалось Кортесу, с облегчением.

— Я проведу тебя. На улице нас ожидает паланкин с носильщиками…

— Нет, — перебил его Эрнандо. — Никаких паланкинов. Поедем верхом — ты, я и мои люди. Если у тебя нет коня, поедешь позади одного из моих лейтенантов.

— Невозможно, — покачал головой Тубал. — Место вашей встречи должно остаться тайной для всех.

Кортес пожал плечами и снова наполнил опустевший кубок.

— Как хочешь. В таком случае можешь передать своему хозяину, что встреча сорвалась по твоей вине.

Тубал тихо пробормотал что-то на неизвестном кастильцу языке.

— Решай, — равнодушно сказал Кортес. — И решай быстрее — у меня есть кое-какие планы на эту ночь.

— Хорошо, кабальеро, — Тубал изогнул тонкие губы в слабом

подобии улыбки. — Мы поедем верхом. Но твои люди будут ждать тебя снаружи.

— Я не люблю, когда мне ставят условия, — Кортес повернулся к своим лейтенантам и поднял руку. Диего был слишком занят тем, что виднелось в широком вырезе рубашки черноволосой отоми, но Эстебан заметил призыв командира и, оттолкнув свою девушку, подскочил к столу. — Мы уезжаем с этим человеком. Сейчас же.

— Да, сеньор, — четко ответил Эстебан, подозрительно разглядывая Тубала. Видно было, что он хочет спросить командира, зачем понадобилась такая спешка, но не решается это сделать в присутствии постороннего. Кортес одобрительно кивнул. Эстебан не относился к числу самых сообразительных его лейтенантов, но у него имелось два неоспоримых достоинства: абсолютная преданность и полная неспособность скрывать свои мысли. — Я скажу Диего.

Кортес поднялся, поправляя перевязь меча. Верткий, словно колибри, продавец вина немедленно подскочил к нему откуда-то сбоку и протянул клочок кактусовой бумаги с мешикскими каракулями. Кастилец недовольно нахмурился. Бегло говоря на языке науатль, он так и не выучился разбирать местное письмо, а спрашивать, что написано на бумаге, было унизительно. Он вытащил из мешочка на поясе щепотку гладких, как шелк, зерен какао и высыпал в коричневую ладонь торговца.

— Вы щедрый человек, — заметил зоркий Тубал, когда мешик, кланяясь, отошел. — Ему хватило бы и двух зерен…

— Считать деньги — занятие для купцов, — презрительно фыркнул Кортес. — Дело кабальеро — их тратить.

— Может быть, я вмешиваюсь не в свое дело, — вежливо сказал Тубал, — и прошу в этом случае заранее меня простить, но в городе ходят слухи, что дела у вашей бандейры последнее время идут не блестяще. Говорят, Али Хасан так и не расплатился с вами за поход в Манагуа…

— Действительно, это тебя не касается.

К сожалению, Тубал говорил правду. Обычно купцы-мусульмане ведут дела исключительно честно, но Али Хасан оказался обманщиком и мерзавцем. Он нанял отряд Кортеса для сопровождения торгового каравана, который вез в далекую страну Манагуа груз хлопка и стальных пластин. В походе на юг погибло трое кастильцев, а сам Кортес, раненный дротиком в голову, едва не лишился глаза. Но караван достиг цели, и на берегу великого озера купцы с большой выгодой обменяли привезенные с собой товары на красноватое гватемальское золото. Когда же купцы возвратились в Теночтитлан, выяснилось, что Али Хасан уехал

куда-то на восточное побережье, не оставив своему партнеру-мешику никаких распоряжений по поводу вознаграждения наемникам. Кортес с трудом поборол искушение вытрясти из купца деньги силой: партнер Али Хасана был подданным Монтекусомы, а мешикские законы стояли на защите граждан Тройственного союза. Он подал жалобу в Диван по купеческим делам аль-Ануака, но сделал это, скорее, для проформы: все понимали, что пока Али Хасана нет в пределах досягаемости, дело с мертвой точки не сдвинется.

"А ты хорошо подготовился к разговору, — мысленно похвалил Тубала Кортес, — разузнал все секреты, собрал все сплетни…"

— В таком случае ограничусь только одним замечанием: мой господин в силах вернуть вам деньги, которые задолжал Али Хасан. Более того, он может справедливо наказать этого недостойного купца, позорящего имя правоверного. Полагаю, вашим людям это придется по вкусу…

— Ты вроде бы говорил, что не знаешь, о чем мы станем толковать с твоим господином, — усмехнулся Эрнандо. — Поэтому не расточай зря цветы своего красноречия, Тубал, а лучше приготовься к хорошей скачке.

Говоря о хорошей скачке, он, конечно, преувеличивал — Теночтитлан не тот город, по которому можно скакать во весь опор. Столица мешиков стоит на острове посреди озера, и хотя улицы здесь широкие и прямые, их то и дело пересекают такие же широкие и прямые каналы. Для сообщения между кварталами построены многочисленные дамбы, но они имеют закругленную кверху форму и не предназначены для верховой езды, так что всадники всякий раз вынуждены были спешиваться и вести коней в поводу. К тому же нынче ночью площади Теночтитлана заполонили отчаянно веселящиеся мешики, и маленькому отряду приходилось проталкиваться через пьяную, разогретую парами октли толпу. Жители аль-Ануака уже давно не боялись лошадей, которых еще двести лет назад почитали за сверхъестественных чудовищ, и дорогу уступали весьма неохотно. Эстебана, который случайно наехал в темноте на глиняное изображение бога Ицкитекатля, едва не стащили с седла — пыл разгневанных мешиков остудили только три одновременно выхваченных из ножен толедских клинка. С трудом пробившись через полную огней Рыночную площадь, всадники миновали освещенную сотнями факелов громаду Большого Теокалли, проскакали мимо обнесенного глухой стеной, погруженного в безмолвие арабского квартала, мимо величественной мечети аль-Азхар, возведенной на месте старого храма Уицлопочтли, и углубились в прохладную

тишину садов Атсакуалько. Здесь было совсем безлюдно; сверкающий шар луны висел в густо-фиолетовом небе, и белая дорога, ведущая к озерному дворцу Ахайякатля, поблескивала в ее лучах кованым серебром. Перед понтонным мостом, соединявшим дворец с берегом озера, Тубал остановил своего коня и обернулся к Кортесу.

— Дальше тебе придется идти одному, кабальеро. Твои люди подождут здесь.

Эрнандо осмотрелся. Залитый лунным светом берег казался совершенно пустым, так что подобраться к всадникам незамеченным не смог бы даже самый искусный лазутчик. Но темные окна дворца таили в себе смутную угрозу, и Кортес решил не рисковать.

— Нет, Тубал. Мои люди пойдут со мной.

— Во дворец не войдет никто, кроме тебя, — на этот раз в голосе Тубала звенела сталь. — Я ведь предупреждал…

— В таком случае, мы возвращаемся, — перебил его Кортес. Сейчас он просто не мог позволить себе отступить. Кроме того, это был хороший способ проверить, насколько заинтересован в нем таинственный господин Тубала. — Поворачиваем, сеньоры!

Тубал заскрежетал зубами.

— Погодите! Я должен посоветоваться…

Он неожиданно ловко соскочил с коня и, переваливаясь с ноги на ногу, побежал по раскачивающемуся понтонному мосту.

"Отлично, — подумал Кортес. — Похоже, дело и вправду серьезное".

Презирая торговцев, он тем не менее перенял кое-какие их приемы и хитрости. Одна из таких хитростей сводилась к тому, что ты никогда не узнаешь, на что способен человек, если не припрешь его к стенке.

— Капитан, — негромко спросил Диего, — вам не кажется, что это ловушка?

— Возможно, — коротко ответил Кортес. Глупо было бы отвергать такой вариант. Его отряд считался одним из лучших в западных землях, их услуги стоили дорого, а это означало, что у них есть и завистники, и враги. — Будьте готовы к драке. Если нас пустят во дворец, не теряйте друг друга из виду, держитесь вместе, спина к спине.

Он мог бы и не говорить этого — и Диего, и Эстебан были опытными бойцами, — но слово командира есть слово командира. Предусмотрительный Диего опустил щиток шлема и на длину ладони выдвинул клинок из ножен.

— Там движение, капитан, — шепнул остроглазый Эстебан, не отрывая взгляда от мрачного фасада дворца.

Закутанная в черный плащ фигура растворилась в темном проеме ворот. Ни скрипа, ни стука — значит, двери были распахнуты настежь. Кортесу показалось, что во мраке, повисшем за раскрытыми створками, шевелятся какие-то тени. "Слишком откровенно для ловушки, — подумал он. — Хорошая западня должна быть устроена так, чтобы жертва ни на миг не заподозрила неладное. Тут же, словно нарочно, все наоборот". Мысль эта успокоила Кортеса, но делиться своими соображениями с лейтенантами он не стал. Пусть лучше думают, что им действительно грозит опасность.

Тубал вернулся через десять минут. Во взгляде, которым он наградил Кортеса, читалась плохо скрываемая неприязнь.

— Вы можете пройти, — произнес он бесстрастно. — Однако прошу вас дать слово, что вы сохраните в тайне все увиденное и услышанное здесь.

— Слово кабальеро, — небрежно сказал Кортес, легонько трогая коня шпорами. В отличие от Тубала, он собирался проехать по мосту верхом — его конь, великолепный арабский трехлетка Сид, не боялся раскачивающихся понтонных переправ.

— Лошадей лучше оставить здесь, — сказал Тубал ему в спину. — Они могут испугаться…

Кортес был уже у самых ворот дворца, когда ему вновь почудилось какое-то движение в темноте. В следующее мгновение мрак перед ним сгустился и глухо зарычал. Сид прянул назад и сделал свечку, молотя передними копытами воздух. Загремела цепь, и невидимый страж потянул огромную зеленоглазую пантеру обратно во тьму, повисшую в проеме дверей.

— Я предупреждал, — в голосе Тубала звучало скрытое злорадство. — Оставьте лошадей, во дворце они вам все равно ни к чему…

— Спешиться, — приказал Кортес своим лейтенантам, поворачивая коня. — Тубал, если с нашими конями что-то случится…

— За ними найдется кому приглядеть. Идите за мной.

Только на первом этаже Эрнандо насчитал восемь человек, двое из которых держали на цепях рычащих пантер. Сколько еще воинов пряталось за ширмами и перегородками, можно было только гадать. Тубал, шедший впереди, время от времени останавливался и поднимал руку, показывая стражам какую-то металлическую пластину. "Кем бы ни был его загадочный хозяин, — сказал себе Кортес, — о своей безопасности он заботился прилежно".

Наконец, поднявшись по темной лестнице на второй этаж дворца, кастильцы оказались перед кедровыми дверями,

украшенными затейливой ацтекской резьбой. По обеим сторонам двери стояли высокие, вооруженные саблями воины, в которых Кортес без труда признал мавров.

— Дальше не пойду ни я, ни твои люди, — твердо сказал Тубал. — Мой господин хочет поговорить с тобой наедине.

— Ждите здесь, — скомандовал Эрнандо своим лейтенантам. Он уже не сомневался, что никакой засады ему опасаться не следует, но любопытство жгло его все сильнее. Подобные меры предосторожности мог позволить себе разве что сам эмир — если бы ему вдруг взбрело в голову покинуть свое сказочное поместье на берегу Лазурного моря и посетить долину аль-Ануака. Но зачем эмиру встречаться с капитаном христианских наемников?..

Когда двери мягко закрылись у него за спиной, а глаза привыкли к бархатной полутьме, Кортес увидел хозяина Тубала. Высокий крепкий мужчина с густой черной бородой восседал на ковре перед низким столиком, уставленным изящными сосудами персидской работы и вазами с фруктами и сластями. Он действительно немного походил на эмира, которого кастильцу доводилось видеть лет пять назад — такой же благородный облик, величественная осанка, уверенный взгляд человека, привыкшего повелевать. Но этими общими чертами сходство и ограничивалось. Эмир, насколько помнил Эрнандо, отличался склонностью к полноте и имел круглое благообразное лицо с влажными, немного навыкате глазами. У человека, сидевшего за столом, лицо было худое и сильное, прорезанное глубокими морщинами, а колючие внимательные глаза прятались под нависающими мохнатыми бровями.

— Ты заставил меня ждать, капитан, — негромко произнес он, протягивая руку за ломтиком золотистой дыни. — Да к тому же привел сюда двух своих бойцов. Ты боишься?

— Только дурак ничего не боится, благородный господин, — Кортес слегка поклонился и поискал взглядом, куда можно было бы сесть, но не обнаружил ничего, кроме ковров и стола. — Я не из тех, кто безоглядно бросается навстречу любой опасности.

Густые брови его собеседника удивленно поползли вверх.

— Правда? Тогда меня, видимо, ввели в заблуждение. Мне сказали, что отряд Эрнандо Кортеса известен в Закатных Землях как лучший из лучших. Что Дома, покупающие мечи Кортеса и его людей, никогда еще не терпели поражений. Что купцы, чьи караваны ты берешься охранять, осмеливаются забираться в края, где обитают демоны. А теперь оказывается, что ты не любишь рисковать. Я разочарован.

— Именно потому, что я не люблю рисковать зря, мои люди до сих пор в меня верят, — Кортес решил, что достаточно

простоял перед бородачем, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение. Он подошел к столу и уселся напротив хозяина, скрестив ноги на мавританский манер. — Если тебе нужны безрассудно храбрые воины, поищи в другом месте. В Теночтитлане достаточно вольных мечей на любой вкус…

— Тем не менее я предпочел бы иметь дело с тобой, — усмехнулся бородач. — Возможно, мне нравится твоя осторожность. Итак, Эрнандо Кортес, капитан христианских наемников, я хочу предложить тебе работу. Что скажешь?

Кастилец пожал плечами.

— Скажу, что никогда не веду дел с человеком, чье имя мне неизвестно.

— Меня зовут Омар ал-Хазри, и я состою в родстве с Халифом Кордовским. В Теночтитлане я нахожусь тайно: о том, кто я, не знают ни мешики, ни сам эмир. Теперь ты понимаешь, почему мой человек так настаивал, чтобы ты пришел сюда один?

— Для меня большая честь быть приглашенным к столу Вашей Светлости, — вежливо проговорил Кортес, пытаясь не выдать своего смятения. — Прошу простить мне дерзкие речи. Что же касается вашей тайны, то можете быть спокойны: мои люди не из болтливых. К тому же им вовсе не обязательно знать имя того, с кем я встречаюсь.

Родственник халифа задумчиво кивнул и запустил в бороду унизанные перстнями пальцы.

— Что ж, теперь ты все знаешь. Если ты готов говорить о деле, начнем немедленно. Налей себе шербета, друг мой, не стесняйся. Все, что есть на этом столе — твое.

— Благодарю вас, Ваша Светлость, — Кортес придвинул к себе высокий серебряный кубок, но пить не стал. Ал-Хазри сделал глоток и промокнул губы шелковым платочком.

— Я имею честь сопровождать принцессу Ясмин, дочь Его Величества Хакима Четвертого, в ее путешествии по Закатным Землям. Принцесса путешествует инкогнито — отсюда и неизбежная секретность моей миссии.

"Принцесса Ясмин, — повторил про себя кастилец. — Красивое имя. Но почему я никогда не слышал о ней раньше? Спору нет, у халифа много детей… но на слуху у всех имена его старшего сына Мохаммеда, разбившего войска аллеманского императора на Сицилии, да дочери Фирюзы, к которой сватался король англов… Может быть, кто-то из побочных? Но что делать побочной дочери халифа в Закатных Землях?"

— Ясмин — возлюбленное дитя нашего повелителя, — угадав его мысли, пояснил Омар. — Его Величество старался держать ее подальше от дворцовых интриг Альгамбры, так что последние

десять лет она провела в чужих краях, главным образом, в Фиранджe. Однако с некоторых пор там стало небезопасно…

— Вести из-за моря доходят до нас с большим опозданием, Ваша Светлость. Неужели норманны возобновили свои атаки на Эль-Руан?

— Им удалось заключить союз с аллеманами, — кивнул ал-Хазри. — В прошлом году флот норманнского короля Эйрика дошел до Лютеции, а армия императора ударила по нашим владениям в Румейе. Халифу Парижскому пришлось просить помощи у Его Величества, и непобедимое войско нашего повелителя отбросило неверных далеко от границ Фиранджи. Однако осада Лютеции оказалась слишком тяжелым испытанием для юной принцессы. Врачи порекомендовали ей сменить климат и развеяться, получить новые впечатления. Мы путешествуем уже полгода и повидали много чудесного… Сейчас принцесса захотела посетить удивительные города исчезнувшего народа, спрятанные в джунглях юго-востока. Ты слышал о них, капитан?

— Не только слышал, Ваша Светлость. Три года назад я и мои люди были наняты одним купцом, искавшим в покинутых городах сокровища тольтеков. Так что я неплохо знаю те места.

Ал-Хазри с интересом посмотрел на него. Повертел в руках дольку засахаренного ананаса.

— Ну, и что тот купец? Нашел ли он свои сокровища?

— Нет, благородный господин. Он зря только потратил время и деньги. В покинутых городах нет никаких сокровищ, только пыль и мертвые камни. Надеюсь, принцесса Ясмин не надеется отыскать там нечто подобное?

— Не знаю, — покачал головой ал-Хазри. — Об этом тебе следует поговорить с ней самой. Видишь ли, я боюсь, что не смогу сопровождать принцессу в этом ее путешествии. Несколько лет назад в бою с византийцами мне нанесли рану, и вот недавно она воспалилась, да так сильно, что у меня началась лихорадка. Джунгли убьют меня, капитан. Но мысль о том, что я вынужден оставить без присмотра мое сокровище, драгоценный цветок Альгамбры, убивает меня вернее. Моя единственная надежда — отыскать человека, который станет заботиться о принцессе так же, как заботился бы о ней я. Который проведет ее в самое сердце покинутой страны и защитит от всех опасностей, что кишат там на каждом шагу. Если я буду знать, что такой человек есть и что он не бросит Ясмин — я смогу остаться в Теночтитлане и спокойно залечивать свою рану. Пока что, капитан, ты кажешься мне самым подходящим из всех.

— Благодарю вас, Ваша Светлость, — вежливо поклонился Кортес. — Но вряд ли я именно тот человек, который вам нужен.

Я никогда не бывал при дворе и не знаю, как обращаться с особами королевской крови. Не думаю, что принцессе Ясмин доставит удовольствие общество грубого наемника…

— Я нанимаю тебя не для того, чтобы ты доставлял принцессе удовольствие, а для того, чтобы она вернулась из джунглей живой и невредимой. Или ты и на это неспособен?

"Хитрый старый кот", — подумал Кортес.

— Полагаю, как раз это я сумел бы сделать. Но безопасность держится на железной дисциплине. Когда мой отряд сопровождает караван с товаром, хозяин каравана знает, что мое слово равносильно приказу. Знает и подчиняется. Простите меня, Ваша Светлость, но я сомневаюсь, что принцесса Ясмин станет слушаться христианского капитана наемников. А без этого я не смогу обеспечить ей надежную защиту…

Омар ал-Хазри медленно погладил бороду.

— Эта попытка оправдать свой отказ более удачна, чем первая, капитан. Но я расскажу тебе одну историю. Три луны назад мы отплыли из Эль-Рабата на большом военном корабле, державшем курс на ал-Тин. Путь наш пролегал мимо Счастливых островов — ал-Джазаиру ас-саадат, населенных удивительным народом, не знающим человеческой речи и переговаривающимся свистом, подобным птичьему. Принцесса захотела взглянуть на этих людей поближе и приказала капитану повернуть корабль к берегу. Однако достойный Маслама отказал ей, и принцессе пришлось смириться, потому что на корабле верховная власть принадлежит капитану. Так же и в походе последнее слово должно оставаться не за ней, а за тобой. Конечно, там, где это действительно касается вопросов безопасности Ее Высочества.

— Но где пролегает эта черта? — Кортес взял с золотого блюда жирный, истекающий медовым соком финик — диковинку, невиданную в Закатных Землях. — Молоденькие девушки капризны и непредсказуемы, и кто может поручиться, что вернувшись в Теночтитлан, принцесса не обвинит меня в злостном неподчинении ее приказам и не потребует кади лишить меня жизни? С купцами дела вести спокойней, Ваша Светлость. Я высоко ценю ту честь, которую вы оказываете мне, предлагая столь ответственную службу, но не могу принять ее и прошу не счесть мой отказ оскорблением.

Жесткое лицо ал-Хазри окаменело еще больше.

— Я позвал тебя не для того, чтобы выслушивать бессмысленные отговорки! Повторяю: ты кажешься мне самым подходящим человеком для этого дела, а значит, вопрос уже наполовину решен. У меня есть кое-какие способы заставить тебя согласиться — полагаю, Тубал уже намекнул тебе на это, — но я

не хотел бы начинать с угроз. У монетки, как обычно, две стороны. Как ты понимаешь, ни принцесса Ясмин, ни я, ее опекун, не ограничены в средствах. Я очень хорошо заплачу за эту работу, капитан. Так хорошо, что ни один купец не сможет перебить мою цену. А кроме того, в качестве награды за твои труды я заставлю подлого Али Хасана расплатиться с тобой сполна, включая проценты. Неужели ты не хочешь увидеть, как справедливый суд Его Величества халифа — да будет доволен им Аллах — воздает этому шакалу в обличье правоверного за его низость?

— Али Хасан покинул Закатные Земли. Кто станет судить его в ал-Андалус за преступления, совершенные на краю света?

— Тот, кто получит приказ халифа, — Омар поднял руку и продемонстрировал Кортесу большой квадратный перстень с двумя пересекающимися спиралями. — Или бумагу, отмеченную вот этим знаком.

Я могу подписать приказ о заключении под стражу клятвопреступника Али Хасана прямо сейчас и здесь, не сходя с места.

С этими словами он вытянул откуда-то сбоку тонкую пачку превосходной рисовой бумаги и начал писать, аккуратно выводя буквы. Кортес наблюдал за ним, пытаясь привести в порядок свои мысли. Соглашаться на предложение, чересчур уж щедрое и необычное, не слишком хотелось — Эрнандо мерещилась скрытая ловушка, — но, судя по решительности ал-Хазри, отказ мог выйти ему боком. Неужели он действительно так нужен этому кордовскому царедворцу? Принцесса Ясмин… покинутые города в южных джунглях… за всем этим угадывалась какая-то тайна. Тайна, которой родственник халифа явно не собирался с ним делиться.

— Если я соглашусь, — медленно проговорил Эрнандо, сделал паузу и, дождавшись, пока Омар ал-Хазри оторвется от письма и взглянет на него, продолжил, выделив голосом: — Если я соглашусь, вам придется выложить довольно крупную сумму. Мой отряд должен двум Великим Домам Теночтитлана, а также торговой компании Абу Сафида и Тисока. Я планировал отдать эти долги после возвращения из Манагуа, но известный вам Али Хасан спутал всю бухгалтерию нашего отряда. Однако я не могу выйти в дальний поход, не урегулировав свои денежные дела.

— Каков размер долга? — Ал-Хазри снял с пальца перстень и, обмакнув его в плошечку с краской, с силой приложил к листу бумаги.

— Четыре тысячи зерен какао, Ваша Светлость. Я бы хотел получить эти деньги в качестве аванса.

— Получишь, — кивнул Омар. — И вот что еще: составь

смету и передай ее Тубалу — он поможет приобрести все необходимое для путешествия.

"Неплохо, — подумал Кортес. — Выплаченные долги, суд над Али Хасаном, да еще новые мечи и доспехи для отряда… Слишком хорошо, чтобы в это поверить".

— Вот приказ об аресте твоего прежнего нанимателя, — ал-Хазри протянул ему лист бумаги, исписанный мелкой аккуратной вязью. — Можешь ознакомиться.

Приказ выглядел вполне убедительно: "Я, эмир Омар ал-Хазри, дядя и опекун дочери великого Халифа Кордовского Хакима Четвертого, своим именем и властью, данной мне халифом, повелеваю…". Брат самого халифа? Вряд ли… скорее, матери Ясмин. В любом случае, эмир — птица высокого полета…

— Завтра я отправлю гонца на побережье, — Дядя принцессы забрал у него бумагу и, скатав в трубочку, осторожно положил на стол. — Что же касается денег, то ты можешь получить их прямо сейчас у моего казначея.

— Благодарю вас, Ваша Светлость, — поклонился Кортес. — Вы щедры в той же мере, в какой и убедительны.

— Значит, мы договорились?

— Осталось спросить принцессу Ясмин. Возможно, ей не понравятся мои люди.

Омар ал-Хазри вскинул мохнатую бровь.

— Не беспокойся об этом, капитан. Принцесса любит солдат. Скоро ты сам в этом убедишься…

> "Было Четыре Солнца, Четыре Эпохи, предшествующих нашей.
>
> Первое Солнце звалось Матлактли Атль, Десятая Вода. Под ним на земле жили исполины, питавшиеся водяной кукурузой ацитцинтли. Боги разгневались на исполинов и послали на землю потоп, длившийся десять лет. Горы исчезли под водою, многие люди погибли, иные превратились в рыб, и лишь семь пар исполинов скрылись в тайной пещере Чикомосток, чтобы дать начало новому человеческому роду… Длилась эта эпоха четыре тысячи и восемь лет.
>
> Второе Солнце — Эхекоатль, Солнце Ветра. Потомки исполинов вновь заселили всю землю, но были ниже ростом и не так сильны. Они не знали домов и жили в ямах в земле, питаясь плодами акоцинтли. В конце этой эпохи поднялся сильный ветер и дул так долго, что все люди превратились в обезьян. Спаслись лишь мужчина и женщина, спрятавшиеся под укрытие скалы. Это Солнце

светило четыре тысячи и десять лет.

Третье Солнце — Тлейкияуильо, Время Огненного Дождя. Жившие в эту эпоху были уничтожены огненным дождем с неба и потоками лавы. Люди превращались в птиц и улетали в небо. От начала до конца эпохи Третьего Солнца прошел четыре тысячи и восемьдесят один год.

Четвертое Солнце — Цонтлилик, Эра Ягуара — было счастливым и благодатным. Люди умножились и повсюду жили в достатке. Мало-помалу они забыли старых богов и перестали умиротворять их жертвенной кровью. Жестоко покарали их боги: засуха охватила всю землю, посевы погибли от жары и наступил страшный голод. Люди пожирали друг друга и гибли в ужасных мучениях. Так пришел конец эпохе Четвертого Солнца, длившейся пять тысяч и двадцать шесть лет.

Ныне склоняется к закату Пятое Солнце — Солнце Движения, Оллин. Правит им сам солнечный бог Тонатиу, хозяин неба, язык которого — нож, рассекающий грудь жертвы. Каждая новая эпоха всегда длиннее предыдущей, но календарные таблицы тольтеков разбиты, древняя мудрость утеряна, и мы не знаем, когда взошло наше Солнце. Ясно лишь, что случилось это больше пяти тысяч лет назад…"

Надпись на Календарном Камне Ахайякатля, около 850 г. Хиджры.

3. Наемник и вождь

Тласкала, вольный город.

Год 2-й Тростник, день 2-й Эхекатлъ

— Что эта девочка собирается найти в южных джунглях? — спросил Тисок, неторопливо раскуривая длинную глиняную трубку. — Золото? Его там нет. Последние государи Ицев унесли все с собой, ничего не оставив мертвым.

— Ей не нужны сокровища, — покачал головой Кортес. — У себя на родине она богаче самого тлатоани Монтекусомы.

Он поудобнее устроился на мягких подушках. В гостевых покоях Тисока царил приятный полумрак. Курились благовония в неглубоких медных чашах, покачивались пышные драпировки из перьев. На низком столике, искусно вырезанном из черного дерева, безмолвно несли свою стражу глиняные фигурки богов — покровителей Священного Ритуала. Тисок, глава Третьего

Великого Дома Тласкалы, неукоснительно соблюдал древние обычаи.

Сейчас он сделал глубокую затяжку, подержал дурманящий дым во рту и выдохнул сизое облако в направлении самого безобразного идола.

— Мудрость? — не глядя на кастильца, продолжал он. — Никто не способен прочесть каменные книги Старых Людей. Их язык забыт, их время ушло безвозвратно. Глаза глупой девчонки увидят только резные камни, не больше…

Кортес поднес к губам кованый золотой кубок и с наслаждением отхлебнул горячего пряного чоколатля. Волшебный напиток по праву считался одним из истинных сокровищ земли аль-Ануак. Его делали из зерен какао, которые мешики использовали в качестве денег, и потому стоил он баснословно дорого. Говорили, что правитель Тройственного союза Монтекусома выпивал ежедневно по десять кубков чоколатля, что делало его свирепым воином и неутомимым мужчиной, но такая роскошь была доступна лишь тлатоани. Даже самому Халифу Кордовскому позволялось закупать у торговцев Теночтитлана не более пяти мешков какао в год, хотя он расплачивался высоко ценимой в аль-Ануаке дамасской сталью. К тому же мешики все время поднимали таможенные пошлины, так что торговля какао постепенно превращалась в сущее разорение для Халифата. Конечно, в таких условиях процветала контрабандная торговля — благо, на берегу Лазурного моря хватало укромных местечек, где можно быЛо обустроить нелегальную факторию. Власти Тройственного союза сурово расправлялись с контрабандистами: карательные отряды мешиков время от времени прочесывали все побережье, сжигая фактории и корабли не имеющих лицензии торговцев. Уличенных в незаконной торговле зернами в цепях привозили в Теночтитлан; меднокожих сразу же отправляли на алтарь Тескатлипоки, а мусульман передавали специальному суду при Диване по купеческим делам. Специальные чиновники тлатоани следили за тем, чтобы судьи приговаривали контрабандистов к смерти, поэтому разница между мусульманами и меднокожими была чисто номинальной. Многие арабские торговцы находили подобную ситуацию унизительной для правоверных, но зависимость Кордовского двора от драгоценных зерен заставляла халифа закрывать глаза на жестокость мешиков.

К счастью для Эрнандо, вольный город Тласкала не подчинялся законам Тройственного союза. А один из ее вождей, Тисок Каменный Глаз, был другом Кортеса. Восемь лет назад в битве при Дымящемся озере облаченный в полный толедский

доспех Кортес пробился сквозь воющую толпу варваров и, проложив себе дорогу острым дамасским клинком, вывел раненого Тисока к берегу, где их подобрали каноэ тласкаланцев. С тех пор горная твердыня Тласкалы стала для Кортеса местом, где он чувствовал себя в безопасности — настолько, насколько это вообще возможно в стране аль-Ануак. Здесь его всегда ожидал кубок чоколатля и трубка тобако. Курить Эрнандо, как и большинство кастильцев, не любил, но из уважения к хозяину никогда не отказывался.

Его отряд пришел в Тласкалу сегодня утром. Путь от Теночтитлана занял у них неделю: даже по хорошим ацтекским дорогам многочисленная свита принцессы двигалась медленно. Сейчас Ясмин наслаждалась гостеприимством Первого Великого Дома Тласкалы, а Эрнандо отдыхал в доме своего старого друга.

— Любовь? — продолжал загибать узловатые коричневые пальцы Тисок. — Вообще-то самое подходящее занятие для ее возраста. Вот только в кого она думает влюбиться там, на юге? Или девчонка поглядывает на тебя, Малинче? И хочет увести тебя подальше от твоей голубки, туда, где за вашими забавами только мертвецы смогут следить? Ты бы объяснил ей, что Марина ее даже из Шибальбы достанет…

— Не болтай ерунды, старый пень, — добродушно усмехнулся Кортес. Тисок был единственным человеком на свете, которому он позволял отзываться в таком тоне о своей подруге. Вождь тласкаланцев доводился ей родным дядей, и стало быть, в некотором роде родственником ему самому. — Мы говорим о дочери халифа, понимаешь? К тому же о мусульманке. Ты же знаешь мусульманок, Тисок…

Четвертой женой Каменного Глаза была хорошенькая мавританка по имени Майсун. Года три назад эмир прислал ее в дар Тисоку

— видимо, в надежде на то, что под ее влиянием старый тласкаланец отречется от веры своих предков и примет ислам. Расчет эмира не оправдался, хотя Майсун родила вождю сына, который, как слышал Кортес, подвергся обрезанию и носил двойное имя Куитлауак Мустафа. Может быть, в свое время он унаследует отцовский титул и станет главой Третьего Великого Дома Тласкалы, подумал Эрнандо. Так уже случалось в некоторых городах на побережье, правители которых принимали веру Мухаммеда и покровительство халифа в надежде отстоять свою независимость от посягательств Тройственного союза. Но свободолюбивые и воинственные горцы Тласкалы до сих пор успешно противостояли натиску Теночтитлана и без поддержки арабов.

— Все девки одинаковы, — пренебрежительно махнул рукой Тисок.

— Хорошо, допустим, ей есть с кем делить подушку. Что остается?

Он снова затянулся, прикрыв глаза от удовольствия, выдохнул сизый дым и протянул трубку Кортесу.

— Любопытство, — ответил тот, с легким поклоном принимая трубку, — столь свойственное юным девушкам. Наслушалась всяких небылиц о покинутых городах и захотела увидеть их своими глазами.

— Что ж, может быть, — откликнулся Тисок, по-прежнему не открывая глаз. — Про те края много чего рассказывают…

И замолчал. Эрнандо, хорошо знавший повадки вождя, не торопил его, наслаждаясь крепким ароматным дымом тобако. Время текло медленно, словно мед из кувшина. Наконец Тисок удовлетворенно хмыкнул. — Ты слышал о возвращении Змея в Драгоценных Перьях?

— Разумеется. Кто же не знает эту легенду. Тласкаланец нетерпеливо махнул рукой.

— Не будь дураком, Малинче! Я говорю о том, что Змей действительно приплыл из-за Лазурного моря!

Кортес красноречиво перевел взгляд с Тисока на трубку. Порой вождь добавлял в свой тобако семена гашиша, который привозили в аль-Ануак из Египта. Однако сейчас был явно не такой случай.

— Ну да, пока это только слухи. Болтают, будто его видели на побережье, в Тамоанчане. Он белый, белее тебя, и у него есть длинная белая борода. Он творит чудеса, и люди поклоняются ему, как богу.

— Замечательно, — Кортес отложил трубку и снова потянулся за чоколатлем. — Но мне-то что до него?

Вождь захихикал. Золотая пектораль в виде ветки с лепестками, украшавшая его коричневую грудь, отозвалась мелодичным звоном.

— Тебе ни до чего нет дела, Малинче, если не считать денег, конечно… Но мы сейчас говорим не о тебе. Ты считаешь, что твоя девчонка любопытна — что ж, может быть. А вдруг ее любопытство связано с Кецалькоатлем?

— Ну и прекрасно. Во всяком случае, меня бы это устроило больше, чем погоня за несуществующими сокровищами тольтеков…

Тисок вздохнул.

— Ты помнишь, что говорится в легенде? Когда Змей в Драгоценных Перьях вернется из-за моря, закончится эпоха

Пятого Солнца. Земля придет в движение, и все, обитающие на ее поверхности, погибнут в бездонных провалах. Так завершится время Тонатиу, старого солнечного бога, и наступит царство Кецалькоатля. Он заново вылепит людей из глины и вдохнет в них священный огонь.

— Да, что-то подобное я уже слышал, — отозвался Эрнандо. — Жрецы в Теночтитлане постоянно вопят на площадях, что Тонатиу жаждет жертвенной крови. Большой Теокалли воняет, как старая скотобойня. В прошлом году они схватили на улице моего слугу Косока и едва не отправили его под нож. Мне пришлось пробиваться на храмовый двор с оружием в руках, можешь себе представить?

— Ты не понимаешь, Малинче, — покачал головой тласкаланец. — Ты живешь на нашей земле, ешь нашу пищу, спишь с нашими девушками, но ты все еще чужой здесь. Ты думаешь, служители Тонатиу лгут? Они и в самом деле боятся, потому что нет в мире ничего страшнее рождения нового солнца. Вы все — и кастильцы, и арабы — слишком молоды, чтобы помнить прошлые бедствия, менявшие лицо земли тысячелетия назад… По правде сказать, ни мы, ни мешики тоже этого не помним. Но у нас, по крайней мере, хватило ума прочесть книги тольтеков, а те были настоящими мудрецами…

Кортес допил чоколатль и с сожалением вытер бороду тыльной стороной ладони.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что дочь халифа так хорошо разбирается в ваших байках?

Тисок засмеялся.

— О, Малинче, мусульмане порой бывают куда умнее вас, христиан. Вы прямы, как ваши сверкающие клинки; даже коварство ваше нетрудно распознать. Мусульмане же знают много, но говорят вполовину меньше. С ними тяжело иметь дело; самый глупый из них, вроде этого надутого индюка эмира, опаснее змеи. Не знаю, что понадобилось принцессе мусульман в мертвых городах на юге, но на твоем месте я бы вел себя поосторожнее.

— Я всегда осторожен, потому и жив до сих пор. — Кортес рывком поднялся на ноги и навис над худощавым Тисоком. — Мне кажется, ты пытаешься меня о чем-то предупредить, но делаешь это очень неловко. При чем здесь Кецалькоатль?

Тласкаланец поцокал языком. Потянулся за трубкой, выбил ее о краешек стола и начал утрамбовывать новую порцию тобако.

— Тольтеки верили, что в мертвых городах на юге похоронено великое зло, — нехотя проговорил он. — Перед тем как уплыть на восход, Кецалькоатль бился с ним и победил, но не

до конца. Когда Змей в Драгоценных Перьях вернется, будет еще одна битва, последняя. И если Кецалькоатль падет, конец эпохи Пятого Солнца отодвинется на много лет…

— Спасибо, Тисок, — серьезно сказал Кортес. — Ты большой мастер рассказывать интересные истории. Но я по-прежнему ничего не понимаю…

Темные глаза тласкаланца загадочно блеснули.

— Хватит пустой болтовни — нас ждет темаскаль,[5] Малинче. Я распорядился, чтобы тебе прислуживала девчонка с маленькой грудью, как ты любишь. Однако не забывай о нашей беседе…

Кортес не придал его словам большого значения и вспомнил о них лишь три недели спустя, когда на их лагерь в Лубаантуне напали демоны.

4. Принцесса и наемник

Лубаантун, мертвый город.

Год 2-й Тростник, день 17-й Оллин

Ночью над джунглями вновь раскололось небо. Сначала страшно грохнуло и затрещало где-то высоко-высоко, словно немыслимых размеров великан рубанул топором по рассохшейся исполинской бочке. Потом из бочки хлынула вода — целый океан. Она хлестала из пробитой в небесах дыры с таким исступлением, как будто небосвод был прогнившим днищем тонущего корабля. Белые пирамиды Лубаантуна содрогались под ее безумным напором. Казалось, что обрушившийся на город потоп смоет его величественные храмы и дворцы, подобно тому, как морская волна слизывает построенные детьми замки из песка.

Кортес проснулся и некоторое время лежал в темноте, прислушиваясь к затихающим раскатам первого громового удара. Он спал одетым — вот уже двадцать вторую ночь, с тех пор как отряд покинул границы Тройственного союза. Тело под тонкой шелковой рубашкой и прошитыми хлопком штанами чесалось неимоверно. Два дня назад он наспех искупался в какой-то речушке, через которую отряд перебирался по навесному мосту из тростника. Не сказать, чтобы совсем зря — принцесса, во всяком случае, перестала морщить свой хорошенький носик в его присутствии, а вот чесотка не только не прошла, но даже усилилась. Видимо, в реке водились водяные клещи.

Ливень уже вовсю хлестал своими щелкающими бичами по крыше храма. Храм — похожее на коробку низкое здание — венчал собою вершину одной из великих пирамид Лубаантуна. Кортес настоял на том, чтобы палатку принцессы разбили не под

открытым небом, как обычно, а в самом святилище, под защитой испещренных странными иероглифами стен. Себе он постелил у массивной каменной двери с изображением сейбы, вырастающей из рассеченной груди связанного пленника. Дверь легко поворачивалась на невидимых шарнирах, но так же легко блокировалась выточенным из красноватого гранита цилиндром, скользившим в полукруглом желобе. Древние строители хорошо позаботились о безопасности пирамиды: для обороны ее верхней площадки требовалось всего пять-шесть человек. Лестница, поднимавшаяся на высоту двухсот локтей, словно специально предназначалась для того, чтобы сшибать с нее нападавших — по ее высоченным узким ступеням и так-то не просто было подниматься, а уж под градом стрел, дротиков или, на худой конец, каменных снарядов для пращи — тем более. Сейчас лестницу охраняли четверо людей Кортеса; еще двое, включая капитана Коронадо, стояли на страже у дверей святилища. Пять солдат под командой Эстебана дежурили внизу, у подножия пирамиды. "Придется им помокнуть", — подумал Кортес, прислушиваясь к нарастающему шуму дождя.

Приказ на сегодняшнюю ночь — как, впрочем, и на все предыдущие ночи их путешествия — был прост: смотреть в три глаза, не подпуская к лагерю ни одну живую тварь ближе чем на двадцать шагов. Вчера вечером, когда Кортес принял решение разбить лагерь на вершине пирамиды, караульные воспряли духом: охранять такое место несравненно проще, чем поляну, со всех сторон окруженную непролазными зарослями. Но злые боги этой негостеприимной земли решили, как видно, посмеяться над ними, обрушив на Лубаантун страшный тропический ливень. Под сводами дикого леса укрыться от дождя не так уж и сложно, но на вознесенной высоко над джунглями каменной площадке нет спасения от жалящих, словно пчелы, струй. Впрочем, и нападающим придется несладко…

"Не будет никаких нападающих", — одернул себя Кортес, поднимаясь и привычным движением поправляя перевязь прямого толедского меча. Город покинут, как и те, что они видели прежде. По пути от гор к побережью отряд миновал уже три больших поселка, и лишь в одном из них теплилось слабое подобие жизни. Население Лубаантуна состояло из дюжины стариков и старух, ютившихся в тростниковых хижинах на краю наступавшего леса; величественные белые дворцы, стоявшие на высоких, облицованных штукатуркой платформах, были пусты, как будто их обитатели в одночасье растворились в колышащемся от жары воздухе. Никто не разжигал костры на ступенях пирамид, не оглашал криками огороженную высокой стеной площадку для

игры в мяч. На круглой, вымощенной розовым гранитом площади перед бившим из земли источником валялся расписной кувшин с причудливо изогнутым горлом. Глядя на него, трудно было избавиться от ощущения, что жители покинули город всего лишь несколько часов назад…

Палатка принцессы стояла в глубине святилища, за резной деревянной ширмой. По обеим сторонам от входа сидели, скрестив ноги, Ахмет и Ибрагим, два великана-евнуха, никогда не отходившие от своей госпожи дальше чем на десять шагов. Когда Кортес заглянул за ширму, они, как по команде, повернули к нему свои гладкие, жирно блестевшие в свете потрескивающего факела лица. Ибрагим растянул толстые губы в подобии улыбки.

— Все в порядке, амир, — сказал он свистящим шепотом. — Мы уже привыкли к этим дождям.

— Ты, может быть, и привык, толстяк, а я еще нет, — перебил его звонкий девичий голос. Тонкая смуглая рука выскользнула из-за полога и хлестнула евнуха по безволосому предплечью. — Слава Аллаху, сегодня у нас хотя бы есть крыша над головой. Я уже начинаю забывать, как это — просыпаться в сухой постели!

— Принцесса, — евнух встревоженно привстал, словно пытаясь загородить палатку от посторонних глаз, — сейчас глубокая ночь, вам надо спать…

— С каких это пор слуги указывают мне, что делать? — надменно перебила его Ясмин. Она откинула полог и грациозно выбралась наружу. Кортес сдержанно поклонился.

— Ваше Высочество, — сказал он по-арабски, — ваш слуга не солгал. До рассвета еще далеко.

— Я хочу посмотреть на грозу, — в голосе принцессы прозвучали капризные нотки. — Мне все равно не спится под этот ужасный грохот. Проводите меня на площадку, сеньор.

Кортес протянул ей руку, и тонкие пальчики Ясмин крепко обхватили его запястье.

— Прошу вас, Ваше Высочество.

"Дьявол дернул меня начать проверку караулов с палатки взбалмошной девчонки", — подумал он с досадой. Ясмин была прелестной девушкой, но Омар ал-Хазри нанял Кортеса и его отряд не для того, чтобы потакать ее капризам: для этого в распоряжении принцессы имелся десяток конфиденток, не говоря уже о евнухах. Однако Ясмин, по-видимому, доставляло особое удовольствие испытывать силу своих чар именно на рыцарях-кастильцах. И, разумеется, на их командире.

Сейчас Ясмин решила выйти под дождь в легком и тонком абайясе и парчовых туфельках с загнутыми кверху носами. Ясно, что через минуту одежду можно будет выжимать, а сама

принцесса, как ребенок, заберется на руки к одному из своих евнухов, не забывая кокетливо покачивать туфелькой перед носом у капитана Коронадо. Все это повторялось с начала их путешествия уже не раз, и Кортес смирился с подобным поведением, как с неизбежным злом. До встречи с Ясмин он никогда не думал, что мавританские девушки могут вести себя так раскованно. Хуже всего было то, что солдаты воспринимали ее девичьи игры, как знаки внимания лично к ним; впрочем, чего еще можно ожидать от здоровых мужчин с горячей андалусской кровью после двухнедельного похода по обезлюдевшей стране? Принцесса, разумеется, была не единственной женщиной в отряде, но ее служанки, в полном соответствии с законами Мухаммеда, носили длинные плащи и головные накидки-химары и с наемниками отнюдь не заигрывали. А Ясмин ухитрялась то выставить из затянутых шелком носилок стройную ножку, то пройти на глазах у всех к своей палатке, соблазнительно покачивая крутыми бедрами, то прижаться к какому-нибудь из своих евнухов с такой неподдельной страстью, что у глядящих на это кастильцев напрочь отшибало инстинкт самосохранения. В первый же день Кортес объявил своим людям, что самолично повесит каждого, кто вольно или невольно оскорбит принцессу. Молодой Понсе де Леон, большой любитель позубоскалить, попробовал было возражать: мол, в христианских краях, вроде Лузитании или Астурии, дама, скорее, оскорбится, если кабальеро оставит ее намеки без внимания. Кортес посмотрел на него так, что наглая ухмылка юноши быстро превратилась в жалкую неуверенную гримасу. "С каких это пор, — спросил Кортес ледяным тоном, — дон Диего путает сельву ал-Тин с дворцами Овьедо? И, раз уж мы заговорили о далекой родине, не соблаговолит ли веселый дон вспомнить судьбу герцога Фруэлы, имевшего неосторожность приподнять накидку прекрасной Зулейхи? Да-да, того самого Фруэлы, что был брошен в каменный мешок-зиндан и томился там одиннадцать лет, пока астурийцы не передали визирю Гранады огромный выкуп за его голову… Но поскольку, — продолжал Кортес, убедившись, что его слова произвели должное впечатление, — вы, дон Диего, не герцог Астурийский, а всего-навсего младший сын безземельного эскудеро из Пелайо, я не стану сажать вас в зиндан. Я просто повешу вас на ближайшей сейбе!"

Тогда ему удалось убедить наемников, но с каждой новой выходкой принцессы дисциплина в отряде чуть-чуть ослабевала. Посторонний этого бы не заметил, но командир обязан чувствовать такие вещи, как священник — присутствие нечистой силы. Порой Ясмин представлялась Кортесу аркебузиром,

стреляющим по кирпичной стене: каждый выстрел в отдельности оставляет только небольшую выбоину, но придет час, и стена неминуемо рухнет…

Ахмед, забежав вперед, отворил вращающуюся на шарнирах дверь, и непогода немедленно ворвалась в святилище — плотной колючей завесой воды, резко усилившимся шумом хлещущих с неба струй, дикими звуками ночных джунглей: воем ветра, истошными криками обезьян, треском переламывающихся пополам деревьев. Ясмин ахнула и отступила на шаг назад, оказавшись в мягких объятиях Ибрагима. Огромный евнух тут же забормотал с интонациями заботливой няньки:

— Ваше Высочество, пойдемте обратно, видите, Аллах гневается на людей в эту ночь, лучше спрятаться и переждать, пока Он вновь станет милосердным…

— Отстань, глупый, — принцесса быстро справилась с испугом, и в ее голосе снова прорезались капризные нотки. — Это не Аллах гневается, это джинны воздуха и воды буйствуют над джунглями… Возьми меня на руки, живо!..

Гигант начал, кряхтя, опускаться на колени, и в это мгновение в какофонию ночных джунглей ворвался новый и страшный звук. Больше всего он походил на рев смертельно раненого зверя, но Кортес мог поклясться, что он различает в этом реве слова незнакомой, хотя несомненно человеческой речи. Он схватился за рукоять меча и шагнул вперед, под стрелы ливня.

От порога святилища до края площадки было равно десять шагов. Вчера вечером он измерил это расстояние и запомнил его — просто так, на всякий случай. Теперь вчерашняя предусмотрительность пригодилась: в плотной, мокрой, клубящейся тьме ничего не стоило оступиться и сорваться вниз, ломая шею и ребра об острые каменные ступени. Разумеется, с высоты двухсот локтей невозможно было разглядеть, что же происходит у подножия пирамиды. Кортес повернулся спиной к провалу и начал осторожно спускаться вниз, прилагая все силы, чтобы не поскользнуться на мокром камне.

Он был на середине лестницы, когда рев прозвучал снова. На этот раз еще ближе. Казалось, неизвестное чудовище рыщет где-то у самого основания храма. Там, охраняя подступы к единственной ведущей наверх лестнице, дежурили шестеро кастильцев во главе с Эстебаном. Достаточно, чтобы отразить натиск небольшой туземной армии… но то, что рычало во тьме, могло оказаться куда более страшным противником. Спускаясь по ступеням, Кортес припоминал все слухи о сверхъестественных существах, обитавших в восточных джунглях. Ягуары-оборотни, черви длиной с крокодила и толщиной с бревно, бесплотные

духи-людоеды из Шибальбы… Большую часть этих россказней, конечно, не стоило принимать на веру, но пятнадцать лет, проведенные в землях ал-Тин, убедили Эрнандо в том, что чудеса этой страны воистину неисчерпаемы.

Своих людей он обнаружил там, где они и должны были находиться — живых и невредимых, разве что насквозь промокших и не на шутку напуганных. Они сгрудились у подножия лестницы, заняв круговую оборону и выставив перед собой прямые толедские мечи.

— Командир, — крикнул Эстебан, оборачиваясь к Кортесу, — это был дьявол! Сам дьявол!

— Вы его видели? — спокойно спросил Кортес, подходя. — Или только слышали?

— Он был тут! — истерически взвизгнул один из солдат. — Он вонял серой! Огромный, как дерево! У него красные глаза!

Кортес шагнул к солдату и ударил по лицу тыльной стороной ладони. Того отшвырнуло назад, он поскользнулся и сел в большую лужу.

— Бабы, — презрительно сказал Кортес. — Испугались какой-то ночной твари… А кто ржал, когда Два Стилета принял лягушку за дракона?

Кто-то смущенно закашлялся. История о том, как первый метатель ножей в отряде лузитанец Хорхе Два Стилета, услышав брачный призыв лягушки-быка в заводях Усумасинты, прибежал в лагерь со спущенными штанами и долго доказывал всем, что едва унес ноги от огромного дракона, была из числа тех, которые неизменно любят вспоминать у костра.

— Пресвятая Дева Мария, — скороговоркой произнес Эстебан, — защити нас от дьявольских козней… Может, мне померещилось, командир, но только это была не лягушка. Или, по крайности, лягушка размером с лошадь…

"На побережье, ниже Тулума, появился какой-то древний демон", — вспомнил Кортес слова ал-Хазри. До побережья еще сорок лиг пути… но что, если демон тоже не стоит на месте?

— Если это зверь, его можно убить. — Он вытащил из ножен свой меч и ткнул им в сторону темных джунглей. — А если кто-то из преисподней, то с нами Дева Мария и Святой Яго. Помните об этом и продолжайте выполнять приказ.

Кортес оттолкнул плечом оторопевшего солдата и пошел в темноту. Эстебан за его спиной сдавленно выругался.

— Командир, он где-то рядом…

— Прекрасно, — бросил Кортес, не оглядываясь. — По крайней мере, не придется долго искать.

Он успел пройти не больше двадцати шагов по направлению

к черной стене джунглей, и тут ночь взревела прямо у него над головой. Кортес отпрянул назад, мгновенно ткнув мечом туда, откуда слышался рев. От страшного рыка заложило уши, в голове звенело, как после хорошего удара ацтекской дубиной по шлему. Мрак перед ним сгустился в подобие высокой фигуры, окутанной то ли плащом, то ли огромными крыльями. Меч кастильца на две ладони погрузился в грудь призрака, не причинив ему видимого вреда.

— In nominae Dei, — прошептал Кортес по-латыни, поворачивая клинок. Ему показалось, будто он режет что-то податливое и вязкое, как кисель. — Сгинь, дьявольское наваждение…

Фигура опала, словно балахон спрыгнувшего с ходулей ярмарочного великана. По краям темного пятна заструилось слабое фиолетовое сияние, пожиравшее сгустки мрака. Рев оборвался, но откуда-то из-за завесы ливня донесся полный боли и отчаяния стон. В то же мгновение ночь озарилась мертвенно-голубым сиянием огромной молнии, распоровшей небо наподобие изогнутой мавританской сабли. В ее ослепительном свете Кортес увидел, как высоко над колышащимися кронами деревьев мелькнула широко распахнувшая крылья тень, похожая на исполинского орла. Мелькнула и пропала в чернильной тьме.

— Убирайся в ад! — крикнул он, поднимая к небу свой меч. От белой пирамиды к нему, прихрамывая, бежал Эстебан.

— Простите, командир, я не должен был оставлять пост… но принцесса…

— Что с ней?

— Она спустилась вниз, сеньор. С этой чертовой горы. За вами следом, командир…

— Какого дьявола ей здесь понадобилось?..

— Дьявола? — переспросил чей-то спокойный, насмешливый голос. Кортес резко обернулся и увидел Тубала, кутавшегося в свой неизменный плащ с капюшоном. — Здесь нет никакого дьявола, кабальеро. Дьявол, как хорошо известно, обитает в пустынях и не терпит сырости. А здесь, извините, мокровато.

— Где Ясмин? — перебил его Кортес. — И откуда ты взялся, черт побери?

— С Ее Высочеством все в порядке, — Тубал махнул рукой в направлении пирамиды. — Она под защитой Ибрагима и ваших доблестных солдат. Вы так неожиданно покинули принцессу, сеньор Кортес, что она встревожилась и приказала мне отыскать вас…

Эрнандо криво усмехнулся.

— А ты, надо полагать, ждал где-то поблизости, уже одетый?

— Я находился на террасе, наблюдая за грозой. Вы просто не заметили меня, что неудивительно в такую непогоду…

— И что же, по-твоему, здесь ревело? — кастилец наклонился и вытер меч о траву. Секретарь эмира пожал плечами.

— В джунглях довольно много больших зверей, сеньор. Гроза пугает их, и они…

— Я прожил в этих краях достаточно, чтобы изучить повадки здешних животных, Тубал. Ни одно из них не умеет говорить по-человечески.

— Вы уверены? — с холодной вежливостью спросил чалла. Эстебан внезапно схватил его за отвороты плаща и встряхнул так, словно секретарь был набитым соломой чучелом.

— Мы все слышали, как он кричал, умник, — рявкнул он. — И ты наверняка слышал, да только почему-то не хочешь в этом признаться… А может, ты сам его и вызвал?

— Отпусти его, — велел Кортес. — Может быть, нам всем померещилось. Я пронзил эту тварь мечом, но она растеклась, как туман. Я думаю, это был морок.

Эстебан разжал руки. Тубал встряхнулся, словно большая мокрая собака, и еще плотнее закутался в плащ.

— А вы не допускаете, что кричать могло не то существо, с которым вы сражались?

Кортес сунул меч в ножны и зашагал к смутно белевшей за стеной дождя громаде пирамиды. Спорить с Тубалом ему не хотелось, тем более, что в словах секретаря был резон. Что, если все это представление с рычащими призраками устроено лишь для того, чтобы отвлечь внимание от настоящей цели?

И что это могла быть за цель?

Ливень все усиливался. "Прекрасная ночь для нападения, — подумал Кортес, — можно незаметно подкрасться в темноте, под прикрытием непогоды, и мгновенно нанести удар… Но кому придет в голову нападать на хорошо вооруженный отряд наемников, одно упоминание о которых наводит страх на окрестные племена?"

Поглощенный этими мыслями, он не сразу понял, что у подножия пирамиды идет драка. Четверо кастильцев угрожающе наседали на гиганта Ибрагима, приставив свои клинки к его широкой безволосой груди, а пятый сидел на земле, держась за голову. Ясмин билась в мощных руках Ахмета, пытавшегося поставить ее на третью ступень лестницы, подальше от опасной свары. Из-за шума дождя казалось, что все это происходит почти беззвучно, но, судя по распахнутой пасти Ибрагима, крик там стоял страшный.

— Прекратить! — рявкнул Кортес, подбегая. Солдаты,

прижавшие евнуха к облицованной белым камнем стене пирамиды, неохотно остановились. Ясмин, извернувшись, выскользнула из объятий Ахмета и спрыгнула в скользкую грязь. — Оружие в ножны!

— Амир, — принцесса бросилась к кастильцу и повисла у него на плече, — сеньор Эрнандо! Ваши люди не слушают меня! Они подняли оружие против моих слуг!

— Успокойтесь, Ваше Высочество, — Кортес осторожно поднял ее на руки и, расталкивая хмурых солдат, шагнул к Ибрагиму.

Принцесса была легкой, как перышко, и очень горячей — ее жар проникал сквозь тонкую ткань абайяса, заставляя сердце Кортеса биться в два раза чаще, чем следовало. Огромный мавр, на груди которого багровели свежие царапины, оставленные клинками наемников, потянулся к ней, но Ясмин только крепче прижалась к Кортесу.

— Я не чувствую себя в безопасности с этими жирными уродами, — капризно заявила она. — Похоже, амир, вы здесь единственный человек, на которого я могу положиться!

— Объясните мне, что произошло, Ваше Высочество, и я постараюсь восстановить порядок.

Ясмин беспомощно захлопала неправдоподобно длинными ресницами.

— Я приказала евнухам отнести меня вниз. Мне было ужасно интересно посмотреть, куда вы отправились и как вы станете сражаться с джиннами и ифритами. Но когда мы уже почти спустились, ваши солдаты преградили нам путь. Вот этот, — она указала тонким пальчиком на подошедшего Эстебана, — вел себя ужасно грубо, ругался и говорил, что без вашего приказа мне нельзя и шагу ступить за пределы лагеря.

— Это правда, Эстебан? — спокойно спросил Кортес.

— Девой Марией клянусь, вы же сами грозились спустить шкуру с любого, кто…

— Нет нужды напоминать мне мои же слова. Я еще раз спрашиваю: это правда?

— Ну… да, только я не думал грубить Ее Высочеству, — по лицу лейтенанта было видно, что теперь он об этом сожалеет. — Сказал, что пойду и спрошу у вас, да, видно, она не стала дожидаться, пока вы вернетесь, и решила пробиться силой…

— Ты все сделал правильно, Эстебан. Утром получишь у казначея сто зерен — для тебя и твоих людей.

Огромные, подведенные сурьмой глаза принцессы распахнулись еще больше.

— Как мне вас понимать, амир? Вы награждаете солдата,

осмелившегося перечить мне?

— Он лишь выполнял мой приказ. В этом походе я отвечаю за вашу безопасность, вы не забыли? Поэтому если кто-то из моих людей подвергнет вас опасности, я его повешу. И все они об этом знают.

— Вы чудовище, сеньор Кортес, — Ясмин отпустила шею кастильца и змейкой соскользнула на землю. — Вы скучны, как старый крючкотвор-факих.

— В Кордове я учился на юриста, — поклонился Эрнандо. — Однако если Вашему Высочеству угодно продолжить наш спор, я предложил бы подняться обратно в святилище — там, по крайней мере, сухо.

— Пойдемте, Ваше Высочество, — неожиданно поддержал его Тубал. — Наш доблестный командир поразил оборотня, и я полагаю, что в ближайшее время он не осмелится беспокоить нас своими криками…

"Ты что-то знаешь, — с неприязнью подумал Кортес. — Куда больше, чем говоришь…"

Он подождал, пока Ибрагим, держа на руках Ясмин, поднимется по крутым ступеням достаточно высоко, и тронул Тубала за рукав плаща.

— Не ты ли пытался убедить нас, что крики издают звери, растревоженные грозой? Откуда же взялся оборотень?

Чалла нисколько не смутился.

— Молодым девушкам хочется верить в сказки, пусть даже в страшные. Особенно в страшные, мой господин. Прошу меня извинить.

— Постарайся отговорить принцессу от повторения таких выходок, — сурово велел ему Кортес и повернулся к Эстебану. — Я не стану утверждать, что эта тварь не навестит нас снова. Поэтому будьте готовы ко всему. Шлемы не снимать, даже если дождь вдруг перестанет.

— Что же это было, сеньор капитан? — спросил кто-то. Кортес пожал плечами.

— Неважно, что это было, солдат, важно, что христианское оружие ему не по нраву. Помните об этом и держите клинки наготове.

Он поднялся на пирамиду, чувствуя себя разбитым и опустошенным, как будто проклятая тварь высосала из него все силы. Рассказы об упырях, обитающих в джунглях, были очень популярны среди наемников, но все сходились на том, что эти твари, как правило, нападают на лошадей и мулов, избегая столкновений с людьми. Может быть, здесь, в дебрях Юкатана, водятся чудовища покрупнее? Ему вспомнились слова старого

вождя из Тласкалы: "В мертвых городах на юге похоронено великое зло".

У дверей святилища его встретил Ибрагим.

— Ее Высочество ожидает вас у себя в палатке, — сообщил он довольно недружелюбным тоном. Эрнандо с удивлением заметил в обычно заискивающем взгляде евнуха почти неприкрытую враждебность.

— Передай Ее Высочеству, что я буду через пять минут, — бесстрастно отозвался он. Гигант едва заметно кивнул и скрылся в ночи.

Две минуты Кортес потратил на то, чтобы ввести в курс дела охранявшего храм капитана Коронадо. Тот был слишком опытным солдатом, чтобы удивляться рассказу о призраках, тающих, как туман; он внимательно выслушал командира и сделал все необходимые выводы. Затем Эрнандо вернулся к своему походному ложу, расчесал бороду и сменил насквозь мокрый черный плащ на немного потрепанный, но зато совершенно сухой серый. В сапогах по-прежнему хлюпало, но других у него не было.

В палатке Ясмин царил смешанный аромат мускуса и свежесваренного кофе. Кофе на изящной бронзовой жаровне варила одна из невольниц принцессы, османка Бусайна. Сама Ясмин в шелковом халатике восседала на расшитой золотыми нитями подушке за лакированным дорожным столиком с изображениями Эдемского сада. Несколько поодаль расположился похожий на огромного нахохлившегося ворона Туб ал.

— Присаживайтесь, сеньор Кортес, — тонкая ручка принцессы указала на такую же расшитую подушку напротив. — Хотите кофе?

— Вы очень добры, Ваше Высочество, — склонил голову Кортес. Кофе ему действительно очень хотелось. — Прошу вас простить моих людей и меня самого за этот прискорбный случай. Я надеюсь, вы понимаете…

— Что они выполняли ваш приказ, а вы больше всего печетесь о моей безопасности, — со смехом добавила Ясмин. — Конечно, амир, не будем больше даже вспоминать об этом, ладно? На самом деле я хотела поговорить с вами совсем о другом.

— Я весь внимание.

Принцесса бросила быстрый взгляд на Тубала. Секретарь молча открыл небольшую шкатулку из слоновой кости и извлек оттуда свернутый в трубочку пергамент. Кортес протянул руку.

— Пожалуйста, будьте с ним осторожны, — попросил чалла, передавая ему свиток. — Этому документу почти триста лет…

Кастилец аккуратно развернул свиток. Ветхий,

потрескавшийся от времени пергамент был покрыт ровными, каллиграфически выписанными арабскими буквами. Чернила местами выцвели, но большая часть текста сохранилась на удивление хорошо.

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! В годы правления халифа Абу Йусуфа был в ал-Андалус купец по имени Карим. Он торговал с меднокожими жителями Драконьих островов и с помощью Аллаха быстро разбогател. Весной 642 года Хиджры корабль, на котором он плыл из Алхесираса в ал-Тин, попал в сильный шторм и был унесен далеко на юг. Страдая от жажды, Карим принял решение высадиться на незнакомом берегу, чтобы пополнить запасы пресной воды. Он обнаружил там селения миролюбивого народа ал-майям и выменял у них немало драгоценного нефрита за свои товары. Чтобы хранить полученное, он основал на побережье укрепленный лагерь Рабд-ал-Хандак, окруженный рвом и частоколом… В тех краях водятся черепахи. Одна такая черепаха — двадцать локтей в обхвате, а в утробе у нее около тысячи яиц. Из панциря ее меднокожие изготовляют отличные щиты… Услышав о том, что в глубине страны нефрита и золота еще больше, чем на побережье, Карим и его люди отправились на юго-запад по старой белой дороге…

— Что это такое? — спросил Кортес, отрывая взгляд от пергамента. — Ваше Высочество собирает старинные рассказы о путешествиях?

— Прошу вас, амир, дочитайте до конца, — голос принцессы прозвучал так кротко, что Эрнандо только хмыкнул и вернулся к документу.

Через пять дней пути они достигли областей, населенных народом ал-киц. Это низкорослые смуглые люди, которые затачивают свои зубы каменными брусками. Вместо денег у них зерна, похожие на бобы. Ал-киц рассказали Кариму о древнем покинутом городе, расположенном на юге…

…достигли города, заросшего лесом, и провели здесь несколько дней, разыскивая спрятанные сокровища. В подземелье под белой горой, построенной джиннами, нашли каменную плиту, закрывавшую вход в потайную пещеру. Потребовались усилия десяти человек, чтобы сдвинуть крышку, и когда это удалось, порыв ядовитого воздуха убил двух спутников Карима. Несколько дней Карим ждал, что ветер развеет скопившийся в подземелье яд, и только по истечении некоего срока спустился в пещеру… Он нашел там много сокровищ, достойных самого повелителя правоверных… золотые подвески и колокольцы, нефритовые фигурки и чаши, шары драгоценной смолы, называемой копаль… а также семь изумрудных скрижалей с

вырезанными на них письменами. Но когда стали поднимать все наверх из пещеры, разразилась страшная гроза и буря, и под шум грозы воины ал-киц напали на Карима и его спутников. И у них были щиты из кожи животного, называемого ал-тапир, что имеет облик верблюда, и стрелы, смазанные ядом. Карим же и его люди защищались щитами из панциря черепахи, поэтому стрелы не причинили им вреда. Все же под натиском врага им пришлось бежать из руин, бросив там половину сокровищ, и из семи скрижалей они унесли с собою четыре. Когда они вернулись на побережье, меднокожие, видя скрижали, падали ниц и повторяли: "Гугумац, Гугумац", — но что это значит, никому не ведомо, ибо они не умели объяснить. Карим же оставался в Рабд-ал-Хандак до тех пор, пока не закончился сезон штормов, а после отплыл в ал-Тин, оставив в лагере несколько человек, больных лихорадкой и женившихся на девушках ал-майям. После он вернулся в ал-Андалус и прибыл ко двору Его Величества халифа, поднеся ему в дар изумрудные скрижали и золотых птиц искусной работы. Рассказы его о мертвом городе так поразили Его Величество, что он велел записать историю Карима на лучшей телячьей коже и переплести с книгой "История Земель и Стран", хранящейся в его библиотеке в Куртубе…

— Надо полагать, этот пергамент вырван как раз из "Истории Земель и Стран", — предположил Кортес, возвращая свиток Тубалу. — Какое кощунство!

— Это было сделано по приказу самого халифа, — холодно заметил секретарь. — Его Величество предполагал, что принцесса Ясмин в своих странствиях может оказаться поблизости от тех мест, которые посетил когда-то торговец Карим. Именно поэтому лист с описанием его приключений все это время путешествовал с нами…

Эрнандо с интересом посмотрел на Ясмин.

— Значит, вы ищете город, в котором этот торговец триста лет назад обнаружил какие-то скрижали?

Ресницы Ясмин дрогнули — словно черная бабочка взмахнула бархатными крыльями.

— Почему же «какие-то»? Именно эти…

Послышалось легкое шуршание шелка. Тонкие пальцы принцессы сорвали алое покрывало со стоявшего подле нее походного сундучка — прежде чем крышка распахнулась, Кортес успел увидеть вырезанный на ней знак дома Омейядов.

— Посмотрите, амир, вот то, что сумел вывезти отсюда храбрый Карим.

Скрижали оказались на удивление невелики — с пол-ладони каждая. Четыре многоугольных цилиндра, грани которых были

покрыты неизвестными Кортесу символами. Точки, линии, змеящиеся спирали… Кастилец взвесил одну из скрижалей на руке — тяжелая, приятно тяжелая. Внезапно он испытал странное ощущение — будто камень в его руке ожил и шевельнулся. Стараясь не выдать своего удивления, Эрнандо протянул скрижаль принцессе.

— Поразительно, Ваше Высочество, — сказал он вежливо. — Но почему вы думаете, что торговец нашел эти изумруды именно здесь?

Ясмин улыбнулась ему, но промолчала. Вместо нее заговорил Тубал.

— Расположение города точно совпадает с описанием, данным в пергаменте. Остатки лагеря, окруженного рвом и частоколом, находятся на побережье в неделе пути к северо-востоку отсюда. Еще сто лет назад здесь действительно жил народ, называвший себя ал-киц. Наконец, белая гора, построенная джиннами — это явно пирамида, на вершине которой мы сейчас находимся…

— Пирамиды есть в каждом городе меднокожих, — возразил Кортес.

— Но не все они облицованы белым камнем.

Служанка Бусайна, грациозно изогнувшись, поставила перед кастильцем маленькую чашечку с кофе. Кортес поднес ее к губам и с наслаждением вдохнул крепкий аромат.

— Йеменский? Небом клянусь, вот по чему я тосковал все эти годы — по-настоящему аравийскому кофе…

— Вы ошибаетесь, сеньор Кортес, — лукаво прищурилась Ясмин. — Это зерна, подаренные моему дяде, Омару ал-Хазри, эмиром Драконьих островов. Они выращены на его плантациях в ал-Тин.

— Об этом мало кто знает, — пояснил Тубал. Он отхлебнул свой кофе и одобрительно причмокнул губами. — Кофейные кусты прекрасно растут в здешнем климате, и вкус, сами видите, отменный. Но эмир держит все в тайне. Вероятно, хочет получить монополию на продажу кофе в здешних краях… Однако мы отвлеклись. Итак, кабальеро, теперь вы посвящены в истинную цель нашего путешествия. Мы ищем оставшиеся три скрижали, потерянные когда-то Каримом и его спутниками. Они почти наверняка находятся где-то здесь, в Лубаантуне. Как только рассветет, мы попробуем найти вход в подземелье.

— Значит, все-таки сокровища, — вздохнул Кортес. — Я, кажется, рассказывал вам, что несколько лет назад сопровождал на юг одного купца, мечтавшего отыскать золото тольтеков. У него даже была карта… или то, что он принимал за карту. Лично

я думаю, что ее нарисовал какой-нибудь меднокожий писец за три зерна какао. Во всяком случае, карта ему не помогла. Он ничего не нашел…

Тубал пожал плечами.

— На все воля Аллаха, кабальеро. Тем не менее мы попытаемся…

— Я бы хотела, чтобы ваши доблестные кастильцы охраняли вход в подземелье, — перебила секретаря Ясмин. — Видите ли, Тубал считает, что нападение на Карима и его людей было неслучайным. Возможно, нам тоже следует ожидать чего-то подобного.

— Хорошо, — после короткого раздумья ответил Кортес. — Я поставлю охрану. Но мои люди не будут заниматься раскопками и не станут никуда спускаться — это не входит в условия контракта.

— А вы? — принцесса удивленно вздернула брови. — Неужели вы сами не захотите увидеть то, что спрятано в тайнике под пирамидой?

— Прошу меня извинить, Ваше Высочество. Если угроза нападения реальна, мне тем более нечего делать под землей.

Ясмин сморщила носик — по-видимому, ответ Эрнандо разочаровал ее.

— Вы странный человек, амир… Вы, по словам Тубала, не раздумывая бросились на вой этого ужасного демона…

Кортес наградил секретаря ледяным взглядом.

— Вряд ли это можно назвать сражением, принцесса. По правде говоря, я просто пронзил мечом какой-то сгусток тумана.

— Вы сами не знаете, с чем столкнулись, — неожиданно серьезно сказала Ясмин. — Эта встреча могла очень дорого вам обойтись.

"Еще не хватало, чтобы эта девчонка мне сочувствовала", — подумал Эрнандо.

— Я уже понял, что у вас в запасе еще много секретов, Ваше Высочество. Однако я не любопытен, прошу меня извинить.

Он поднялся, стараясь не задеть полой плаща уставленный маленькими чашечками столик.

— Благодарю за кофе, он был великолепен. А теперь позвольте пожелать вам спокойной ночи — до рассвета еще добрых четыре часа.

> "Говорят, что когда господин Се Акатль Топильцин, называемый также Змеем в Драгоценных Перьях, покинул Толлан и устремился на восток, сопровождаемый немногими верными, в погоню за ним

отправился сам Камастле, Кровавый Ягуар Тескатлипоки. Топильцин забрал с собой многие приспособления и магические предметы, среди которых были огненные змеи ксиукоатль, грозное оружие богов, и Тескатлипока возжелал вернуть их в Толлан. Он снабдил Камастле волшебными зеркалами, которые должны были стать ловушкой для Топильцина и его нагуалей, и булавой с лезвиями из горного хрусталя… Камастле нагнал беглецов в южных джунглях, на берегу Усума-синты, и, притворившись верным, проник в палатку Змея в Драгоценных Перьях. Он попытался поймать нагуалей Топильцина в волшебные зеркала Тескатлипоки, но не преуспел в этом. Тогда он сбросил человеческую личину и принял свой истинный облик. Долго бились Змей в Драгоценных Перьях и Кровавый Ягуар на берегу Усумасинты, и поначалу Камастле одерживал победу. Ему удалось ранить Топильцина, но тот призвал на помощь змей ксиукоатль и опалил Камастле небесным огнем. Кровавый Ягуар упал на землю и, корчась в страшных судорогах, прорыл своими когтями новое русло Усумасинты… Видя его страдания, Топильцин горько заплакал и поклялся никогда больше не брать в руки оружия. Вместе со своими последователями он построил высокую пирамиду и похоронил в ней Камастле. Ксиукоатль, оружие богов, он оставил в гробнице рядом с телом Кровавого Ягуара, а дверь запечатал. И проведя на берегу Восточного моря три года и три дня, он отправился на восход, в страну Тлаллан-Тлапаллан, пообещав вернуться в последние дни эпохи Пятого Солнца…"

"Полные и достоверные сведения о жителях страны, называемой Кулуа, или аль-Ануак". Куитлауак-Мустафа ал-Тласкалан, 940-й год Хиджры.

5. Принцесса и колдун

Лубаантун.

Год 2-й Тростник, день 18-й Текпатль

Вход в подземелье обнаружили неожиданно быстро. С юга к пирамиде примыкала небольшая рощица тесно переплетенных друг с другом деревьев. Тубал, сверившись со своими записями, приказал слугам принцессы вырубить рощу, и к полудню от нее осталась только толпа кривоватых пеньков. От основания пирамиды к этим пенькам тянулась широкая полоса светлого грунта, похожая на засыпанную трещину в земле. Секретарь, с недовольным видом ходивший вокруг трудившихся в поте лица слуг, молча отобрал у одного из них тяжелую лопату и с силой ударил в середину предполагаемой трещины. Рыхлая почва с тихим уханьем провалилась на два локтя в глубину. Еще через час открылись контуры выложенной белым известняком двери, ведущей в подземелье. Проем двери был завален битым камнем и глиняными черепками.

Наемники, стоявшие по обе стороны траншеи, с любопытством заглядывали вниз и всматривались в темноту. Кортес следил за ними, удобно устроившись в тени старой раскидистой сейбы на вершине невысокого оплывшего холма. Перед ним стояла оплетенная соломкой пузатая бутыль с холодным октли и две грубо вылепленные чашки. Компанию Кортесу составлял капитан Коронадо, мрачный бородач, постоянно выглядевший сонным из-за полуприкрытых тяжелых век и мешков под глазами.

— Не верю я в то, что на нас могут напасть, — Коронадо поднес к губам чашку, и на его поросшей короткими черными волосами шее задвигался мощный кадык. — Некому нападать. В руинах живет от силы человек двадцать — и хорошо, если хоть один из них сможет поднять меч. Вокруг на десять дней пути ни одного селения. Жители ушли. Бежали. Они бежали от нас, командир, это же понятно! Мы наводим на них ужас… Кто станет нападать на лучших воинов аль-Ануака, которым к тому же покровительствует сам тлатоани?

— Не выдавай желаемое за действительное, Педро. В этих краях слово Монтекусомы значит очень мало. Хорошо спланированное нападение — и от бандейры в восемнадцать мечей останется в лучшем случае добрая память…

— Меднокожие не способны на такое, командир, — презрительно сощурился Коронадо. — Все, что они могут — это нападать огромными толпами, мешая друг другу, и орать свои

дурацкие песни. То ли дело северные племена, с которыми мы сражались в Сиволе! Вот это бойцы! Правда, и наставники у них были не из последних…

— Норманны, слава Господу, так далеко на юг не забираются. — Кортес вспомнил, как бесшумно выплывали из тьмы причудливо раскрашенные фигуры воинов-анасази, истребившие половину его отряда в ущельях Сиволы, и его передернуло. — Хотя я слышал, что они подстрекают к бунту племена на северной границе империи. Видно, старому ублюдку королю Магнуссону не дают покоя золотые прииски ацтеков — вот он никак и не успокоится…

— Ну да, его-то собственное королевство только селедкой богато, — усмехнулся Коронадо. — Но ты же не станешь спорить, командир, что воины — норманны отменные…

— Не стану, — легко согласился Кортес. — Именно поэтому… эй, что за чертовщина?

Он вскочил с циновки, едва не опрокинув кувшин, и замер, не отрывая взгляда от провала, в котором трудились, расчищая засыпанную землей дверь, слуги принцессы. Шестеро наемников, еще минуту назад стоявшие широким полукольцом по периметру вырубленной рощи, сгрудились в ощетинившийся мечами стальной квадрат. Над руинами висела удивительная, режущая уши тишина — рабочие не перекрикивались в своей яме, в зарослях перестали щебетать птицы и вопить маленькие голохвостые обезьяны. Раздавшийся в этой тишине звон покидающих ножны клинков и привлек внимание Кортеса.

— Пресвятая Дева, — выдохнул за его плечом Коронадо.

В двадцати эстадо от пирамиды на искусственном возвышении, выложенном треснувшими от времени гранитными плитами, восседал огромный ягуар. Он был абсолютно неподвижен и походил на статую, вырезанную из эбенового дерева. Черная шкура зверя матово поблескивала на солнце.

Кортесу доводилось видеть больших ягуаров, в том числе и знаменитого на весь аль-Ануак белоснежного Кошкоша, содержавшегося в императорском зверинце в Тескоко. Но все они значительно уступали сидевшему на холме черному гиганту. Его круглая, с острыми ушами голова была повернута к яме, в которой трудились слуги принцессы.

— Да эта тварь разорвет человека, как кот мышку, — прошептал потрясенный Коронадо. Кортес выпрямился во весь рост и зычно крикнул:

— Аркебузиры! Стреляйте в зверя!

С самого утра он распорядился поставить у южной стены пирамиды трех стрелков. Теперь они споро разворачивали

массивные стволы в сторону неподвижно сидевшего на пригорке ягуара. Возня людей с какими-то блестящими железками, казалось, совершенно не интересовала его, но стоило первому аркебузиру поднести горящий фитиль к запальному отверстию, огромный зверь внезапно прыгнул в сторону. Это произошло так быстро, что стрелок не успел остановить свою руку. Грохнул выстрел, на вершине холма взметнулось облако пыли и каменной крошки — тяжелые пули разнесли гранитную плиту, на которой только что сидел ягуар.

— Не стрелять! — срывающимся голосом крикнул Тубал, выскакивая из траншеи. От былой невозмутимости секретаря не осталось и следа. — Не убивайте его, идиоты! Сеньор Кортес, велите вашим людям остановиться!

Эрнандо вскинул руку, приказывая аркебузирам прекратить стрельбу. Не то чтобы он вдруг решил послушаться Тубала — просто стрелять было больше не в кого. Ягуар исчез — мгновенно и бесследно. Только колыхались у подножия пригорка густые заросли тамариска.

Кортес знаками подозвал секретаря к себе. Чалла подошел, поминутно оглядываясь назад, словно ожидая увидеть там ягуара.

— Не пора ли объясниться? — без обиняков спросил Эрнандо. — Что это за зверь и почему ты не хотел, чтобы в него стреляли?

— Это не зверь, — ответил Тубал. Он тяжело дышал, раскраснелся и вообще выглядел необычно возбужденным. — Пусть внешность не обманывает вас, кабальеро. Это был оборотень.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Кортес. — Почему бы не допустить, что мы видели обычного, хотя и очень крупного ягуара? И все-таки — почему ты не хотел, чтобы мои люди его убили?

Минуту секретарь молчал, изучая землю у себя под ногами.

— Если это тот, кто нам нужен, сеньор… убивать его было бы неразумно…

— Опять загадки, — поморщился Эрнандо. — Почему нельзя сказать сразу, без этих тайн? Если ты знал, что он может появиться, отчего не предупредил? И зачем тебе понадобился ягуар-оборотень?

— Скорее, это мы ему нужны… но вы все узнаете сами. Скоро. Во всяком случае, я рад, что его не убили…

— Мне казалось, это ты громче всех кричал, чтобы я поставил охрану вокруг раскопок, — заметил Кортес. — А теперь это тебе почему-то не нравится.

Он бросил быстрый взгляд в направлении ямы. Стальной

квадрат распался — теперь наемники стояли вытянутым клином, по бокам которого гарцевали двое прискакавших на выстрелы всадников.

— Пожалуйста, сеньор Кортес, не заставляйте меня оправдываться! Охрана нужна для того, чтобы противостоять меднокожим, если они вдруг захотят помешать нам. Но этот зверь еще никому не причинил вреда. Он просто пришел и посмотрел…

— Что ты о нем знаешь? — рявкнул Эрнандо, хватая Тубала за отвороты кафтана и резко дергая вверх и на себя. — И почему защищаешь?

— Советую отвечать быстро и правдиво, — холодно добавил Коронадо. — А не то я вызову тебя на поединок за оскорбление чести бандейры. Вы слышали, командир, он назвал наших солдат "идиотами"?

Тубал побледнел. Дуэль с таким беспощадным убийцей, каким слыл капитан Коронадо, означала верную смерть.

— Я не вправе говорить об этом, — в его голосе прорезались умоляющие нотки. — Только Ее Высочество может позволить мне…

— Считай, что она тебе разрешила, — усмехнулся Кортес. — Уверен, принцессе будет жаль лишиться такого преданного помощника…

Клинок Коронадо выскользнул из ножен и уперся в носок сапога Тубала. Тот вздрогнул и попытался отшатнуться, но Эрнандо держал его крепко.

— Хорошо, сеньоры, — капитулировал чалла. — Этот оборотень… колдун… он пришел за скрижалями… теми, что вы, сеньор Кортес, видели нынче ночью… это великое сокровище, принадлежавшее могущественным магам древности. Теперь оно не имеет силы, потому что разделено, однако колдуны аль-Ануака готовы на все, чтобы снова собрать скрижали воедино.

— Допустим, ты не лжешь. Но откуда тебе известно о том, кто он?

— Мы знали давно, еще в Теночтитлане… оборотень ходил вокруг дворца Ахайякатля, следил, вынюхивал… поэтому у охранников были пантеры — они чуют оборотней. А потом он следовал за нами, всю дорогу… вы же помните, как нервничали лошади по ночам… а вчера…

— Так это его работа? — хмыкнул Кортес, вспомнив раздирающий душу вой над ночными джунглями. — Зачем же ты морочил мне голову рассказами о "больших зверях"?

Секретарь, в ногу которого по-прежнему упиралось острие меча Коронадо, нашел в себе силы усмехнуться.

— Вы полагаете, что этого ягуара нельзя назвать "большим

зверем", сеньор?

— Я полагаю, что ты постоянно лжешь и недоговариваешь, Тубал. Предположим, ты знал об оборотне с самого начала. Почему же не предупредил меня? Или ты считаешь, что человеку, нанятому для того, чтобы охранять принцессу, незачем забивать себе голову такими мелочами?

— Отпустите меня, сеньоры, — понизив голос, йопросил Тубал. — Если принцесса увидит, как вы со мной обращаетесь, вам не избежать ее гнева.

— Не стоит угрожать кастильцам, — прорычал Коронадо, еще сильнее надавив на клинок. — Особенно, если ты сам — поменявший веру сукин сын.

— Мой друг прав, — Кортес сделал шаг назад и скептически оглядел помятого секретаря. — Мы, кастильцы, слишком горды и неуживчивы — разговаривая с нами на языке угроз можно ненароком и своего языка лишиться. Поэтому мы отпустим тебя только при одном условии — ты честно ответишь на последний вопрос. Согласен? Тубал мрачно кивнул.

— Что понадобилось Ее Высочеству от этого оборотня?

— Не знаю, — быстро ответил чалла. Коронадо с мстительной ухмылкой проткнул его сапог острием клинка, и бледное лицо секретаря исказилось от боли. — Я действительно не знаю! Она хотела… — он запнулся и закусил губу.

— Прекрати, Педро, — велел Кортес; Коронадо недовольно хмыкнул, но повиновался. — Итак, чего же хотела наша принцесса?

— Может быть, проще спросить об этом меня? — голос Ясмин был холоднее льда. Она ухитрилась так бесшумно подъехать к сейбе на своей белой кобылке, что Коронадо даже выругался от неожиданности. — И кто дал вам право, сеньор Кортес, калечить моих людей? Или вы опять заботитесь о моей безопасности?

Эрнандо не успел ответить. Один из всадников, охранявших траншею, галопом подлетел к подножию холма и откинул забрало шлема. Кортес узнал молодого Понсе де Леона.

— Командир, рабочие открыли дверь в подземелье! — выкрикнул он. — Какие будут приказания?

— Там, где дело касается подземелья, приказы отдает Ее Высочество, Диего, — Кортес учтиво поклонился Ясмин. — Но охрана пусть смотрит в оба: возможно, к нам пожалуют гости…

— Пусть никто не пытается проникнуть в сокровищницу до меня, — распорядилась принцесса. — Я хочу спуститься туда первой.

Понсе де Леон коротко отсалютовал мечом и ускакал, вздымая облака белой пыли.

— Он приходил, Ваше Высочество, — секретарь тщетно пытался привести в порядок свое платье. — В облике гигантской черной кошки. Солдаты стреляли в него, но он убежал.

— Я слышала выстрелы, — кивнула Ясмин. — Ты рассказал им?.. Презрения в ее голосе хватило бы на то, чтобы затопить Лубаантун до вершины самой высокой из его пирамид. Тубал опустил голову.

— Болтливый пес! Ладно, теперь уже ничего не поделаешь. Сеньор Кортес, нынче ночью вы сказали, что не собираетесь спускаться в подземелье, так как это не входит в ваш контракт. А что, если я захочу сойти туда сама? Вы все равно откажетесь сопровождать меня?

Эрнандо. хмуро посмотрел на нее. Сегодня на принцессе была кастильская одежда — короткая зеленая куртка, бархатные штаны для верховой езды, — делавшая ее похожей на молоденькую амазонку, выехавшую на охоту. Не сочетался с этим образом только полупрозрачный платок-никаб, скрывавший лицо Ясмин. Впрочем, даже с платком она выглядела прелестно.

— В этом случае, Ваше Высочество, долг велит мне запретить вам подобное безрассудство. Вы не должны подвергать себя такой опасности — на это есть слуги или, если уж вам так хочется сохранить все в тайне, ваш секретарь…

— Которого вы только что чуть было не проткнули насквозь, — насмешливо перебила его Ясмин. — Вам не кажется, что для командира наемников вы слишком много себе позволяете?

— Ваше Высочество, — неожиданно осипшим голосом проговорил Коронадо, — если вы прикажете, я сочту за честь сопровождать вас даже в преисподнюю.

"Этого еще не хватало, — раздосадованно подумал Кортес. — Стоит только этой красотке подмигнуть, и лучшие мои командиры превращаются в безмозглых ослов! К тому же надо смотреть на вещи трезво — я не могу запретить ей лезть в эту дыру. А если ее будет сопровождать Коронадо, то потом не избежать разговоров о том, что у меня просто не хватило духу последовать за ней".

— Хорошо, — бесцветным голосом сказал он, — мы спустимся туда вместе. Тубал, распорядись, чтобы к яме принесли кувшин родниковой воды.

Глаза Ясмин влажно блеснули в прорези никаба.

— Я рада, что вы согласились, амир. А зачем вода?

— Вы смочите ею свой платок. Так делают рудокопы, чтобы защититься от ядовитого воздуха подземелий.

Принцесса дернула поводья белой кобылки, и та

размеренным шагом двинулась к яме. Кортес бросил выразительный взгляд на Коронадо и последовал за ней.

Яма уходила на добрых десять локтей вглубь. Рабочие разобрали завал, и теперь окаймленная белым известняком дверь выглядела настоящими воротами в ад. По знаку Кортеса молодой невольник-нубиец осторожно приблизился к отверстию и зажег факел — пламя затрепетало, потом вытянулось в сторону проема.

— Я пойду первым, — сообщил Эрнандо принцессе. Он обмотал лицо влажной тряпкой и завязал ее концы узлом на затылке. — Прошу вас беспрекословно и быстро выполнять все мои… распоряжения. Возможно, от этого будет зависеть ваша жизнь.

Ясмин фыркнула, но возражать не стала. Кортес отобрал у нубийца факел и спрыгнул в яму. Принцесса предпочла спуститься по деревянной приставной лестнице.

В подземелье пахло сыростью и плесенью. Этот запах был настолько силен, что проникал даже сквозь мокрую ткань. Каменные ступени, уходившие в темноту, казались предательски скользкими, так что время от времени приходилось хвататься за отвратительно влажные стены. Несколько раз Кортес ударялся затылком о низко нависавший шершавый свод и тихо поминал дьявола, жалея, что не надел шлем. Ясмин, шедшая позади, тоже шептала себе под нос что-то по-арабски — по-видимому, ругалась. Когда позади осталось сорок две ступеньки, желтый свет факела выхватил из тьмы чье-то искаженное в ужасной гримасе лицо с налившимися кровью глазами.

— Что там? — в голосе принцессы прозвучали тревожные нотки. — Почему вы остановились, амир?

Кортес перевел дыхание. В первое мгновение ему показалось, что чудовище живое и сейчас бросится на него, но потом он сообразил, что перед ним всего лишь вырезанное в камне изображение.

— Здесь плита, — негромко сообщил он, не оборачиваясь к принцессе. — Вероятно, та самая, о которой говорится в вашем пергаменте…

Он поводил факелом вверх-вниз, осматривая барельеф. Существо, изображенное на плите, имело вытянутую, немного напоминающую крокодилью голову, огромную пасть с двумя рядами острых, загнутых кверху зубов и высокий гребень, тянущийся по всему хребту до кончика длинного хвоста. Кровавые глаза, как заметил Эрнандо, были инкрустацией — возможно, из драгоценных камней. Плита, некогда перекрывавшая ход вниз, была теперь повернута под небольшим углом к лестнице, так что при желании протиснуться между ней и

стеной не составляло большого труда. Кортес попробовал сдвинуть ее плечом, чтобы расширить проход, и едва не потерял равновесие — массивная каменная глыба подалась неожиданно легко.

— Вам лучше пока остаться здесь, — предупредил он Ясмин, не особенно надеясь на успех. — Я проверю, нет ли внизу ловушек.

К его удивлению, принцесса не стала спорить. Видимо, давящая атмосфера подземелья благотворно повлияла на ее благоразумие.

Сразу же за плитой с барельефом на ступеньках лестницы лежал скелет без черепа. В ребрах у него торчал кремневый наконечник копья. Кортес осторожно обогнул его, стараясь не задеть ненароком ногой. Сделал шаг, другой, посветил факелом, разгоняя подземную тьму, и остановился.

Скелетов в подземелье было много. Так много, что сразу стало ясно — сокровища обнаружили задолго до их появления в Лубаантуне. Обнаружили, но не смогли поделить. Некоторые скелеты, как и первый, лежали на ступенях: костлявые пальцы крепко сжимали крошащийся от времени камень. Другие были свалены у подножия лестницы, подобно какой-то чудовищной вязанке хвороста. Бесформенные груды костей громоздились вдоль стен открывшейся внизу широкой пещеры. Больше, насколько мог разглядеть Эрнандо, в пещере не было ничего.

— Спускайтесь, Ваше Высочество, — негромко позвал он. — Здесь, кажется, безопасно…

Под ногами хрустели кости. Желтый череп откатился к самому краю лестницы и, упав на пол пещеры, рассыпался в прах.

— Смерть, — дрогнувшим голосом проговорила Ясмин. — Это царство смерти.

— Гробница, скорее всего, — кивнул Кортес. — На юге меднокожие любят хоронить своих правителей вместе с прислугой и телохранителями. Те, что сидят вдоль стен, наверняка были убиты, чтобы сопровождать своего господина на том свете.

— А эти, на лестнице?

— Если верить вашему документу, торговец Карим сражался здесь с воинами народа аль-киц. Похоже, тут было жарковато… Смотрите, Ваше Высочество, вот обломок стального клинка. Это мавританская сабля.

— Амир, когда мы одни… вы можете не называть меня "Ваше Высочество".

Кортес обернулся и удивленно посмотрел на нее. Лицо принцессы по-прежнему скрывал платок, но тонкий смолистый

факел дрожал в ее руке, и кастилец понял, что она по-настоящему напугана.

— Как же мне тогда называть вас, Ваше Высочество? — он ободряюще дотронулся до рукава ее зеленой курточки. Тонкие пальцы девушки крепко обхватили его запястье.

— Просто Ясмин… У меня ведь красивое имя, не правда ли?

— Разумеется, Ваше Вы… — Кортес запнулся и рассмеялся. — Разумеется, Ясмин. У вас очень красивое имя, почти такое же красивое, как и вы сами.

Пальцы принцессы коснулись его лица.

— Спасибо, амир. Даже если вы говорите это просто из вежливости, мне приятно слышать такие слова из ваших уст.

Повисло неловкое молчание. Кортес внезапно почувствовал себя очень глупо — он находился наедине с дьявольски привлекательной и явно неравнодушной к нему девушкой и никак не мог понять, что ему следует делать. Притвориться, что он не понимает намеков? Тогда принцесса до конца своих дней будет думать о нем, как о круглом дураке, а сам он будет жалеть об упущенной возможности. Ответить на ее призыв? Уж больно неподходящее место для любовных утех — сырость, отвратительный запах, груды костей по углам…

— Ясмин, — хрипло проговорил Эрнандо, — вы мне… вы мне действительно очень нравитесь. Я хотел бы извиниться за грубость, которую проявил вчера… поверьте…

— Я прощаю вас, — прошептала принцесса, доверчиво прижимаясь к кастильцу. — Мне страшно, мне очень страшно здесь, мой храбрый рыцарь… Здесь кругом мертвецы… ужасные маски на стенах… это место, где похоронено зло…

— Что вы сказали? — потрясенно переспросил Кортес. — Место, где похоронено зло?

Ясмин пожала худенькими плечами.

— Так говорит Тубал. На самом деле он очень-очень умный, прочел сотни книг… дядя шутит, что он родился в библиотеке…

"Тисок говорил то же самое, — подумал Эрнандо. — Какое зло они все имели в виду? Я вижу здесь только гору скелетов и кучу битых черепков".

Они обошли пещеру по кругу. Принцесса крепко держалась за запястье кастильца, но факел в ее руке больше не дрожал. В одном месте они обнаружили неглубокую яму и отвал рыжеватой окаменевшей за долгие годы глины. Яма была пуста, только на дне ее блеснул в свете факела крохотный листочек золотой фольги.

— Боюсь, мы ничего не найдем здесь, — Кортес на всякий случай ткнул в яму мечом, но никаких присыпанных землей

сундуков не обнаружил. — Все давно разграблено.

— Вы правы, амир. Пора подниматься на поверхность. Мне не нравится это место. Здесь слишком душно… и этот запах…

Она не успела договорить. Откуда-то с потолка пещеры, из темноты скользнул по толстой нити отвратительный мохнатый паук размером с канарейку. Он упал за воротник курточки принцессы, но одна из его длинных лап зацепилась за узел никаба, и паук забился, стремясь освободиться. В то же мгновение Кортес схватил принцессу за воротник и изо всех сил сжал кулак. Между пальцами у него отвратительно хрустнуло, и он почувствовал острую боль в ладони. Ясмин взвизгнула, вырываясь. Бархатная куртка треснула по шву, кусок воротника остался в руке у Эрнандо. Он медленно разжал кулак — раздавленное насекомое тяжело упало на утрамбованный глиняный пол пещеры.

— О, Аллах! — прошептала пораженная Ясмин. — Ну и чудище! Амир, вы спасли мне жизнь!

Кортес внимательно осмотрел ладонь. У основания указательного пальца кровоточила маленькая ранка.

— Подержите факел, — приказал он принцессе. — И отвернитесь. Левой рукой он вытащил из ножен узкий севильский стилет и ткнул его в пламя факела. Подождал минуту, чувствуя, как пульсирует кровь в прокушенной ладони. Когда лезвие стилета раскалилось достаточно, Кортес быстро поднес его к ране и вонзил глубоко в ладонь. Запахло паленым мясом.

— Зачем вы это делаете? — еле слышно спросила Ясмин. Она, разумеется, и не подумала отворачиваться.

— Если эта тварь ядовита, — ответил Эрнандо сквозь сжатые зубы, — раскаленный металл выжжет яд из раны. Меднокожие прижигают укусы змей горячими камнями, но этот способ вернее.

Принцесса неожиданно откинула никаб, подошла к кастильцу и поцеловала его в губы.

— Я никогда не забуду вашей храбрости, амир. Вы — настоящий футувва!

Кортес нашел в себе силы улыбнуться.

— Я тоже никогда не забуду вашей доброты, Ясмин. Однако нам надо возвращаться.

Поднимаясь по лестнице, он с тревогой обнаружил, что укушенная рука начинает неметь. В тропических лесах укусы насекомых — дело обычное, во всяком случае, самого Кортеса кусали не раз, и он уже знал, что если прижигание не помогло, то придется обращаться за помощью к туземным знахарям. И чем скорее, тем лучше.

У двери, ведущей на поверхность, их встретил Тубал.

— Ваше Высочество, — торопливо проговорил он, — тот, кого мы ждали, пришел.

— В самом деле? И где же он?

— Его стерегут солдаты. Вы что-нибудь нашли там, внизу? Принцесса не удостоила его ответом.

После темноты подземелья яркое полуденное солнце ослепило Кортеса. Он поморгал, отгоняя мелькавшие перед глазами черные пятна, и вдруг пошатнулся от внезапного приступа головокружения. Правая рука онемела до локтя.

— Командир, — отрапортовал подскакавший к траншее Понсе де Леон, — мы поймали лазутчика. Капитан Коронадо выслал на разведку четырех верховых — возможно, меднокожие готовят нападение.

— Хорошо, Диего. — Кортес сам поразился, как хрипло прозвучал его голос. — Приведите лазутчика.

"И пошлите за врачом" — едва не добавил он, но сдержался. Все, что мог бы сделать в этой ситуации отрядный коновал Фигероа — это еще раз прижечь рану, но смысла1 в таком лечении было немного.

Солдаты, окружавшие траншею, расступились, пропуская пленника. В первую минуту Эрнандо не поверил своим глазам — «лазутчик» оказался горбатым карликом с длинным, обезображенным шрамами лицом. "Тот, кого мы ждали, пришел", — сказал Тубал, имея в виду могущественного колдуна, который следовал за отрядом от самого Теночтитлана. Теперь колдун стоял перед Кортесом, а за ним возвышались двое наемников с обнаженными клинками. Ни страха, ни почтения горбун не выказывал.

— Кто ты такой и что тебе здесь нужно? — спросил Эрнандо на науатль. Ясмин недовольно нахмурилась, и Тубал поспешил перевести его вопрос на арабский.

Пленник хмыкнул и выразительно посмотрел на свои связанные запястья. Ростом он едва ли превосходил десятилетнего ребенка, но руки у него были толстые и мускулистые. Коричневые предплечья густо покрывали свежие кровоточащие царапины, будто карлик только что вылез из колючих зарослей.

— Развяжите его, — велел Кортес. Понсе де Леон, поигрывая кинжалом, приблизился к пленнику и не торопясь перерезал веревки. Горбун несколько раз сжал крепкие узловатые кулаки и сплюнул под ноги де Леону.

— Ты умрешь, — заявил он, глядя в глаза Кортесу. — Я чую яд в твоей крови: он приближается к сердцу. Скоро оно остановится, и тогда ты умрешь.

Тубал, переводивший его слова принцессе, запнулся. Эрнандо почувствовал, как по позвоночнику поднимается неприятный холодок.

— Я спросил тебя не об этом. Кто ты и что тебе нужно в нашем лагере?

Горбун усмехнулся, обнажив кривоватые желтые зубы.

— Я Балам-Акаб, Ягуар Ночи. Я господин ксиукоатль, огненных змей. Мудрому это объяснит все.

— А я Эрнандо Кортес, капитан вольных мечей из Кастилии. И я не люблю тех, кто разговаривает со мной без должного уважения.

— Я знаю, кто ты, Малинче. На самом деле я знаю о тебе больше, чем ты сам. Но сейчас я хочу говорить не с тобой, а с твоей госпожой.

Как только Тубал перевел эти слова, Ясмин шагнула вперед и встала рядом с Кортесом.

— Скажи ему, что я пришла сюда за оставшимися скрижалями, — велела она секретарю. — Спроси, знает ли он, где они находятся.

— Конечно, знаю, — снова ухмыльнулся колдун. — Юная госпожа напрасно спускалась по холодной лестнице. Хранилище пустует уже много лет, с тех самых пор, как жадный бородач украл четыре ксиукоатль и увез их за море. Но умная юная госпожа привезла их обратно, ведь так?

Кортес вновь испытал мучительный приступ головокружения. На лбу у него выступила испарина, сердце заколотилось так сильно, словно он только что пробежал пять лиг, пытаясь обогнать арабского скакуна. Проглотив застрявший в горле комок, Эрнандо жестом подозвал Понсе де Леона.

— Узнайте, есть ли в деревне знахарь, — тихо велел он. — Привезите сюда.

— Что-то случилось, сеньор Кортес? — встревоженно спросил молодой наемник. Кортес сурово посмотрел на него.

— Выполняйте приказ, Диего.

Понсе де Леон пустил коня в галоп. Горбун посмотрел ему вслед, презрительно скривив толстые губы.

— Деревенские колдуны не помогут тебе, Малинче. Я мог бы спасти тебя, но ты убил моего друга паука, и мое сердце жаждет мести…

— О чем он говорит, амир? — встревоженно спросила принцесса. Кортес пожал плечами.

— Если верить этой образине, паук, напавший на вас в пещере, приходился ему приятелем, — объяснил он по-арабски.

— Прошу вас, амир, не оскорбляйте его понапрасну. Это

очень опасный человек.

— Поверьте, Ваше Высочество, у него куда больше причин опасаться меня.

Карлик задумчиво почесал одной короткой ногой другую.

— Мне нужны украденные ксиукоатль, молодая госпожа. Я мог бы забрать их и так, но мне не хочется огорчать такую красивую госпожу. Поэтому я пришел договариваться.

— Ты лжешь, — резко сказал Кортес, прежде чем секретарь успел перевести слова колдуна принцессе. — Если бы ты мог, то похитил бы скрижали давным-давно. Но ты только ходил вокруг да около, облизываясь, как голодный пес. Морок насылал, завывал дурным голосом — а толку? Может, ты и колдун, но против кастильских мечей твое колдовство бессильно.

Карлик метнул на него злобный взгляд, и Эрнандо понял, что попал в точку.

— Погодите, амир, — Ясмин предостерегающе подняла руку. — О чем ты хочешь договориться со мной, Балам-Акаб? Неужели ты думаешь, будто я отдам тебе то, что ты просишь?

Кортес с удивлением обнаружил, что голос стоящей рядом принцессы доносится до него словно издалека. Уши заложило мягкой ватой, перед глазами вновь замелькали черные точки. Кастилец испытал сильнейшее желание сесть прямо на землю и только предельным усилием воли заставил себя стоять неподвижно.

— Я слышал, люди вашего народа любят торговаться, — сказал горбун. — Назови свою цену, госпожа, и мы начнем разговор. Кстати, если ты хочешь сохранить жизнь своему наемнику, советую поторопиться. Яд уже почти добрался до его сердца.

На этот раз Тубал перевел все дословно. Ясмин вздрогнула и повернулась к Кортесу.

— Вы действительно плохо себя чувствуете?

— Пустяки, Ваше Высочество, — чтобы произнести эту короткую фразу, Эрнандо потребовалось напрячь все силы. Язык будто одеревенел и еле ворочался во рту. — Со мной все в порядке…

— Это входит в цену, которую я могу предложить, — ухмыльнулся колдун. — Но решай быстрее — я не умею воскрешать мертвецов.

— Вылечи его, — потребовала Ясмин по-арабски, но тут же спохватилась и дернула секретаря за рукав: — Тубал, я приказываю ему немедленно вылечить амира!

— И я получу обратно украденные ксиукоатль? — глумливо осведомился горбун.

— Ты получишь жизнь. В противном случае я прикажу солдатам привязать тебя за руки и за ноги к верхушкам деревьев, чтобы разорвать твое уродливое тельце на четыре части.

— Мне не нравится такая сделка, жестокая госпожа, — заметил Балам-Акаб. — Ты хочешь, чтобы я вылечил дрянного, никому не нужного наемника, и взамен даришь мне мою же собственную жизнь! Поистине, наглость людей из-за моря не знает границ!

— Какую же цену ты собираешься предложить мне за мои скрижали? — спросила принцесса.

— Вот это уже похоже на дело, — оживился горбун. — Значит, хитрая госпожа все-таки готова торговаться! Что ж, у меня есть много золота и нефрита. Очень много золота и нефрита…

"Где же Диего? — бессвязно думал Кортес, борясь с усиливающейся дурнотой. — Неужели в этом Богом забытом городе нет своего знахаря? Хорош же я буду, если потеряю сознание у всех на глазах… Что там мелет этот уродец про золото и нефрит?.."

— Я не нуждаюсь в твоих сокровищах, — надменно ответила Ясмин. — У меня на родине их больше, чем ты способен вообразить. Итак, если тебе нечего больше предложить, колдун, скрижали останутся у меня. Поэтому давай вернемся к моему предложению — твоя жизнь за три скрижали, хранившихся в подземелье.

Она отвернулась от карлика и крикнула, обращаясь к наемникам:

— Солдаты! Приготовьтесь убить этого человека по моему приказу!

— Прошу прощения, Ваше Высочество, — прогудел чей-то густой бас, — приказы нам отдает сеньор капитан…

Кортес почувствовал, что его дергают за рукав. "Ясмин, — подумал он, — просила, чтобы я называл ее по имени…"

— Слушайтесь принцессу, — с трудом выговорил он. — Кастильцы, я приказываю вам…

Черные круги бешено завертелись у него перед глазами, сливаясь в один завораживающе глубокий туннель. Кортеса шатнуло вперед, и он раскинул руки, чтобы удержать равновесие.

— Он умрет! — мстительно выкрикнул Балам-Акаб. — Ты можешь убить меня, но твой наемник сдохнет, как бродячий пес!..

"А ведь он прав, — неожиданно трезво подумал Кортес. — Обидно так глупо умирать… из-за укуса какого-то паука…"

— Ты вылечишь его, — твердо сказала Ясмин. — Иначе я просто уничтожу скрижали. Разобью на куски. И тогда никто уже

не сможет остановить Гугумаца.

Земля выскользнула из-под ног Кортеса и стремительно помчалась навстречу.

"Невзирая на продолжающийся сезон дождей и тяжелый недуг, поразивший нашего славного командира Кортеса, он — не без наущения принцессы Ясмин — приказал отряду выступать на город Семпоальян, расположенный в пятнадцати дневных переходах к северо-востоку, где собирались жители всего края, чтобы поклониться Кецалькоатлю. Вся провинция Семпоальян и прилегающие горные местности, в коих имеется около пятидесяти тысяч воинов да полсотни селений и крепостей, не так давно вышли из-под власти тлатоани Монтекусомы, но жители ее пребывали в весьма миролюбивом и дружеском настроении, поскольку оный Кецалькоатль не одобряет войну и насилие. Прежде они бьши данниками оного правителя Монтекусомы, и, как мне сообщили, их подчинили насильно и не очень давно. Когда же Кецалькоатль появился на побережье Восточного моря и начал смущать их прельстительными речами, они объявили, что желают быть его подданными и просят его защитить их от великого тлатоани, который насильно и тирански их держит в своей власти и отбирает у них детей, дабы убивать их и приносить и жертву своим идолам. И еще много других жалоб высказали они на него и по сей причине стали весьма верными и преданными слугами Кецалькоатля, который творил многие чудеса и выдавал себя за бога. И они всегда видят от него доброе обхождение и покровительство. Говорят, что полгода назад оный Кецалькоатль приплыл из-за моря с горсткой верных людей, но теперь его войско весьма умножилось, поскольку многие знатные жители провинции Семпоальян привели к нему свои отряды. И, хоть он никогда не призывает к войне, отряды эти столь многочисленны, что мешикский наместник, сидящий в городе Киауитцлан, не решается выступить против него со своим гарнизоном, несмотря на приказы тлатоани Монтекусомы…"

Падре Фелипе Люке.

Письмо графу де Сангарьяда, епископу Рибагроса, писанное в городе Семпоала в 7-й день месяца

Шочитль.

6. Пророк и наемник

Семпоала.

Год 2-й Тростник, день 10-й Акатль

Семпоала не входила в число великих городов аль-Ануака, но сейчас Кортесу казалось, что людей здесь больше, чем в Теночтитлане. Толпы меднокожих неторопливо двигались по широким улицам между белыми, покрытыми блестевшей на солнце штукатуркой домами, размахивая огромными опахалами из перьев и распевая гимны в честь Кецалькоатля. Площади были запружены танцующими женщинами и мужчинами в ярких праздничных одеждах. Храм Тескатлипоки на вершине главного святилища города — ступенчатой пирамиды в девяносто локтей высотой — украшали какие-то пестрые ленты и груды живых цветов; присмотревшись, можно было заметить, что над конусообразной крышей храма кружатся десятки разноцветных бабочек.

Семпоала превратилась в столицу Кецалькоатля.

За последние дни Кортес узнал об истории мятежа почти все. Полгода назад человек, называющий себя Змеем в Драгоценных Перьях, высадился на побережье Восточного моря у Техуаны. С ним было всего двенадцать человек — армия, с помощью которой он надеялся покорить аль-Ануак. Почему мешики сразу же не схватили его и не отправили в клетке в Теночтитлан, осталось для Кортеса загадкой. По-видимому, поначалу его просто не принимали всерьез. Но уже через месяц Кецалькоатля повсюду сопровождала сотня сторонников из числа рыбаков, земледельцев и ремесленников Техуаны. Объединяло этих людей одно — дети, погибшие на алтарях Тескатлипоки и Тонатиу. У каждого из них когда-то отобрали ребенка, чтобы напоить жертвенной кровью вечно голодное солнце и отсрочить конец света. С тех пор в их сердцах жила ненависть к жрецам мешиков, тлатоани Монтекусоме и далекому Теночтитлану. Кецалькоатль пообещал им, что кровавых жертвоприношений больше не будет, и они пошли за ним, не раздумывая. Многие из них хорошо умели обращаться с оружием. Когда ацтекский наместник наконец предпринял попытку захватить пророка, отправив в Техуану отряд из двадцати воинов, толпа последователей Змея в Драгоценных Перьях дала солдатам жесткий и суровый отпор. Время для безболезненного решения конфликта было упущено, и обе стороны начали готовиться к войне.

Наместник понемногу стягивал войска в прибрежную

крепость Киауитцлан, оставляя без защиты другие города провинции. Кецалькоатль продолжал проповедовать. Он не призывал своих последователей к оружию — наоборот. Он говорил о драгоценности жизни, о невозможности причинить зло другому существу, о том, что настоящим богам не нужны человеческие жертвы, а те, что их требуют, не боги, а жадные до крови и боли демоны. И чем больше он говорил, чем быстрее его слова находили путь к сердцам жителей Техуаны, тем больше становилось его войско. В конце концов оставшаяся без ацтекского гарнизона столица народа тотонаков Семпоала открыла ворота Кецалькоатлю. Семпоала была окружена крепкими стенами и могла выдержать долгую осаду. Наместник благоразумно решил не рисковать и принялся просить помощи у Теночтитлана. А пока Монтекусома медлил, силы мятежников все росли…

Это был странный мятеж. Никого из посланников тлатоани, прибывших в Семпоалу с повелением признать власть Тройственного союза, не убили и даже не бросили в тюрьму. Чиновников из Теночтитлана держали во дворце Змея под неусыпным, но ненавязчивым наблюдением, и сам Кецалькоатль нередко беседовал с ними, пытаясь обратить в свою веру. Рассказывали, что один из посланцев, носивший высокий чин Глаза Владыки, проникся его учением и публично отрекся от старых богов, совершив ритуальное омовение в бирюзовой Купальне Змея. Не убивали, как правило, и лазутчиков, которых наместник провинции десятками засылал в Семпоалу. Если такой лазутчик не пытался покушаться на жизнь Кецалькоатля, его или отпускали с миром, или предлагали принять новую веру и остаться жить в городе. Услышав об этом от Тубала, который целыми днями рыскал по рынкам и иным людным местам, собирая слухи и сплетни, Кортес только презрительно фыркнул. Если бы у наместника была хоть капля ума, Семпоала уже наполовину состояла бы из его тайных агентов. Но умом наместник, судя по всему, мог похвалиться не больше, чем проницательностью.

О самом Кецалькоатле кастилец был не лучшего мнения. По распоряжению Змея в город пускали всех — с условием, что вновь прибывшие отдадут свое оружие на хранение. Когда наемников остановили при входе в Семпоалу, меднокожий начальник стражи попытался было отобрать у них мечи и аркебузы, но столкнулся с непробиваемым упорством Кортеса.

— Я охраняю женщину королевской крови, — втолковывал ему Эрнандо, — и принес клятву, что буду заботиться о ее безопасности. Как, по-твоему, я смогу выполнить эту клятву,

будучи безоружным?

После долгих уговоров начальник стражи вынужден был отправиться во дворец Змея, где пропал на несколько часов. Кортес с толком использовал эту задержку, послав четырех верховых на разведку вдоль городских стен.

В конце концов им разрешили войти в город с оружием. Начальник стражи, сделав каменное лицо, сообщил Кортесу, что Змей в Драгоценных Перьях не хочет вставать между благородным человеком и его словом, но просит наемников вести себя в городе миролюбиво и не применять оружие кроме как в случае крайней необходимости. По-видимому, он посчитал, что отряд слишком немногочислен, чтобы представлять собой реальную угрозу. Кортес вежливо поблагодарил, но в душе решил, что таинственный мятежник — человек неумный.

Несмотря на явную перенаселенность города, им удалось разместиться в большом двухэтажном доме, прилегавшем к бывшему храму бога воды Тлалока. После воцарения Кецалькоатля жрецов Тлалока прогнали, а его идолов сбросили на землю и разбили. Сам храм и все его пристройки были объявлены "местом, нуждающимся в очищении", поэтому желающих поселиться там оказалось немного. Солдаты Кортеса выгнали из дома две семьи каких-то полудиких меднокожих, после чего весь храмовый комплекс оказался в полном распоряжении наемников.

Кортес с каждым днем чувствовал себя все лучше, хотя приступы головокружения еще преследовали его. Свое выздоровление он связывал с исчезновением Балам-Акаба, и только Ясмин продолжала настаивать, что именно отвары и заклинания колдуна подняли его на ноги. С карликом они распрощались еще за день до прихода в Семпоалу. Убедившись, что отговорить принцессу от опасной идеи магического поединка невозможно, Эрнандо настоял на том, чтобы колдун пробирался в город самостоятельно. Выслушав его решение, горбун скорчил мерзкую гримасу и заявил, что он-то легко попадет куда угодно, а вот что станут делать христиане, если их не пустят в Семпоалу, непонятно. Не то чтобы он очень беспокоился за христиан, но вот судьба скрижалей, которые по-прежнему хранятся у юной госпожи, его очень волнует.

— Можешь не беспокоиться, — успокоил его Кортес. — Мы попадем в город. А уж там-то ты сможешь нас отыскать. Только сделаешь это тихо и незаметно, чтобы никто даже не заподозрил, что такая образина имеет какое-то отношение к вольным мечам…

В языке науатль не так много обидных слов, но он постарался выбрать самое красочное. Колдун посмотрел на него долгим,

тяжелым взглядом, повернулся и ушел. Эрнандо втайне надеялся, что больше никогда не увидит это мерзкое существо, но на закате пятого дня Балам-Акаб появился вновь.

— Вы нашли себе хороший дом, — произнес он со странной интонацией, разглядывая полустертые изображения демонов на стенах. — Я чую запах подземной воды. Чую дыхание Тепейолотля. Мне нужно как следует подготовиться к поединку, а здесь для этого славное место!

— Ты тут не останешься, — ответил ему Кортес. Огонек небольшого глиняного светильника бросал на покрытое бородавками лицо горбуна желтоватые блики, делая его похожим на мертвеца. Кастилец чувствовал почти физическое отвращение к этому уродцу. — Говори, что хочешь сказать, и убирайся к дьяволу!

Балам-Акаб ухмыльнулся, показав черные подпиленные зубы.

— Мне нужно побеседовать с юной госпожой. С тобой, большой белый человек, мне говорить не о чем.

Ясмин явилась немедленно, будто только и ждала появления карлика. Она пришла в сопровождении евнухов — Тубал, по-видимому, еще не вернулся из очередной своей вылазки в город.

— Я попрошу тебя, амир, переводить нашу беседу, — голос принцессы прозвучал непривычно серьезно. — Не нужно, чтобы на ней присутствовали посторонние.

Первым побуждением Кортеса было отказаться от такой сомнительной чести, но, заметив, как скривился явно недовольный просьбой принцессы колдун, он молча кивнул и уселся в кресло между принцессой и Балам-Акабом. Ахмет и Ибрагим, повинуясь знаку Ясмин, отступили во тьму, повисшую за резной каменной притолокой.

— Я нашел ход во дворец Змея, — сообщил карлик, почесывая бородавку на носу. — Попасть туда несложно… но до самого Змея мне не добраться.

— Почему? — требовательно спросила Ясмин. — Его так хорошо охраняют?

Балам-Акаб захихикал.

— Охрана у него есть, любопытная госпожа. Не такая грозная, как у тебя в озерном дворце, но достаточная для того, чтобы оторвать бедному карлику голову. Однако дело не в воинах с дубинками, хотя они и расставлены весьма ловко. Змей окружил себя колдовской защитой, и она не дает моему нагуалю подобраться к нему. Поэтому наш первый план не сработает, умнейшая госпожа.

Кортесу очень не понравилось слово «наш», но он решил пока не вмешиваться в беседу и выслушать все до конца.

— Как ты собираешься вызвать его на поединок?

— У меня есть человечек во дворце. Не такой, что может подсыпать яду в питье, но для того, чтобы передать письмо, сгодится. А письмо уже готово, предусмотрительная госпожа…

Он порылся в складках своего бесформенного черного балахона и вытащил на свет свернутый в трубочку лист кактусовой бумаги. Протянул его принцессе, но та легким кивком головы указала на кастильца.

— Читай сам, — отрезал Кортес, плохо разбиравшийся в письменах меднокожих. Карлик развернул лист, испещренный странными значками, заменявшими мешикам буквы, и прочел нараспев:

— "Человеку, называющему себя богом Кецалькоатлем, брат его Тепейолотль, повелитель подземных источников, пишет. Ты мне кое-что задолжал, братец. Украл драгоценные кости владыки Миктлантекутли, унес их, как вор, под одеждой. Убил верного Ягуара владыки Тескатлипоки, могучего Камастле. Забрал из хранилищ Толлана перья кецаля и нефрит, увез их за море. Я, Тепейолотль, повелитель подземных источников, посылаю своего слугу, Балам-Акаба, Ягуара Ночи, чтобы он потребовал с тебя долг. Уплатить ты сможешь, принеся в жертву сорок юношей и сорок девушек Семпоалы. Если бросишь их сердца вниз с теокалли до того, как кончится месяц Шочитль, долг будет прощен. Если нет, Балам-Акаб станет убивать по одному юноше и по одной девушке за ночь, и так до тех пор, пока ты не образумишься, а начнет он прямо сегодня. Прощай, братец".

Горбун хихикнул.

— Здесь есть еще приписочка, мудрая госпожа. "Если хочешь, братец, можешь попытаться вызвать моего слугу Балам-Акаба на честный бой, но выиграть не надейся. Ягуар Ночи сильнее Камастле, а огненных змей ты лишился. Так что готовь ножи и кувшины для жертвенной крови".

— Ты думаешь, это подействует? — с сомнением спросила принцесса, когда Эрнандо закончил переводить.

— Сегодня ночью я убью прелестную пятнадцатилетнюю девочку, — оскалился карлик. — Ох, как горько будут плакать ее родители… А потом убью какого-нибудь мальчонку — разорву ему горло, располосую когтями, перекушу позвоночник. И его отец и мать придут к Кецалькоатлю и потребуют защиты. Нет, он мне не откажет, прекрасная госпожа. Он не может приносить людей в жертву — а значит, ухватится за единственную соломинку, которую подсунул ему старый Балам-Акаб. И тогда я убью его… если, конечно, щедрая госпожа отдаст мне оставшиеся ксиукоатль…

— А ты не задумывался о том, что будет, если тебя поймают?

— Поймают — меня? — горбун казался ошеломленным. — Хорошо, недоверчивая госпожа, спроси у большого белого человека, который видел меня в ягуарьем обличье. Скажи ей, что ты почувствовал, впервые увидев меня? Не хочешь говорить? Тогда я скажу за тебя. Ты почувствовал страх, потому что подумал: такую громадину не остановят даже твои громовые жезлы. А теперь подумай, что ощутят глупые тотонаки, вооруженные дубинками и расхаживающие по улицам впятером, когда встретят на ночной улице чудовище. Они поймают меня! Ха! Да они разбегутся быстрее, чем я успею зарычать на них…

— Хорошо, — сказала, подумав, Ясмин. — Но скрижали я отдам тебе прямо перед поединком, и ни минутой раньше.

— Боишься, что я украду их и убегу? — ухмыльнулся карлик. — О, проницательная госпожа, тебе не понять, какое удовольствие получит старый Балам-Акаб, убив самого Кецалькоатля! На алтарях Теночтитлана каждый день вырывают сердце дюжине пленников — но разве убийство беспомощного человека это удовольствие? Настоящее наслаждение можно получить только от убийства бога…

— Значит, ты веришь в то, что этот мятежник и есть бог Кецалькоатль? — резко спросила принцесса. Карлик ответил не сразу.

— Боги редко спускаются на землю, — медленно проговорил он наконец. — Но их нагуали часто принимают обличье человека. Похож ли я на грозного, величественного Тескатлипоку? Не нужно смеяться, госпожа. Я знаю, как выгляжу. Но, быть может, придет день, когда ты увидишь мое настоящее лицо, и оно будет лицом бога.

Кортес, которого этот разговор уже порядком утомил, не стал переводить последнюю фразу горбуна и повернулся к принцессе.

— Ваше Высочество, мне кажется, что мы зря рискуем, помогая этому сумасшедшему, — сказал он по-арабски. — Я полагаю, что скрижали он держит где-нибудь у себя в берлоге. Я могу приказать своим людям незаметно последовать за ним, и они принесут то, что вам нужно…

— Благодарю, амир, — печально улыбнулась Ясмин. — Пока ты болел, я дважды посылала самых лучших слуг шпионить за ним, желая узнать, где он прячет сокровища. За ним невозможно проследить. Он превращается в ягуара, или в тапира, или в змею и исчезает, не оставляя следов…

Карлик, неуклюже перебирая короткими ножками, слез со своего кресла.

— Я передам письмо во дворец завтра утром. Дадим Змею два

дня на раздумье. Два дня и четыре трупа — я думаю, этого хватит. А потом он должен вызвать меня на поединок.

Он насмешливо оглядел Кортеса и Ясмин и заторопился к двери.

— Вам понравится, — пообещал он уже с порога. — Уж я постараюсь…

Когда Балам-Акаб ушел, Кортес поднялся и подошел к принцессе. вплотную.

— Зачем тебе понадобилась вся эта затея с поединком, Ясмин? Только не нужно больше сказок о том, что ты хочешь собрать все семь скрижалей. Если бы ты действительно этого хотела, достаточно было приказать — мои парни живо бы выпотрошили старую обезьяну. Знаешь, какими разговорчивыми становятся люди, когда им поджаривают пятки на медленном огне?

— К сожалению, знаю, Эрнандо, — принцесса впервые назвала его по имени. — Я видела осаду Парийи… как пытали пленных норманнов. Надеюсь, ты простишь меня — мне не слишком хочется вспоминать об этом. К тому же ты, пожалуй, прав: пора тебе кое-что объяснить. Я действительно хочу покончить с Кецалькоатлем.

— И это с самого начала было целью нашего путешествия, — утвердительно произнес Кортес.

Он возвышался над хрупкой Ясмин, словно сказочный великан: казалось, стоит ему положить свои огромные руки ей на плечи, и кости принцессы жалобно хрустнут.

— Да, с самого начала. Мой дядя Омар ал-Хазри задумал это еще до своей болезни. Он рассчитывал, что Балам-Акаб двинется следом за нами в Лубаантун.

— Зачем же было делать такой крюк, если скрижали все равно находились у колдуна?

— Ну, этого же никто не знал наверняка… К тому же в Теночтитлане на каждом углу шпионы тлатоани. Нам могли помешать.

Кортес поморщился, словно откусив от червивого яблока.

— К чему Монтекусоме мешать тем, кто собирается избавиться от его злейшего врага?

— Поговори об этом с дядей, — посоветовала Ясмин. — Мне он сказал, что при дворе тлатоани есть люди, которым по душе возвращение Кецалькоатля. Короче говоря, нашей задачей было выманить Балам-Акаба из столицы и посулить ему оставшиеся скрижали в обмен на обещание убить Змея в Драгоценных Перьях.

"Теперь ты, кажется, говоришь правду, принцесса, — подумал Эрнандо. — Не всю и не до конца, но правду".

— А ты действительно собираешься вернуть ему все скрижали после поединка?

Принцесса рассмеялась.

— Ну, нет! Они принадлежат Его Величеству халифу. Если карлик победит, я попрошу тебя забрать у него сокровища.

— Вряд ли он безропотно отдаст их, принцесса, — заметил Кортес.

— Тогда тебе придется убить его.

— А если он проиграет?

— Тогда нам придется объяснить Кецалькоатлю, что изумруды принадлежат нам, а горбун только украл их из этого дома.

— И ты считаешь, что он спокойно отдаст нам такое грозное оружие?

Принцесса запрокинула голову и посмотрела прямо в глаза Кортесу.

— Есть еще одна вещь, которую я должна тебе сказать. Если проклятому горбуну не удастся покончить с Кецалькоатлем, мы должны захватить мятежника в плен.

— В плен? — переспросил Эрнандо вежливо. — В городе сто тысяч человек. Все они поклоняются Кецалькоатлю, многие — фанатично. Да нас на куски разорвут, если только мы до него пальцем дотронемся!

— Мы не должны дотрагиваться до него пальцами, — принцесса оставалась необычайно серьезной. — Мы должны, действуя быстро и четко, захватить его в заложники. Хорошо бы схватить кого-нибудь из его близких или родственников…

Кортес отступил на несколько шагов и окинул принцессу новым, изучающим взглядом.

— Предположим, нам это удалось. Что мы станем делать дальше?

— Прорываться к Теночтитлану, амир. Если мы будем хорошенько его стеречь, нам почти ничто не угрожает. У вас есть карта аль-Ануака?

Эрнандо молча кивнул. Подошел к походному сундучку, раскрыл его и вытащил на свет сложенный вчетверо листок плотной бумаги.

— Вот границы земли тотонаков, — пальчик принцессы быстро скользил по разноцветным контурам карты. — А вот горный город Шикочималько. Он платит дань Тройственному союзу, а во главе его стоит вельможа, лично преданный тлатоани…

Кортес склонился над картой. Откровенно говоря, он хорошо изучил ее еще раньше, просто по выработанной годами привычке.

До границы с горными отоми от стен Семпоалы было дня четыре пути.

— Ясмин, вы способны ехать на лошади двое суток подряд, не слезая с седла ни при какой надобности?

— Я на многое способна, — ответила принцесса таким тоном, что Эрнандо счел за лучшее поверить ей. — Не беспокойтесь обо мне. Ваше дело — захватить мятежника и вывезти его из города. Надеюсь, однако, что до этого не дойдет. Балам-Акаб — очень опасный человек.

Усилием воли Кортес стряхнул с себя странное оцепенение, мешавшее ему трезво оценить слова Ясмин.

— Я не могу рисковать вами, принцесса, — произнес он через силу. — Ваш дядя нанял меня не для того, чтобы я подвергал вас опасности.

— Я же объяснила, — в голосе Ясмин явственно звучало нетерпение. — Все происходит в полном соответствии с замыслом моего дяди.

Эрнандо посмотрел на нее тяжелым, почти неприязненным взглядом.

— Вы хотите уверить меня, что ал-Хазри смеет использовать дочь самого халифа, как фигуру на шахматной доске?

Принцесса гордо вздернула носик.

— С согласия моего отца, разумеется. Не говоря уже о том, что меня тоже спросили.

Повисло молчание. Ясмин, легко поднявшись с кресла, подошла к Кортесу и прижалась лицом к его груди.

— Вы же не бросите меня одну, мой рыцарь.

Кортес почувствовал, что ему становится тяжело дышать. Он сомкнул свои ладони на неправдоподобно тонкой талии принцессы, изо всех сил борясь с искушением стиснуть ее, как шею гремучей змеи.

— Я обдумываю другой вариант, — сказал он хрипло. — Увезти вас из Семпоалы силой, пока вы не натворили еще больших глупостей.

Она резко отстранилась. Хорошенькое лицо исказила гримаска презрения.

— Подумать только, бесстрашный Кортес боится! Что ж, кабальеро, если вы так поступите, я всегда буду думать о вас как о трусе и лицемере. Вы, конечно же, станете уверять меня, будто боитесь не за свою жизнь, а за мою. Только не говорите ничего, пока я окончательно не разочаровалась в отважном Кортесе.

— Только одно, принцесса, только одно… Простите, но я не могу доверять вам. Вы уже не раз обманывали меня — отчего же я должен верить в то, что ваш дядя разрешил дочери халифа… —

он запнулся, подыскивая слова, — садиться голой задницей на растревоженный муравейник?

Несколько мгновений Ясмин не дыша смотрела на него. Потом в миндалевидных глазах принцессы блеснули озорные огоньки, и она весело расхохоталась.

— Поразительно, амир! Со мной так еще никто не разговаривал! Значит, вы мне не верите?

На этот раз кастилец счел за лучшее промолчать. Принцесса отступила на шаг назад и звонко щелкнула пальцами. В темном проеме двери немедленно возникло широкое круглое лицо Ибрагима.

— Принеси зеленый ларец, — скомандовала Ясмин.

В ларце оказался перевязанный красным шелковым шнурком свиток, скрепленный восковой печатью. Принцесса протянула его Эрнандо, и тот, подцепив ногтем коричневый кругляш, развязал шнурок.

"Капитану христианских наемников, амиру Эрнандо Кортесу, — изящной арабской вязью было выведено на пергаменте. — Приказываю вам исполнять все распоряжения нашей возлюбленной племянницы, благословенной дочери Халифа Кордовского, госпожи Ясмин, пусть даже они покажутся вам опасными и неблагоразумными. В случае невыполнения этих распоряжений контракт с отрядом вольных мечей, подчиняющимся вам, капитан Кортес, немедленно разрывается, а деньги, полученные вами в счет аванса, возвращаются моему казначею ал-Рассабу. Написано и запечатано в мечети аль-Азхар в городе Теночтитлане, 12-го дня месяца джумада-первая, рукою эмира Омара ал-Хазри, дяди и опекуна благословенной дочери халифа".

Кортес дважды перечитал текст и только потом обратил внимание на маленький оттиск красной печати, стоявший немного ниже витиеватой подписи ал-Хазри. Когда-то ему уже доводилось видеть подобную печать — очень, очень давно, в ал-Андалус.

— Печать Михны? — спросил он, не отрывая взгляда от пергамента. Там извивались два языка пламени, оплетавшие то ли корявый ствол дерева, то ли скрюченного в смертельной муке человека. — Ваш дядя…

— Омар ал-Хазри — Палач Зиндиков,[6] — невозмутимо подтвердила Ясмин. — Это не тот человек, с которым стоит ссориться…

Кортес еще раз взглянул на печать и, стараясь не показать охватившего его бешенства, короткими сильными движениями свернул пергамент.

— Хорошо, — сказал он ровным голосом. — Я подготовлю все необходимое. Завтра с утра я соберу своих лейтенантов, и мы обсудим план действий.

Принцесса протянула руку и нежно погладила его по щеке. Выглядела она при этом очень довольной.

— Только не затягивайте, амир, — прошептала она. — Поединок может быть назначен в любую минуту…

— Завтра утром, — повторил Эрнандо. — Утром мои люди соображают лучше.

Но на следующее утро его призвал к себе сам Кецалькоатль.

Посланцы Змея выглядели внушительно. Их было четверо, и каждый нес на себе не меньше десяти фунтов золота — в виде ожерелий, браслетов, колец и просто золотых пластин, нашитых на хлопковые панцири. Великолепные перья кецаля, раскачивавшиеся при ходьбе, украшали высокие позолоченные шлемы. Оружия Кортес не заметил, но решил, что под панцирями могут быть спрятаны ножи.

— Змей в Драгоценных Перьях просит тебя явиться к нему во дворец для беседы, — произнес один из посланцев на высоком науатль. — Он желает, чтобы ты прибыл немедленно.

— Передайте Змею, что я должен подобающим образом одеться, — ответил Эрнандо. То, что разговор шел на науатль, показалось ему добрым знаком — птичья болтовня тотонаков безмерно раздражала кастильца. — Вы можете вернуться во дворец — я найду дорогу сам.

Роскошные перья, зеленые с синим, медленно качнулись из стороны в сторону.

— Нет, господин, — вежливо, но твердо проговорил посланец. — Змей в Драгоценных Перьях не обращает внимания на одежды. Вот его слова: приведите ко мне моего брата, господина белых людей. Приведите его немедля. Пойдем, господин.

— Ждите здесь, — бросил Кортес, несколько обескураженный тем, что мятежник назвал его «братом». — Я не задержу вас надолго.

После некоторых колебаний Эрнандо решил не надевать полный доспех и ограничился лишь тонкой кольчугой, надетой под рубаху. Натянул ветхий, но нарядный камзол и высокие сапоги, в которых удобно было прятать стилеты. На поясе у него, как и всегда, висел меч, но кто знает, какие порядки завел у себя во дворце Кецалькоатль.

— Вы выбрали себе плохое место для жилья, господин, — с непроницаемым лицом произнес один из посланцев, когда они отошли на некоторое расстояние от храма. — Змей в

Драгоценных Перьях не успел его очистить. Здесь приносили жертвы богу подземных вод, Тепейолотлю.

— Нам не предложили ничего лучше, — ответил Кортес. — Кроме того, боги меднокожих не способны причинить вред христианам. Нас защищает Святой Крест.

— Змей в Драгоценных Перьях говорил нам об этом, — неожиданно согласился посланец. — Вы, верно, очень храбрые люди, раз не боитесь ночевать там, где находится дверь в царство Тепейолотля.

Дворец Кецалькоатля, стоявший на невысокой платформе, казался выкованным из чистого серебра. Кортес, разумеется, знал, что на солнце блестит вовсе не серебро, а штукатурка, но чистое и яркое сияние завораживало, и он невольно замедлил шаг.

— Это воистину святое место, — одобрительно заметил по-своему истолковавший его замешательство посланец. — Всего месяц назад пришел к нам Кецалькоатль, но Семпоала стала совсем другой. Исчезло зло, которое принесли с собою мешики. И скоро так будет повсюду, даже в страшном Теночтитлане. Змей в Драгоценных Перьях дойдет до старого Толлана, где когда-то был обманут Тескатлипокой, и тогда завершится эпоха Пятого Солнца.

— Ваши мудрецы говорят, что мир погибнет, — усмехнулся Кортес. — Почему же ты так радуешься этому?

— Погибнет не мир, — убежденно ответил меднокожий. — Погибнет все зло этого мира, сгорев в очистительном огне. А лотом взойдет Шестое Солнце, и под ним зла уже не будет. Так учит Кецалькоатль.

Они поднялись по высеченным в склоне платформы ступеням и оказались перед украшенными затейливой росписью каменными дверями. По обе стороны от двери стояли массивные стражники с длинными, украшенными перьями копьями. Меднокожий махнул перед ними золотым многогранником на витом желтом шнуре, и стражники посторонились, открывая проход.

Внутри дворец представлял собой лабиринт небольших зальчиков, узких галерей и комнатенок, пропахших ароматическими смолами. Посланец уверенно вел Кортеса по извивающемуся, словно змея, коридору, спускался куда-то в подвальный этаж и вновь поднимался по крутым лестницам, ступени которых горбом выдавались посредине. Кастилец заметил, что в полутемных нишах, скрытых порой тяжелой, похожей на парчу тканью, прятались воины.

"Похоже на берлогу ал-Хазри, — сказал он себе. — Кто бы мог подумать — языческий мятежник и глава грозной Михны устраиваются почти одинаково".

Выяснилось, однако, что он поторопился с выводом, потому что как раз в этот момент они прошли здание насквозь и оказались во внутреннем саду дворца. Здесь было жарко и влажно, голова сразу же пошла кругом от ароматов тропических цветов. Они миновали несколько раскидистых кустов, потревожили большую разноцветную птицу с тяжелым и плоским хвостом и наконец остановились на берегу маленького, мелкого и сверкающего в солнечных лучах ручейка.

— Здесь я оставлю тебя, — торжественно сообщил меднокожий. — Тебе оказана великая честь: в этом саду Змей в Драгоценных Перьях предается раздумьям и беседует с самыми близкими советниками.

Он повернулся и, величественно покачав плюмажем, скрылся в зарослях. Кортес огляделся. Поблизости никого не было видно — переливчато журчал ручей, щебетали голосистые птахи, затихали вдали шаги меднокожего посланца. Внезапно неприятный холодок пробежал у него по позвоночнику — кастильцу показалось, что кто-то, скрывающийся среди буйной растительности, наблюдает за ним. Он чувствовал чей-то взгляд — не враждебный, абсолютно бесстрастный, но таящий в себе необъяснимую угрозу. От этого взгляда жгло кожу.

— Приветствую тебя, Малинче, — произнес звучный голос у него за спиной. — Приветствую и благодарю за то, что ты откликнулся на мой зов…

Эрнандо обернулся, стараясь не выдать своего замешательства. Неслышно подобраться к нему не смог бы даже лучший охотник из числа меднокожих, а тот, кто стоял сейчас на другом берегу ручья, совсем не походил на охотника. Это был высокий, немного сутулый человек в длинном белом одеянии, украшенном золотыми и нефритовыми пластинками. Лицо его скрывала выкованная из серебра маска с черными отверстиями зрачков. Окладистая белая борода, приподнимавшая нижний край маски, была перевита золотыми нитями.

— Приветствую и тебя, великий Кецалькоатль, — Кортес вежливо склонил голову. — Твои посланцы передали мне, что ты хотел говорить со мной. Я полностью в твоем распоряжении.

— Малинче, — несмотря на металлические нотки, голос из-под маски звучал на удивление доброжелательно, — правду ли говорят, что ты и твои люди поклоняетесь не Аллаху, а какому-то другому богу?

На этот раз Кортес не смог скрыть своего удивления.

— Да, великий Кецалькоатль. Мы — христиане, и наш Бог не тот, что бог мусульман. Но могу ли я узнать, откуда тебе это известно?..

— Мне многое ведомо, друг мой Малинче. Скажи мне, приемлет ли твой Бог жертвенную кровь и плоть?

— Только язычники приносят в дар своим идолам настоящую кровь, — покачал головой Кортес. — Наш Бог велел нам причащаться вином и хлебом.

— Почему же вы спокойно смотрите на кровавые реки, что льются с теокалли Теночтитлана? — в голосе Змея появились укоризненные нотки. — Или вашему Богу нет дела до страданий народа аль-Ануака? Кортес неожиданно разозлился. В конце концов, кто дал право этому скрывающемуся под маской мятежнику судить о делах христиан?

— Раз тебе многое ведомо, о Кецалькоатль, ты должен был слышать о договоре, заключенном двести лет назад между мусульманами и христианскими рыцарями…

Он произнес это почти с издевкой, уверенный, что Змей никогда не слышал о таком договоре. Но Кецалькоатль неожиданно наклонил голову и процитировал своим звучным голосом:

— "И ни один рыцарь, принадлежащий к христианским орденам, да не вступит на Закатные Земли, безраздельно принадлежащие потомкам Пророка. Взамен же христианским орденам предоставляется право управлять замками и владениями в прибрежных землях Лузитании и Фиранджи. Однако, если рыцари христианских орденов нарушат этот договор, их замки и владения перейдут под власть халифов Кордовы и Парийи".

"Откуда он знает?" — растерянно подумал Эрнандо, и только тут понял, что Змей произнес это по-арабски.

— Как же ты оказался здесь, Малинче? — спросил Кецалькоатль, вновь переходя на науатль. — Или запрет касается не всех христиан?

— Только тех, кто не признает власти халифов. Христиане страны, из которой я родом, считаются подданными Халифа Кордовского. Сто лет назад, во время большой войны в Аллеманией — это тоже христианская страна, — мы сражались на стороне мусульман. Поэтому христианам ал-Андалуса разрешено плавать в Закатные Земли, а рыцарям орденов — нет. Ордена — они немного похожи на вольные города аль-Ануака, такие, как Тласкала. Живут в мире с халифом, но подчиняются своим магистрам и папе.

Глаза серебряной маски смотрели на него ничего не выражающим взглядом.

— А что ты можешь сказать о людях Севера?

— Про норманнов? Они договор не подписывали, но среди магистров орденов есть родственники их вождей, поэтому

норманны не плавают в Закатные Земли, а основывают свои поселения севернее, на побережье Винланда и на Великих равнинах. Но почему тебя все это интересует?

Змей не ответил. Кортес тряхнул головой, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли.

— Ты ведь не с Закатных Земель родом, о Кецалькоатль? — медленно проговорил он, всматриваясь в неподвижную, сверкающую на солнце маску. — Ты носишь бороду, говоришь по-арабски, знаешь старинные кодексы… Скажи, кто ты?

Кастилец сделал шаг вперед, и высокая белая фигура на другом берегу ручья тут же предупреждающе вскинула тонкую руку.

— Я Змей в Драгоценных Перьях, Кецалькоатль Топильцин, Пророк истинного Бога. Здешние жители хотят видеть во мне божество — я не разубеждаю их. Зачем, если так проще добиться своей цели? Я хочу покончить с торжеством жадных до крови демонов аль-Ануака. Но тебя, Малинче, я не стану обманывать. Я всего лишь человек, такой же, каким был мой великий предок, первый Кецалькоатль, владыка Толлана. И, как первый Кецалькоатль, я нуждаюсь в верных помощниках. Я позвал тебя, чтобы спросить, желаешь ли ты служить мне.

— Ты собираешься идти войной на Теночтитлан? Серебряная маска качнулась из стороны в сторону.

— Нет, Малинче. Я не хочу ни с кем воевать. Но Монтекусома сам рвется в битву. Как только восстание миштеков будет подавлено, он пошлет на Семпоалу войска. Боюсь, что кровопролития не избежать.

— И ты полагаешь, что мой отряд спасет тебя от ацтекских орд? — Кортес невесело усмехнулся. — Ты затеял безнадежное дело, Кецалькоатль. Будь у меня даже тысяча кастильских воинов, я не взялся бы воевать с Монтекусомой.

— А я слышал: христиане отважны, как дикие львы, — заметил Змей.

— Отвага и глупость — разные вещи. К тому же ты забываешь о гвардии эмира, что подыхает сейчас от безделья на Драконьих островах. Если она высадится на берегу Лазурного моря и ударит в тыл твоим войскам, тебя не спасут даже все вольные мечи Закатных Земель…

Некоторое время человек в белых одеждах молча рассматривал Эрнандо, склонив голову набок.

— Ты мог бы помочь зажечь свет истинной веры в сердцах жителей аль-Ануака, — негромко произнес он наконец. — Ты в силах разогнать тьму, в которой они живут. Подумай об этом, Малинче…

Кортес хрустнул пальцами.

— Ты же не христианский священник, Кецалькоатль. С чего ты взял, что вера, которую ты несешь людям этой земли, и есть истинная вера?

— Названий может быть много, сущность всегда одна, — голос Кецалькоатля прозвучал грустно и устало. — По сравнению с кровавой тьмой, что клубится в сердце аль-Ануака, различия между верой христиан и учением Топильцина несущественны. Я не удивляюсь, почему мирятся с жестокими культами демонов арабы — их прежде всего интересует торговля, а все, что происходит за пределами торговых кварталов, их не касается. Но почему так спокойно воспринимаете этот ужас вы, христиане, я понять не могу…

— Мы не хозяева здесь, Кецалькоатль, — нехотя ответил Кортес. — Мы всего лишь наемники, люди, которым не нашлось места на родине. Там, в ал-Андалус, христиане платят налог в казну халифа, и за это им разрешают исповедовать веру наших отцов. В Закатных Землях такого закона нет, но и здесь правила устанавливают мусульмане. Нас мало, о Кецалькоатль. Если бы за нами стояла мощь огромной империи, подобной Халифату, царство дьявола недолго продержалось бы в этих краях. Но мы раздроблены, и каждый из нас может надеяться только на свой меч.

Ему показалось, что серебряная маска понимающе кивнула.

— И все же я снова приглашаю тебя и твоих людей к себе на службу, Малинче. Мои силы пока не так велики, чтобы открыто противостоять мощи Теночтитлана, и каждый воин, выбравший путь света, очень ценен для меня. Что же касается платы, то она будет более чем щедрой.

Кортес помедлил с ответом, пытаясь найти вежливые слова для отказа, и в это мгновение из зарослей за спиной Кецалькоатля бесшумно появился меднокожий в неприметной серой одежде, с длинными черными волосами, собранными на затылке в подобие небольшого конского хвоста. Мельком взглянув на кастильца, он приблизил свое лицо к краю серебряной маски и зашептал что-то Змею на ухо. Кецалькоатль стоял неподвижно, и только длинные пальцы его сжимались и разжимались, будто он собирался нанести собеседнику удар кулаком, но никак не мог на это решиться.

— Это все, Маштла? — громко спросил он по-арабски, когда мужчина прекратил шептать и отступил на шаг. Тот, кого он назвал Маштлой, неприязненно покосился на Кортеса и молча кивнул. — Послание у тебя?

Голос его дрогнул, и Эрнандо внезапно понял, о каком

письме идет речь. Он совсем не удивился, когда Маштла протянул Кецалькоатлю свернутый в трубочку лист кактусовой бумаги. Змей развернул свиток и поднес к глазницам своей маски.

— И что же, исполнил он свою угрозу? — спросил он странно невыразительным голосом.

Маштла повернул голову и пристально поглядел на Кортеса.

— Это Малинче, командир отряда вольных мечей-христиан, — пояснил Змей. — Ты можешь не смущаться его. Перед твоим приходом я уговаривал его перейти к нам на службу.

— Надеюсь, он согласился, мой повелитель? — с холодным сарказмом спросил Маштла.

Кецалькоатль не ответил. Человек в сером бросил на кастильца еще один недобрый взгляд и извлек из складок одежды какую-то разноцветную ленту.

— Вот, господин, — сказал он, подавая ленту Змею. — Этой лентой письмо было привязано к телу девушки, обнаруженной сегодня утром на ступенях твоего храма. Девушку задрал огромный ягуар. В городе ходят слухи о гибели еще двоих детей.

"Да, старый бородавочник времени зря не теряет", — подумал Кортес.

— Смотри, Малинче, — Змей помахал в воздухе хорошо известным кастильцу свитком. — Слуги Тескатлипоки никак не могут угомониться. Один из них вызывает меня на поединок, обещая в случае отказа убивать каждую ночь по юноше и девушке из числа жителей Семпоалы. И первая жертва уже принесена… Да, я действительно нуждаюсь в помощи, Малинче! Подумай о моей просьбе, прошу тебя! Я не тороплю, но знай, что поддержка твоих клинков была бы весьма полезной для меня и моего дела.

— Я непременно обдумаю ваше предложение, — Кортес вежливо поклонился Кецалькоатлю, проигнорировав злобно глядевшего на него Маштлу. — А сейчас покорнейше прошу меня простить, я должен вернуться в лагерь…

Он ожидал, что Змей кликнет слуг, чтобы те проводили его к выходу, но Кецалькоатль лишь рассеяно кивнул в ответ. Кортес пожал плечами и повернулся, чтобы уйти.

— Я приму вызов, — произнес за его спиной Змей в Драгоценных Перьях. — Пусть об этом объявят сегодня на площадях. Какими бы ни были его намерения, я принимаю вызов.

> И тогда Кецалькоатль отправился в Миктлан,
> Он приблизился к Миктлантекутли и Миктлансиуатль
> И сказал им: "Я пришел. Ты хранишь драгоценные кости,
> Я пришел, чтобы взять их!"

И сказал Миктлантекутли своим подданным: "О боги,
Он поистине уносит драгоценные кости!
Отправьтесь и выройте ему глубокую яму".
И они пошли и сделали яму.
И Кецалькоатль упал в яму,
Он ушибся о землю,
Он упал, как падает мертвый.
А с ним упали и рассыпались драгоценные кости…
Скоро Кецалькоатль очнулся,
Он оплакал происшедшее
И сказал своему нагуалю:
"Двойник мой, что теперь я буду делать?"
А тот ответил: "Что будет?
Могло бы быть лучше, но пусть будет, как есть!"

"Путешествие в Миктлан".

7. Колдун и Пророк

Семпоала, год 2-й

Тростник, день 14-й Оселотль

— Не оставляй меня одну, Эрнандо, — шепотом попросила принцесса. — Мне тревожно без тебя. Пожалуйста, останься.

Кортес приподнялся на локте, прикрыв обнажившуюся грудь девушки тонким шелковым покрывалом. Из-за неплотно задернутых штор падал на каменный пол тонкий, словно лезвие стилета, золотой солнечный луч.

— Я должен проверить, готовы ли солдаты, — сказал он мягко. — Ты затеяла слишком опасную игру, Ясмин, а я по-прежнему за тебя отвечаю. Но пока не наступил полдень, тебе бояться нечего.

Вчера глашатаи Кецалькоатля объявили о том, что слуга демона Тескатлипоки, называющий себя Балам-Акабом, будет удостоен чести божественного поединка в час, когда солнце коснется верхушки неба. Тубал, без конца крутившийся на рынках и в других людных местах, сообщил, что на это зрелище соберется поглазеть большая часть свободных жителей Семпоалы. На этом предположении Кортес и выстроил свой план. Вчера он до трех часов ночи сидел у себя в комнате, расставляя на столе глиняные шарики и базальтовые фигурки, в очередной раз проигрывая про себя все возможные варианты. Сидел бы и дольше, но в три часа в его дверь тихо поскреблись…

Как Ясмин удалось улизнуть от евнухов, он не спросил.

Приходила же она к нему, больному, на привалах по пути из Лубаантуна в Семпоалу, вытирала мокрый от лихорадки лоб, давала укрепляющее силы питье, меняла ему постель, словно простая служанка… Пребывая между бредом и явью, он чувствовал, как нежны ее руки, как ласковы прикосновения, видел, как влажно поблескивают полуоткрытые губы, похожие на две крупные спелые вишни. Уже потом он сообразил, что, ухаживая за ним, Ясмин снимала скрывавший ее лицо платок-хиджаб. А тогда он лишь ненадолго выныривал из тягостного, вязкого полусна, и ее лицо, светившееся во тьме, казалось ему прекрасным ангельским ликом. Иногда ему чудилось, что это Марина — верная подруга еще со времен похода на Мичоакан, мать его сыновей, терпеливо ожидавшая его возвращения из дальних опасных странствий. Но потом лихорадка отступала, и Кортес снова узнавал принцессу. По мере того как он выздоравливал, она становилась все более осторожной, избегая подолгу задерживать свою руку у него на лбу, но Эрнандо по-прежнему чувствовал ее ласку и нежность. Наконец настал день, когда вместо Ясмин в его палатку пришла одна из ее служанок, но к этому времени Кортес уже окончательно уверился в том, что принцесса испытывает к нему чувства более глубокие, чем обычная благодарность.

Поэтому он не слишком удивился, увидев ее на пороге своей комнаты. Не удивился и позже, когда полные, сочные губы Ясмин прижались к его рту, а пальцы ловко расстегнули его рубашку и, словно проворные мыши, забегали по груди и животу, гладя, лаская и щекоча одновременно. Зато потом не удивляться стало просто невозможно — такой искусной и страстной оказалась принцесса. Не иначе годы, проведенные в веселой и развратной Парийе, не прошли даром для любимой дочери халифа и племянницы великого инквизитора.

— Как ты объяснишь свое отсутствие? — спросил он, чтобы отвлечь Ясмин от тревожных мыслей. — Ахмед с Ибрагимом наверняка заметили, что тебя не было в комнате…

Принцесса сморщила хорошенький носик.

— Я войду в свою комнату тем же путем, которым и вышла из нее, — фыркнула она. — Эти жирные олухи даже почесаться не соизволили, когда я прошмыгнула мимо них.

— В таком случае я должен сменить твою охрану. Эта никуда не годится.

Ясмин загадочно улыбнулась.

— Мне показали одну потайную дверцу, а за ней была лесенка. И эта лесенка привела меня почти к самой твоей спальне.

Кортес, натягивавший кольчужную рубашку, замер и некоторое время стоял, изучающе глядя на принцессу.

— Кто показал тебе эту дверцу, Ясмин?

Она замялась. Видно было, что ей очень хочется поделиться с Эрнандо этой тайной, но открыть карты принцесса не решалась. Кортес подошел вплотную, взял ее подбородок своими жесткими пальцами и, слегка приподняв, заглянул ей в глаза.

— Ваше Высочество, нам сейчас не до шуток…

— Карлик, — неохотно призналась она. — Балам-Акаб — он очень хорошо знает этот дом. Его предки были жрецами в храме Тлалока. Он говорит, что здесь глубоко под землей есть каналы, плывя по которым, можно попасть в царство бога черной воды, Тепейолотля.

— Где он? — перебил ее Кортес. Ему вспомнились слова горбуна: "Мне нужно как следует подготовиться к поединку, а здесь для этого славное место". — Ты разрешила ему остаться? Отвечай, Ясмин, если хочешь, чтобы твой чертов план сработал.

На этот раз в голосе принцессы прозвучал скрытый вызов.

— Да, Эрнандо, я позволила ему провести ночь в подвале, как он и просил. За это он показал мне тайный ход к твоей спальне. Или ты считаешь, что я напрасно пришла к тебе?

В это мгновение Кортесу захотелось ударить ее. Он помедлил, позволяя схлынуть первой волне гнева, и произнес, тщательно подбирая слова:

— Ты понимаешь, что будет с нами, если люди Кецалькоатля дознаются, кто давал приют убийце детей и врагу их повелителя? Все наши силы будут рассредоточены по площади, единственное наше преимущество — внезапность! Стоит Кецалькоатлю приказать убить нас до того, как мы атакуем сами, и отряда не станет!

— Он не прикажет, — спокойно ответила Ясмин. — Ты был у него вчера, ты разговаривал с ним. Он не тот, от кого можно ожидать удара в спину.

— Удара в спину можно ожидать от каждого. — Кортес надел перевязь с мечом и проверил, легко ли выскальзывает клинок из ножен. — Именно поэтому я всегда стараюсь встать так, чтобы за спиной у меня была каменная стена.

Площадь, ограниченная с запада колоннадой бывшего храма Уицлопочтли, а с востока упиравшаяся в ступени полукруглого древнего святилища Кецалькоатля, могла вместить семь-восемь тысяч человек, плотно прижавшихся друг к другу. Это означало, что прийти поглазеть на поединок сможет каждый пятый житель Семпоалы; остальные будут вынуждены тесниться в проходах, ведущих на площадь, или забираться на крыши ближайших

домов. Сообразно этому Кортес и расставил своих людей: аркебузиры заняли позиции на северной стороне, на первых этажах двухэтажных приземистых зданий, служивших некогда казармами ацтекского гарнизона и не слишком привлекательных для зевак. Шестеро кавалеристов получили приказ ждать сигнала за пределами площади, в начале широкой и вымощенной диким камнем храмовой аллеи. Остальные бойцы, облаченные в стальные доспехи и вооруженные мечами, окружали единственных конных на всей площади — самого Кортеса и принцессу Ясмин. По настоянию Эрнандо, принцесса надела легкий доспех — скорее красивый, чем надежный — и даже согласилась взять с собой шлем. Правда, шлем так и не надела — небрежно придерживала локтем, демонстрируя Кортесу, как развеваются на ветру ее роскошные черные волосы. Меднокожие, толпившиеся за пределами стального круга, поглядывали на Ясмин с восхищением и опаской. Рядом с великолепной белой кобылой принцессы зловещей черной статуей замер Тубал.

Эрнандо предполагал, что гвардейцы Кецалькоатля попробуют воспрепятствовать проникновению на площадь такого количества хорошо вооруженных людей, но ничего подобного не случилось. Кто-то из украшенных роскошными плюмажами офицеров недовольно покосился на закованных в металл наемников, но этим все и ограничилось. По-видимому, весть о вчерашнем разговоре Змея с предводителем кастильцев разнеслась по городу быстро.

Сидя в седле, Кортес переводил взгляд с платформы храма Кецалькоатля на угрюмые фасады казарм, за которыми ждали своего часа аркебузиры. На ступенях широкой лестницы, ведущей к похожей на улитку круглой башне храма, расположилась свита Змея — телохранители, писцы, танцовщицы и слуги с огромными опахалами из перьев. Ни самого Кецалькоатля, ни его загадочного помощника Джафара Кортес не увидел.

Внезапно в толпе поднялся глухой ропот. Он нарастал, как океанская волна, накатывающая на берег. Люди на площади поворачивали головы, пытаясь увидеть, что происходит там, где стена жреческой школы смыкается с высокой колоннадой храма Уицлопочтли. Гул катился именно оттуда — меднокожие вжимались в стены, пытаясь освободить проход для маленькой скрюченной фигурки в черном бесформенном одеянии, вышедшей из тени колоннады. Перед ковылявшим к ступеням карликом толпа распадалась надвое, словно человек, разрубленный кривой арабской саблей от ключицы до пояса. Не дрогнули только кастильцы, охранявшие Кортеса и Ясмин, но и на них как будто плеснуло холодом. Балам-Акаб не спешил. Он

шел, приволакивая левую ногу, временами бросая косые взгляды на уступавших ему дорогу меднокожих и задевая их круглой тростниковой корзиной — в таких женщины носят индюшат. Он и нес ее, как женщина, уперев днищем в бедро и придерживая крышку рукой. Миновав ощетинившихся мечами наемников, Балам-Акаб остановился у подножия лестницы, ведущей на террасу храма Кецалькоатля.

— Я пришел в срок, — ни к кому не обращаясь, объявил он. — Солнце коснулось верхушки неба, и я здесь. Но где же мой драгоценный братец, где Топильцин? Кажется, он опаздывает. Ну что ж, начнем трапезу без него…

В недоброй тишине, повисшей над площадью, он откинул крышку корзины и вытащил оттуда за волосы чью-то вымазанную в крови голову. Раскрутил, как пращу, и швырнул на заполненную празднично одетыми придворными террасу.

— Этот мальчишка сейчас рассказывает Тескатлипоке о вашем вероотступничестве, семпоальцы! — крикнул карлик неожиданно сильным и звучным голосом. — Уже месяц вы не проливаете жертвенной крови, не жжете кости во славу Дымящегося Зеркала! Вы поверили обманщику, вы поклоняетесь самозванцу, который боится даже взглянуть на Балам-Акаба, Ягуара Ночи!

За спиной Кортеса вскрикнула женщина. Э. рнандо повернул голову и увидел меднокожую толстуху в пестрой юбке, пробивавшуюся сквозь толпу.

— Мой сын! — вопила она, размахивая похожими на окорока руками. — Ты убил моего сына, грязный колдун! Я буду молить Кецалькоатля, чтобы он вырвал твое сердце.

Карлик расхохотался и ловко, по-паучьи вскидывая кривые ноги, забрался на несколько ступенек повыше.

— Моли, моли его, толстуха. Можешь даже пообещать ему свою девственность — он все равно ничем не способен тебе помочь. Моего братца тошнит при виде крови, где уж ему вырывать сердца! Но если ты очень попросишь, он споет тебе пару песенок…

Балам-Акаб вытащил что-то из складок одежды, прицелился и метко запустил в приближающуюся к лестнице женщину. Толстуха охнула, схватилась за лоб и тяжело осела на землю.

— Ваш Кецалькоатль не защитит вас, семпоальцы! — торжествующе прокричал горбун. — Он слишком слаб и труслив! Сила в руках у моего господина, Тескатлипоки!

— Ты чересчур громко кричишь, маленький человечек, — прозвучал над его головой странный металлический голос. — Смотри, как бы тебе не лопнуть от натуги.

Придворные, танцовщицы и телохранители расступились перед Змеем так же, как пятью минутами раньше толпа на площади расступалась перед Балам-Акабом. Но если на карлика смотрели с испугом и ненавистью, то во взглядах, обращенных к Кецалькоатлю, Кортес читал любовь и надежду. Лицо Змея по-прежнему скрывала серебряная маска, а в руках не было оружия.

— Ты все-таки пришел, братец! — насмешливо приветствовал его Балам-Акаб. — Я рад, что ты переборол свой страх… Я кое-что принес тебе на случай, если ты вдруг проголодался. Две головы, мальчика и девочки. Еще свежие — я оторвал их этой ночью.

— Я предупреждал тебя, порождение тьмы, — в голосе Кецалькоатля зазвенело отвращение, — чтобы ты больше не трогал жителей этого города…

— Ну да, — подхватил карлик, — предупреждал, конечно! Но что ты мог мне сделать, если бы я нарушил твой запрет? Убить? Так мы для того и затеяли сегодняшний поединок. А раз тебе нечем меня наказать, братец, то почему бы мне не порезвиться в свое удовольствие?

— Довольно, — сурово прервал его Змей. — Ты хотел поединка — ты его получишь. Жители Семпоалы! Дети мои и братья! Колдун, называющий себя Балам-Акабом, пришел в наш город, как вор, и убивал под покровом ночи. Всем известно: я не одобряю убийств, но клянусь вам, что остановлю сегодня кровавую охоту. Клянешься ли ты, Балам-Акаб, что покинешь Семпоалу и не тронешь больше ни одного из ее жителей, если я одержу над тобой победу в поединке?

Горбун подпрыгнул и звонко хлопнул ладонью себя по заду.

— Сначала одержи эту победу, братец, — фыркнул он. — Тогда и поговорим.

— Что ж, — спокойно произнес Кецалькоатль, — если ты отказываешься дать эту клятву, мне придется поступить с тобой, как с опасным зверем. Но помни: ты выбрал свою судьбу сам.

— Убей его, господин наш! — взвыла пришедшая в себя толстуха. — Вырви ему сердце!

— Мы не для того прогнали жрецов Тонатиу, чтобы им уподобляться, — неожиданно мягко возразил Змей. — Если на тебя в джунглях нападет ягуар, ты же не станешь вырывать ему сердце, дочь моя. Но безнаказанным он не останется, обещаю тебе…

— Хватит болтать! — крикнул карлик. — Я вызвал тебя, братец, со мной и разговаривай!

— Какой поединок ты предлагаешь? — спросил Кецалькоатль, подойдя к самому краю платформы. Кортес внимательно следил за каждым его движением. — Может быть,

сыграем в тлачтли?

Угловатое тело Балам-Акаба затряслось от смеха.

— Тлачтли? Ну и умен же ты, братец! Взгляни на себя — ты высок, силен, правда, маска наверняка будет мешать тебе видеть мяч, ну так что ж, в крайнем случае ты ее снимешь. А. куда мне девать свой горб, скажи на милость? А ту ногу, которая на пол-локтя короче другой, ты мне не выпрямишь? Нет уж, в тлачтли играй с кем-нибудь другим. Я хочу, чтобы сразились наши нагуали.

Кортес тронул своего коня и подъехал вплотную к Ясмин.

— Принцесса, вы случайно не представляете, что он собирается предпринять?

— Понятия не имею, — рассеянно ответила она, зачарованно глядя на возвышавшегося над краем террасы Кецалькоатля. — Знаю только, что час назад Ахмед передал ему скрижали — думаю, они у него в корзине.

— Правило для поединка одно, — продолжал Балам-Акаб, кривляясь перед своим противником. — Никто, кроме нас, не имеет права вмешиваться в сражение. Твои телохранители должны отойти на десять шагов. Предупреждаю: если кто-нибудь из них попробует коснуться моего нагуаля, тот разорвет его в клочья.

— Мой нагуаль — птица, твой — ягуар. — Кортесу показалось, что в металлическом голосе прозвучала насмешка. — Как же они будут биться?

— Не забывай о второй своей сущности, братец, — горбун подмигнул и полез в корзину. — У тебя ведь есть еще нагуаль-змей, который помог твоему божественному предку в подземных ямах Шибальбы. Или у тебя силенок не хватит справиться с таким могущественным нагуалем?

В первое мгновение Кортесу почудилось, что карлик вытащил из корзины еще одну мертвую голову, но это оказался странного вида клубок переплетенных ветвей, из которого во все стороны торчали сухие стебни тростника.

— Я вызываю своего нагуаля, — сообщил он Кецалькоатлю. — А ты уж, братец, как хочешь.

Он просунул голову в клубок веток и принял облик диковинного лесного демона. Из сплетения ветвей донесся громкий, совершенно нечеловеческий вой, живо напомнивший Кортесу стоны ночных призраков над руинами Лубаантуна. Тело горбуна затряслось, он неожиданно высоко подпрыгнул, оказавшись едва ли не на уровне ног Кецалькоатля, и в тот же момент на площади одновременно закричали от ужаса сотни людей. Кортес натянул поводья, разворачивая коня. По толпе,

запрудившей площадь, прошла новая трещина, куда шире прежней. От колоннады храма, из тени которого появился недавно Балам-Акаб, плавными прыжками мчался к лестнице огромный черный ягуар, казавшийся сгустком темного пламени. Эрнандо узнал его — это был тот же зверь, что появился на верхушке холма в день, когда они с Ясмин спустились в подземелья белой пирамиды. Лошадь принцессы заржала и попыталась сделать свечку, забив передними копытами в воздухе, но Кортес поймал ее за повод и с силой потянул вниз.

На площади началась паника. Меднокожие, оказавшиеся на пути чудовища, бросались с кулаками на стоявших плотной стеной соседей, пытаясь вырваться из ловушки, в которую загнало их собственное любопытство. Огромный зверь летел к лестнице храма, задевая когтями мощных лап спины и шеи тех, кто падал перед ним на колени. Уже десяток меднокожих, истошно крича, катались в пыли, оставляя кровавые следы на старых камнях Семпоалы. Наконец ягуар достиг цели и в два прыжка взлетел по ступеням на террасу.

Кецалькоатль встретил его, не дрогнув. Когда оскаленная морда зверя показалась над краем площадки, он широко раскинул руки и прокричал что-то на неизвестном Кортесу языке.

Ягуар замер. Несколько бесконечно долгих мгновений он еще тянулся когтистой лапой к вознесенной над площадью высокой белой фигуре, потом выгнулся дугой и покатился вниз по ступеням. Когда он грянулся оземь, над площадью взвился пронзительный визг карлика:

— Нечестно!!! Ты сжульничал! Ты не выпустил своего нагуаля! Кецалькоатль не ответил. Он стоял на краю платформы, прямой и величественный, и маска его сияла в лучах полуденного солнца. По толпе прокатился гул восхищения, и вдруг один за другим меднокожие принялись опускаться на колени.

— Отец наш! — закричал совсем рядом с кольцом наемников чей-то звонкий молодой голос. — Господин наш! Славься!!!

— Люди Семпоалы! — провозгласил Кецалькоатль, поднимая руки. — Черный Ягуар повержен, и никто больше не тронет ваших детей! Не бойтесь гнева старых богов — они всего лишь тени ночные, бегущие перед восходящим солнцем!

Кортес обвел взглядом площадь. Теперь кастильцы казались стальным островом в волнующемся море черных голов и блестевших от пота коричневых спин. Достаточно подать знак — и притаившиеся в засаде всадники рассекут это море, подобно окованным медью боевым кораблям норманнов. Но поединок еще не закончился.

— Тескатлипока! — громко воззвал карлик. — Господин мой,

Дымящееся Зеркало! Яви свою волю и покарай нечестивца!

Балам-Акаб вновь откинул крышку своей корзины. Запустил туда руку и вытащил сверкнувший на солнце зеленый цилиндр. Поднял над головой, увенчанной круглой маской из ветвей и трав, и прокричал громко:

— Теперь беги, братец! Небесные змеи сожгут тебя! Кецалькоатль отшатнулся. Никто на площади не заметил этого — почти все меднокожие стояли на коленях, но сидевший в седле Кортес увидел, как Змей отступил на шаг назад.

— Ага! — расхохотался горбун. — Ты узнал их, ты вспомнил ксиукоатль! Топильцин оставил их в гробнице Камастле, думая, что спрятал навсегда, но, как видишь, ошибся. А платить за его ошибку придется тебе…

Он вдруг с ловкостью уличного жонглера принялся выхватывать из корзины все новые и новые цилиндры — казалось, что у него в ладнонях горит зеленый огонь. Кортес с изумлением понял, что цилиндры каким-то образом прилипают друг к другу, образуя длинный и гибкий, как хлыст, стержень. Не прошло и минуты, а в руках карлика уже сверкал изумрудный клинок, острие которого было направлено в грудь Кецалькоатля.

— Ты не имеешь власти над небесным огнем, — глухо прозвучал голос из-под маски. — Ты всего лишь злобный колдун, способный только убивать беззащитных детей да пугать старух. Молнии Болон-Ти-Ку не для тебя!

— Вы знаете, для чего предназначены эти штуки, Ваше Высочество? — негромко спросил Кортес. Ясмин пожала плечами.

— Говорят, с их помощью можно повелевать ифритами. Во всяком случае, Змей чего-то испугался…

Кортес, за всю свою жизнь не видевший ни одного ифрита, скептически хмыкнул. Но тут зеленый стержень выгнулся, подобно атакующей змее, и метнулся к серебряной маске Кецалькоатля.

Вспоминая позже этот миг, Эрнандо никак не мог отделаться от ощущения, что удар нанес не Балам-Акаб, а само диковинное оружие, внезапно ожившее у него в руках. Впрочем, все произошло слишком быстро, и в точности описать, как разворачивались события, не смог бы, наверное, никто. Изумрудный клинок вспыхнул слепящим пламенем, и Кортес отчетливо увидел, как белая маска Кецалькоатля начинает плавиться, стекая с лица. В тот же миг угловатая фигурка карлика пошатнулась и, взмахнув руками, полетела вниз. У подножия лестницы тело Балам-Акаба с глухим стуком ударилось о землю, распластавшись рядом с огромной тушей черного ягуара. Сверху на него посыпались сверкающие зеленым огнем кристаллы:

оружие снова распалось на отдельные части. Кецалькоатль вскрикнул, обхватив руками голову, и неуверенно, как слепец, шагнул к краю площадки.

— Пора, — воскликнула Ясмин, указывая хлыстом на покачивающуюся белую фигуру, — командуйте же, амир!

"Да, — подумал Кортес, — пожалуй, лучшего момента уже не будет… Почему же так не хочется давать сигнал к атаке?"

Он приподнялся в стременах, поднял руку в латной перчатке и зычно проревел:

— Кастилия, к бою!

Эхо его голоса еще гремело, отражаясь от стен облицованных белоснежной штукатуркой зданий, а на него уже обрушилась оглушительная, невыносимая тишина. Молчали аркебузиры, не слышно было тяжелого топота кавалерии. Но мечники перед ним расступились четко, как на параде, и, справившись с мгновенным приступом паники, Кортес вонзил шпоры в бока Сида и погнал его к ступеням храма Кецалькоатля. В ту же секунду с южного края площади донесся ответный боевой клич кастильских наемников:

— Санта Крус и Сан Яго!

Кортес не обернулся. Он и так хорошо знал, что сейчас происходит за его спиной — закованные в латы боевые кони сминают меднокожих; сверкают взлетающие к небу толедские клинки, тяжело рассекают воздух шипастые шары на цепях, гуляющие по спинам и головам коленопреклоненных семпоальцев… Задачей кавалерии было расчистить проход к западной стороне площади, к широкой дороге, уводящей к городским воротам. По этой дороге отряд уйдет из Семпоалы на юго-запад, в страну отоми. Согласно плану Кортеса, кастильцы должны были покинуть площадь через пять минут после атаки кавалерии — раньше, чем кто-либо из вождей Семпоалы успеет прийти в себя.

Сид перепрыгнул громоздившуюся у подножия лестницы огромную черную тушу, лоснящуюся в лучах полуденного солнца, и застучал копытами по выложенным камнем ступеням платформы. Перед Кортесом мелькнули перекошенные от страха лица придворных, толпившихся вокруг своего господина; кто-то замахнулся на него дубинкой, усеянной осколками обсидиана, но получил короткий удар прямым мечом в живот и исчез из виду. Белая фигура Кецалькоатля стремительно приблизилась и заполнила собою весь мир. Змей по-прежнему держался обеими руками за голову, словно пытаясь оторвать намертво прикипевшую к его лицу серебряную маску, и что-то неразборчиво бормотал на неизвестном Кортесу языке. Кастилец,

рубанув мечом какого-то самоотверженного телохранителя, наклонился к Кецалькоатлю и, обхватив сильной рукой под живот, рывком вздернул на лощадь. Из-под маски донесся сдавленный, исполненный муки стон. Кецалькоатль оказался неожиданно легким, будто состоял не из плоти и крови, а из дуновений ветра.

— Уходим! — крикнул Кортес, натягивая поводья. Конь заржал, поднимаясь на задние ноги и молотя передними копытами бросившихся к нему охранников Кецалькоатля. В это мгновение сзади, на площади, громыхнуло так, что у Кортеса заложило уши — это дали залп притаившиеся в засаде аркебузиры. Эрнандо развернул Сида и, крепко прижимая к себе плененного Кецалькоатля, перемахнул через парапет террасы.

На площади царила паника. Кавалеристы Коронадо прорубались к западной дороге, оставляя после себя широкую, усеянную окровавленными телами просеку. Часть площади, примыкавшая к казармам, опустела; устрашенные выстрелами меднокожие в ужасе бросились в противоположную сторону, где выход с площади перегораживала цепь одетых в стеганые хлопковые доспехи гвардейцев Кецалькоатля. Ощетинившееся мечами кольцо наемников казалось незыблемым стальным островом в этом море безумия.

Конь Кортеса легко, почти не касаясь ступеней, слетел с лестницы, перепрыгнул через неподвижные тела колдуна и его нагуаля, но копыто его сорвало маску с головы Балам-Акаба. Эрнандо увидел это, обернувшись, чтобы махнуть рукой Ясмин — теперь, по разработанному им плану, принцессе под прикрытием мечников следовало отходить к западной дороге по расчищенному кавалеристами проходу. Мертвое лицо карлика было искажено гримасой боли и ненависти, выпученные глаза налились кровью, а кожа приобрела отвратительный фиолетовый оттенок. "Когда ты увидишь мое настоящее лицо, оно будет лицом бога", — вспомнил Кортес хвастливые слова колдуна и усмехнулся, еще крепче прижимая к себе перекинутого через луку седла пленника. Горбун оказался совсем не так опасен, как предполагала принцесса. Каким-то образом Кецалькоатлю удалось справиться и с ним, и с его огромным ягуаром, и Эрнандо надеялся, что Змей успеет раскрыть ему секрет своей победы…

Рука Кортеса застыла в воздухе. Строй мечников разворачивался, раскрываясь, подобно бутону стального цветка, чтобы пропустить бегущих через площадь аркебузиров. Внезапно Тубал, все это время неподвижно стоявший возле лошади принцессы, оттолкнул ближайшего латника и бросился к подножию лестницы.

— Стойте! — крикнул он срывающимся голосом, падая на колени перед телом Балам-Акаба. — Не смейте уходить без скрижалей!

Несколько мгновений Кортес смотрел, как Тубал шарит по земле, собирая рассыпавшиеся изумрудные цилиндры, потом отвернулся и вновь пришпорил Сида. Латники, окружавшие Ясмин, отступали за своим капитаном, готовясь отразить контратаку гвардейцев Кецалькоатля. Но те были слишком ошеломлены внезапным нападением кастильцев и не предпринимали никаких попыток отбить своего повелителя.

Когда отряд был уже у края площади, со ступеней храма донесся чей-то торжествующий вопль, больше всего напоминающий крик дикой кошки. Гибкая маленькая фигурка кинулась с лестницы на спину ползавшему в пыли Тубалу и, взмахнув обсидиановым ножом, мгновенно перерезала ему горло. Секретарь упал, уткнувшись головой в бок мертвого ягуара, и зеленые цилиндры вновь покатились по земле. Двое латников тут же вскинули арбалеты, но Кортес остановил их.

— Поберегите болты, — рявкнул он. — Парень уже мертв, а нам они еще понадобятся.

"Принцессе это наверняка не понравится, — подумал он про себя. — Но я не собираюсь рисковать отрядом ради каких-то магических игрушек".

Кецалькоатль пробормотал что-то неразборчивое. Маска Змея была наполовину расплавлена загадочным оружием Балам-Акаба, но серебряные глазницы не пострадали, и за ними блестели живые, полные боли глаза пленника. Кортес склонился к нему и услышал странное, похожее на шорох прибоя имя:

— Шочикетсаль… Шочикетсаль…

8. Шочикемалько, Крепость Цветов

Год 2-й Тростник, день 19-й Киауитль

Дворец правителя Шочикемалько утопал в розах. Сладкий аромат алых, белых и нежно-розовых цветов растекался в прохладном, чистом воздухе высокогорья. Город, вознесенный над плодородными долинами Халапы, был отлично укреплен и мог выдержать длительную осаду, так что кастильцы чувствовали себя в нем спокойно — настолько спокойно, насколько это вообще возможно в аль-Ануаке. Правитель города, вождь народа отоми, принял их с почетом и предоставил лучшие покои в своем дворце. Он же поведал Кортесу, что в Крепость Цветов должен со дня на день прибыть важный ацтекский сановник, вышедший из Теночтитлана во главе большого отряда гвардейцев-текихуака с повелением схватить самозванца из Семпоалы. Кортес, не собиравшийся делиться славой победителя Кецалькоатля ни с какими столичными интриганами, намекнул правителю, что если он незамедлительно отправит к Монтекусоме гонца с известием о поимке мятежника, правитель ацтеков, несомненно, щедро вознаградит его. Гонец отбыл той же ночью, а Кортес принялся раздумывать над тем, как заставить конкурента предоставить своих гвардейцев для усиления конвоя Кецалькоатля.

Переход от Семпоалы к горам дался наемникам нелегко. Дни стояли жаркие и сухие, и по мере того как отряд удалялся от побережья, солдаты все больше страдали от жажды. Времени искать источники не было — за спиной наемников, на расстоянии нескольких лиг, катилась бурая стена пыли — это шла погоня. Оправившись от первого потрясения, вожди Семпоалы сумели собрать под своими знаменами боеспособные отряды, и Кортес не сомневался, что теперь, освободившись от умиротворяющего влияния Змея, они развяжут настоящую кровопролитную войну. К счастью, стремительные действия кастильцев обеспечили им некоторое преимущество во времени — передовые разъезды кастильцев достигли гористой страны отоми, опередив преследователей почти на сутки.

Теперь войска мятежников стояли лагерем у подножия гор; с крепостных стен Шочикемалько их костры, усеявшие равнину, казались драгоценными смарагдами, пылающими недобрым огнем. Штурмовать твердыню отоми они не решались: с востока к ней вели две крутые, вырубленные в скалах лестницы, где десяток защитников мог сдерживать натиск многотысячной армии. Кортес предполагал, что часть семпоальцев ушла на север, чтобы отрезать кастильцам путь к Теночтитлану.

Наемники получили передышку и пользовались ею так, как это умеют только профессиональные солдаты: объедались жареным мясом и фруктами, кувшинами поглощали октли, не вылезали из темаскаля и тискали смуглых горянок-отоми. Правитель Крепости Цветов, пораженный тем, что христиане сумели пленить самого Кецалькоатля, приказал оплачивать все их расходы из городской казны, и теперь толпы торговцев каждое утро осаждали его дворец, требуя возмещения нанесенных им убытков. Эта щедрость оказалась как нельзя более кстати, поскольку значительная часть аванса, полученного от ал-Хазри, была истрачена еще в Семпоале. Впрочем, принцесса заверила Кортеса, что в Теночтитлане их ожидает поистине королевское вознаграждение. Эрнандо, суеверный, как все командиры наемников, старался не думать о том, сколько заплатит ему всемогущий инквизитор — в конце концов, до Теночтитлана еще предстояло добраться. К тому же Кецалькоатля нужно было доставить в столицу живым.

Трехдневная скачка по равнинам Халапы едва не свела раненого Змея в могилу. Но Кецалькоатль выжил и даже начал поправляться, хотя и очень медленно. Маску с его лица удалось снять — а точнее, срезать вместе с несколькими клоками бороды — на первом же привале после бегства из Семпоалы. Когда отрядный врач Фигероа приподнял искореженную серебряную личину, Кортес едва сдержал внезапный приступ тошноты. Лицо самозванного бога напоминало плохо вылепленный и необожженный глиняный сосуд или стесанную колоду светлого дерева. Только хорошенько приглядевшись, можно было различить на нем отдельные детали: толстый, приплюснутый нос, скошенный подбородок, вялые бескровные губы… Вид этого белого, мучнистого лица напомнил Кортесу, как лет пять назад сопровождавшие его отряд меднокожие вытащили из встретившейся на пути глиняной башни термитника огромную королеву-мать и зажарили на костре.

На лбу пленника чернел глубокий кровоподтек, окруженный темно-фиолетовым кольцом. Кроме этой страшноватой отметины лицо его украшали крупные пятна ожогов, похожие на розовые лишаи. Смотреть на Кецалькоатля было мучительно неприятно — даже Балам-Акаб рядом с ним показался бы красавцем. Поэтому Кортес велел Фигероа вновь надеть на пленника маску, предварительно выправив на ней вмятину, оставшуюся от удара изумрудным жезлом.

Несколько раз Эрнандо пытался заговорить со Змеем, но тот будто не слышал, а если и поворачивал голову, то лишь смотрел в отверстия своей маски куда-то сквозь Кортеса. Он словно бы

отгородился от мира невидимой стеной, сломать которую не могли ни уговоры, ни угрозы. Пока отряд прорывался к горам, у Кортеса хватало забот поважнее, но, оказавшись в безопасности за стенами Шочикемалько, он твердо решил разговорить пленника. На второй день пребывания в Крепости Цветов Эрнандо поднялся в небольшую комнату под крышей сторожевой башни, куда поместили Кецалькоатля.

Когда Кортес вошел в комнату, Змей неподвижно лежал на циновках.

— Приветствую тебя, Кецалькоатль, — вежливо поздоровался кастилец. — Вижу, тебе уже лучше. Надеюсь, ты не в обиде на меня за то, что я решил увезти тебя из Семпоалы.

Пленник не пошевелился. Кортес прошелся по комнате, внимательно разглядывая небогатую обстановку, и остановился в двух шагах от его ложа.

— Я пытался спасти тебя, — сказал он мягко. — После нашего разговора во дворце я понял, что ты очень одинок и нуждаешься в верных союзниках. А потом этот мерзкий колдун чуть было не убил тебя на глазах у всего города. Тотонаки коварны и вероломны, они наверняка хотели заполучить твою голову, чтобы прислать ее Монтекусоме…

Змей издал странный булькающий звук — Эрнандо не сразу догадался, что он смеется.

— А так мою голову получил ты, Малинче, — проговорил он. — И теперь везешь ее в Теночтитлан. Что ж, о таких союзниках, как ты, можно только мечтать.

Кортес почти не обратил внимания на прозвучавшую в этих словах горькую насмешку — куда важнее было то, что пленник наконец заговорил.

— Я уже объяснил тебе, что связан словом, данным принцессе. Не моя вина, что принцесса захотела вернуться в столицу. Но пока ты находишься под моей защитой, тебе ничего не грозит даже во дворце самого Монтекусомы.

— Ты напрасно пытаешься успокоить меня, Малинче, — перебил его Кецалькоатль. — Хочешь, я скажу тебе, что будет дальше? Ты приведешь отряд в Теночтитлан и отдашь меня жрецам Тескатлипоки. С согласия Монтекусомы, разумеется. За это тебе заплатят, очень щедро заплатят — и ты, и твои люди на долгие годы забудете вкус нужды. А меня принесут в жертву моему жестокому брату, Дымящемуся Зеркалу, надеясь на то, что моя кровь спасет мир от наступления эры Шестого Солнца. Вот что произойдет со всеми нами очень скоро, Малинче.

На этот раз Кортес промолчал. Нарисованная Змеем картина слишком походила на правду, и он прекрасно понимал это.

— И миллионы жителей аль-Ануака будут продолжать молиться ложным богам, — продолжал Кецалькоатль. — Которые на самом деле и не боги вовсе, а демоны преисподней. И будет литься новая кровь на алтари теокалли…

— Кровь лилась здесь много веков подряд, — заметил Кортес. — Для того, чтобы научить меднокожих жить по-другому, недостаточно одних добрых слов. Я слышал твои проповеди в Семпоале — они очень хороши, но рассчитаны не на меднокожих, а на нас, христиан и мусульман. Об заклад бьюсь, никто из них так ничего и не понял в твоих откровениях…

Кецалькоатль неожиданно приподнялся на локтях, подавшись к Кортесу — движение это было таким стремительным, что рука Эрнандо непроизвольно сжала рукоять меча.

— Это ты ничего не понял, Малинче! — голос Змея звенел. — Каждый человек может жить так, как изначально задумано Творцом! И для того, чтобы достичь блага, вовсе не обязательно считаться последователем Христа или Мохаммеда. Достаточно просто заглянуть себе в душу, туда, где сияет божественный свет. А отблеск этого света есть в каждом из нас, Малинче!

— Ты обманываешь себя, — жестко сказал Кортес. — Сам увидишь, сколько света будет в глазах служителей Тескатлипоки, которые вырвут тебе сердце и вымажутся твоей кровью.

Кецалькоатль беспомощно пожал худыми плечами и вновь упал на циновки.

— Видишь ли, если бы тебя с детских лет воспитывали в убеждении, что, проливая кровь, ты спасаешь мир…

— Оправдываешь убийц? — нехорошо усмехнувшись, спросил Эрнандо. — Тогда, может, и меня заодно оправдаешь?

Ему показалось, что Кецалькоатль тихонько засмеялся.

— А разве ты нуждаешься в оправдании? Ведь ты же спас меня от происков врагов, верный друг и союзник.

— Я видел твое лицо, — сообщил ему Кортес, круто меняя тему разговора. — И думаю, что, если бы не маска, люди шарахались бы от тебя, как от прокаженного.

Змей упрямо мотнул головой.

— Ты опять не понимаешь, Малинче. Мое лицо — это лицо бога. Оно может показаться тебе безобразным, но ведь ты никогда не видел богов.

Он взялся за края маски, но Кортес поспешно махнул на него рукой.

— Не нужно! Я уже насмотрелся на тебя, пока ты лежал без чувств… Кстати, ты много раз повторял имя Шочикетсаль. Кто это?

— Моя жена, — глухо ответил Кецалькоатль.

— У богов есть жены? — улыбнулся кастилец. — Я думал, ты соблюдаешь обет безбрачия.

— У меня восемь жен, Малинче. Я не беру в расчет наложниц. Даже если я закончу свою жизнь на алтаре Дымящегося Зеркала, семя Се Акатль Топильцина даст добрые всходы. Но Шочикетсаль — ее я любил больше всех. А ты разлучил нас, Малинче.

— Я сожалею, — Кортес церемонно поклонился. — Если бы это было в моей власти, я вернул бы ее тебе. Хочешь, я пошлю парламентеров в долину — вдруг она там, в лагере твоих друзей?

— Я не желаю, чтобы она вновь очутилась в клетке, — ответил Кецалькоатль. — Но если ты действительно намерен вести переговоры с тотонаками, спроси, нет ли среди них моего врача, Джафара.

— Джафара? — переспросил Эрнандо. — Твой врач — мусульманин?

— Что же в этом такого? Всем известно, что арабские врачи — лучшие в мире. Во всяком случае, Джафар сможет помочь мне куда больше, чем лекари-отоми.

— Ты поправляешься, — заметил Кортес. — Здешние лекари совсем не так плохи, как ты думаешь. Да и Фигероа — даром, что коновал — вытащил с того света немало моих парней.

— Я не поправлюсь, Малинче, — спокойно сказал пленник. — Я умираю, потому что раны, нанесенные ксиукоатль, нельзя исцелить.

— Глупости! Фигероа сказал мне, что твой синяк потихоньку бледнеет. Однако если ты желаешь, я могу послать за твоим Джафаром.

Только имей в виду — если тотонаки убьют парламентера, второй попытки уже не будет!

— Они никого не убьют, — еле слышно произнес Кецалькоатль. — Вот, возьми, Малинче, и отдай это своему посланцу…

Он протянул худую, обтянутую неестественно бледной кожей руку и вложил в широкую ладонь Кортеса маленькую каменную фигурку. Кастилец пригляделся — на кусочке темно-зеленого нефрита была вырезана крылатая змея.

— Увидев мой знак, вожди Семпоалы поймут, что посланнику можно верить, — голос Кецалькоатля дрогнул: — Как бы я хотел, чтобы вы стали союзниками, Малинче. Помнишь наш разговор на берегу ручья? Христиане не должны мириться с царством дьявола на земле, а ты своими руками помогаешь врагу рода человеческого…

— Ты говоришь, как падре Люке, — усмехнулся Эрнандо. — Не удивлюсь, если ты знаешь наизусть Священное писание.

Знаешь ведь?

— И Коран, и Тору, и священные гимны тольтеков. Вся моя жизнь была посвящена поискам истины, Малинче. Но порой познать истину не значит познать себя. Я сказал, что не виню тебя в твоем предательстве, и это правда. Это я виноват в том, что не распознал в тебе врага. Со мной такое случается нечасто. Если бы я прислушался к голосам тех, кто предупреждал меня о коварстве белых наемников, вас прогнали бы из Семпоалы, и ни аркебузы, ни боевые кони не помогли бы вам захватить меня. Но ты показался мне человеком чести, а я слишком хорошего мнения о рыцарях-христианах, чтобы подозревать их в вероломстве.

— И много ты видел рыцарей-христиан? — угрюмо спросил Кортес. — В аль-Ануаке они встречаются нечасто.

— Не все ли равно? Имеет значение лишь то, что я ошибся, доверившись одному из них.

Пленник повернулся к стене и затих. Повисло тяжелое молчание.

— Я постараюсь выполнить твою просьбу, — сказал Эрнандо, пряча нефрит в карман камзола. — И уж во всяком случае сделаю все, чтобы тебя вылечили…

Вернувшись к себе, он вызвал лекарей-отоми и пообещал им, что если пленник умрет до того, как отряд вернется в столицу, все они закончат жизнь на алтарях Уицлопочтли. Подобное же напутствие получил и Фигероа — только ему были обещаны крепкая веревка и высокое дерево.

Разобравшись с лекарями, Эрнандо навестил принцессу, размещавшуюся в личных покоях правителя Шочикемалько. Со дня бегства из Семпоалы они виделись лишь пару раз, мимолетно и всегда в присутствии посторонних. Принцесса была очень утомлена трехдневным броском через равнины и почти не выходила из своих комнат. Первым делом Кортес потребовал, чтобы Ахмед и Ибрагим оставили их наедине.

— Вы просите о невозможном, амир, — спокойно ответила Ясмин. — Правила приличия запрещают мне оставаться с мужчиной без моих верных слуг.

— В подземелье белой пирамиды вы об этом не беспокоились, — заметил Кортес. — Что ж, я не стану смущать вас своей настойчивостью. Но в этом случае вы вряд ли узнаете о том, что происходит с нашим уважаемым гостем.

Любопытство пересилило непонятную холодность принцессы. Когда евнухи вышли из комнаты, Кортес сообщил ей о том, что Кецалькоатль, по всей видимости, не доживет до возвращения в Теночтитлан.

— Мне, собственно говоря, все равно, поправится он или

умрет, — любезно добавил Эрнандо. — Но вам, я полагаю, судьба Змея небезразлична.

Тонкие пальцы принцессы беспокойно забарабанили по подлокотникам кресла.

— А если он обманывает вас? Что говорят ваши врачи?

Кортес пожал плечами. Диагнозы Фигероа разнообразием не отличались. А повторять принцессе болтовню меднокожих о злых духах, поселившихся в теле Кецалькоатля, не стоило.

— Если бы мы знали о том, что такое эти ксиукоатль, толку от врачей было бы больше.

— Поверьте, амир, я рассказала вам все, что сама слышала о скрижалях. Возможно, Тубал знал что-то еще, но у него уже не спросишь…

— Однако сам Кецалькоатль считает, что ему мог бы помочь его личный врач. Он, кстати, мусульманин, араб по имени Джафар.

— Неужели? — Ясмин нахмурилась. — И где же этот чудотворец?

— Наш гость надеется, что он в лагере тотонаков. Мы можем пригласить его осмотреть Кецалькоатля — разумеется, в том случае, если вы посчитаете это нужным.

"Вот так, — подумал Кортес. — Попробуй теперь упрекнуть меня в том, что я не заботился должным образом о здоровье твоего драгоценного пленника".

— Это, очевидно, сопряжено с риском? И как вы собираетесь доставить его сюда?

Кортес усмехнулся и похлопал по карману, в котором лежал резной кусочек нефрита.

— Пошлю парламентера, кого-нибудь из меднокожих. Вопрос не в том, как это сделать, а в том, нужен ли вам живой Кецалькоатль.

— Да, — быстро ответила Ясмин. Пожалуй, даже слишком быстро.

— От мертвого мятежника проку немного…

Она осеклась, поняв, что сказала лишнее. Кортес глядел на нее, как змея на птицу — холодным пристальным взглядом.

— Зачем же понадобилось устраивать представление с горбатым уродцем? Или вы с самого начала знали, что он не сможет одолеть Змея?

Он был почти уверен, что Ясмин не ответит. Но она, похоже, растерялась.

— Вы не понимаете, амир… Если бы Кецалькоатль погиб от руки посланца Тескатлипоки, это произвело бы огромное впечатление на меднокожих… Это было бы ничуть не хуже, чем…

— Чем смерть на жертвенном камне? — губы Кортеса презрительно искривились. — Вы откровенны, Ваше Высочество. Скажите, чем Змей так досадил Его Величеству халифу и вашему дяде-инквизитору?

Но принцесса уже взяла себя в руки.

— Вы задаете слишком много вопросов, амир, — холодно произнесла она. — Ваше дело — повиноваться приказам. Кецалькоатль нужен мне живым, и я разрешаю вам делать все, что вы считаете нужным, чтобы он дожил до нашего возвращения в Теночтитлан.

— И когда вы намереваетесь туда вернуться? — сухо осведомился Кортес.

— До праздника Нового огня. Как только в Шочикемалько прибудет генерал Хальпак со своими гвардейцами. Вам, вероятно, уже сообщили, что он направляется нам на помощь?

— Нам на помощь? — переспросил Эрнандо, припомнивший, что Хальпак приходился родственником самому Монтекусоме и носил титул Правителя Орла. — И кто же послал нам столь могущественного помощника?

— Эмир ал-Хазри, разумеется, — принцесса поднялась с кресла, давая понять, что разговор близится к концу. — Он поручил генералу охранять нас и нашего пленника.

— Я вижу, ваш дядя все хорошо продумал. Жаль только, что ни он, ни вы не сочли нужным раскрыть мне все карты с самого начала.

— Зато теперь вы все знаете, — принцесса явно теряла терпение. — Идите же и выполняйте приказ, амир!

Перед тем как выйти, Кортес не удержался от последнего укола:

— Раньше вы были немного доброжелательней, Ваше Высочество, — со значением произнес он, кланяясь.

— О чем это вы? — удивленно подняла брови Ясмин.

Покои принцессы он покинул в отвратительном расположении духа. Ощущение, что он стал пешкой в какой-то сложной игре, усиливалось с каждой минутой. Даже мысль о награде, ожидавшей его отряд в Теночтитлане, больше не радовала кастильца.

Первой жертвой его дурного настроения стал камердинер правителя Шочикемалько. Он попытался не пустить командира наемников к своему хозяину, уверяя, что тот болен и плохо себя чувствует, но увесистая оплеуха отшвырнула достопочтенного сановника к стене. С самим правителем Кортес обошелся куда вежливее, однако металл, звеневший в его голосе, заставил владыку Шочикемалько внимательно выслушать все его просьбы

и немедленно отдать необходимые распоряжения. Через час гонец, выполнявший особые поручения правителя, захватил с собой нефритовую печать Кецалькоатля и покинул крепость.

Была поздняя ночь, когда Кортес, взяв с собою кувшин с октли, постучался к отрядному капеллану Люке. Священник еще не спал и не слишком удивился приходу командира. Он быстро убрал со стола какие-то бумаги и расстелил простую хлопковую скатерть, на которую поставил блюдо с холодным каплуном и миску яблок.

— Благодарю за угощение, отец мой. — Кортес внезапно почувствовал, что зверски голоден. — Но я побеспокоил вас не только затем, чтобы поужинать.

Капеллан улыбнулся и извлек откуда-то маленькую бутыль темного стекла с запечатанной сургучом пробкой.

— Если вы хотите побеседовать о чем-то важном, уберите кактусовое пойло — от него слишком разит дьяволом. Вот прекрасный напиток из нашего монастыря в Астурии. Крепковат, правда, но это не самый большой грех, в котором можно обвинить вино.

Кортес не споря отставил кувшин с октли в сторону. Люке налил в маленькие серебряные чашечки густую, остро пахнущую жидкость светло-зеленого цвета.

— Возблагодарим Господа, защитившего нас от опасностей долгого пути, — скороговоркой пробормотал он, опрокидывая в рот содержимое своей чашки. Эрнандо последовал его примеру и был приятно удивлен замечательным вкусом незнакомого напитка.

— Вы в аль-Ануаке уже семь лет, отец мой, — проговорил он, отламывая жирную ногу каплуна, — с тех самых пор, как епископ Астурийский послал вас в Закатные Земли окормлять христианских подданных халифа. В отряде вас любят, и вы знаете нас, как своих собственных детей. И что же, по-вашему, мы хорошие христиане?

Священник приподнял седую бровь, испытующе посмотрел на своего капитана, словно пытаясь разгадать, шутит он или вполне серьезен.

— Разумеется, нет, — ответил он, помолчав. — Возьмем хотя бы тебя, сын мой. Ты гневлив, невоздержан, живешь с язычницей-меднокожей, все твои дети рождены в грехе… Но и другие не лучше. Я не стану называть имен, ты и так прекрасно знаешь, кто из отряда пьет, кто играет в кости, кто путается с меднокожими девками… Да, эти грехи можно замолить, и вы все время от времени об этом вспоминаете, но назвать добрыми христианами прожженных негодяев я не могу.

Кортес усмехнулся, давая понять, что оценил шутку.

— Нет, падре, я говорю не об этом… Вот мы живем в чужой земле, народ которой поклоняется перемазанным кровью идолам в дьявольских капищах. Не грех ли это, святой отец? Как быть с тем, что мы не только не пытаемся дать бой Сатане, но и спокойно смотрим на эти богомерзкие обряды, принимая их как неизбежное зло? Не становимся ли мы тем самым пособниками врага рода человеческого?

Капеллан тяжело вздохнул и снова наполнил чашки.

— Каждый прибывающий в Закатные Земли священник задает себе такие вопросы, — нехотя ответил он. — А уже через несколько лет пытается забыть о том, что когда-то задумывался над ними. Видишь ли, положение Церкви завидным не назовешь. Арабы запрещают нам обращать меднокожих в христианство, хотя сами частенько склоняют их принять закон Мохаммеда. Мы, конечно, могли бы попытаться… и я сам слышал о маленьких христианских общинах на берегу залива Табаско, где пропал сто лет назад епископ Иеронимус… но цена слишком высока. Наши монастыри в Астурии существуют лишь до тех пор, пока мы соблюдаем законы халифа. Ничто не мешает маврам стереть их с лица земли, точно так же, как они поступили с владениями Церкви в Фирандже. Если бы речь шла только о моей жизни или жизни кого-то из братьев, никто не колебался бы ни минуты. Но, оставаясь заложниками, много ли мы можем? Только поддерживать свет истинной веры в своих соотечественниках. Мне нечем тебя утешить, сын мой. Но я рад, что ты пришел ко мне с этим. Значит, твоя душа не совсем еще загрубела в бесконечных сражениях и походах…

— Не о моей душе речь, — непочтительно прервал его Кортес. — Я, видно, успел привыкнуть к тому, что творится на земле аль-Ануака, раз пришел к вам только сегодня. Дело в том, святой отец, что тот, кого мы захватили в плен, мятежник, присвоивший себе имя Кецалькоатля, собирался уничтожить кровавые ритуалы. Вы видели, как отличается Семпоала от других городов меднокожих? Такими, возможно, стали бы все Закатные Земли, если бы мятеж Кецалькоатля удался. И теперь я спрашиваю себя: правильно ли поступил, выполнив приказ принцессы? Не предал ли я Господа нашего, чьим орудием, быть может, являлся Кецалькоатль?

Капеллан недовольно нахмурился.

— Гордыня твоя превосходит все разумные пределы. Ты действительно думаешь, что способен причинить вред орудию в руке Господней? Нет, уж если ты сумел взять его в плен, можешь быть спокоен: Господь в нем не нуждается. Да и что бы дала нам

его победа? Он такой же язычник, как и Монтекусома, а миролюбие его может оказаться напускным.

Кортес с сомнением покачал головой.

— Он, без сомнения, язычник, но очень уж хорошо образованный. Он знает Священное писание, Коран и еврейское Пятикнижие. Где он мог всему этому выучиться — ума не приложу. Что же касается миролюбия… нет, падре, я уверен, что он действительно запретил бы кровавые жертвы. Это и не дает мне покоя: с некоторых пор я чувствую себя помощником дьявола. К тому же дьявол, говорят, имеет обыкновение искушать нас в облике прекрасных дев…

Люке понимающе кивнул.

— Да, принцесса действительно хороша. Но чего ты от меня ждешь, сын мой? Хочешь, чтобы я продолжал утешать тебя, говоря о бессилии Церкви? Или готов выслушать то, что я вряд ли осмелюсь повторить, будучи трезвым? Так слушай: все мы здесь пособники дьявола. Я — потому что не пытаюсь нести слово Божие несчастным язычникам, малодушно прикрываясь запретами двухвековой давности. Ты — потому что, подчиняясь воле женщины, своими руками кладешь на жертвенный камень невинного человека. Наемники — потому что для них нет никакой разницы, кому служить: маврам или погрязшим в крови меднокожим, лишь бы получать свою плату. Да, сын мой, все мы прокляты Господом, все, кто ступил на Закатные Земли и дышал их воздухом! А потому давай допьем эту бутыль и не будем задаваться вопросами, на которые лучше не знать ответов.

Кортес не стал спорить.

> Мюрид по отношению к пиру должен соблюдать следующее: а) мюрид должен считать своего пира единственным в мире и самым важным; б) должен верить, что пиру известны все мельчайшие обстоятельства жизни мюрида; в) преданность мюрида пиру должна быть такова, что если бы пос ледний даже прогнал мюрида, то тот не должен оставлять наставника, а должен продолжать служить ему и постараться вернуть себе его расположение… ж) тайны пира мюрид должен хранить от людей, а тайны свои обязан сообщать пиру… о) мюрид должен всеми силами стараться предотвратить всякий вред или неприятности, которые могут угрожать пиру, а в случае смертельной опасности не жалеть самой своей жизни.
>
> *Маувляви-Руми, "Книга суфийской мудрости".*

9. Наемник и убийца

Шочикемалько, Крепость Цветов.

Год 2-й Тростник, день 20-й Шочитль

Посланец правителя вернулся на следующий вечер. Вернулся не один — с ним пришли еще двое вождей тотонаков в расшитых золотыми пластинками доспехах, но с белыми повязками на лбу, означавшими, что они прибыли говорить о мире. В одном из них Кортес признал Маштлу — угрюмого меднокожего в серых одеждах, присутствовавшего при их первой встрече с Кецалькоатлем. Отдельно от послов стоял худощавый бородатый араб в пыльном бурнусе с холщовым мешком в руках. Поприветствовав вождей, Кортес знаком приказал ему приблизиться.

— Ты — Джафар? Кецалькоатль хотел видеть тебя.

Араб порылся в своем мешке и достал резной кусочек нефрита.

— Я получил его печать. Что с моим господином?

— Он считает, что рана, нанесенная колдуном, смертельна. Постарайся разубедить его, лекарь. И кстати, дай посмотреть, что у тебя в мешке.

Джафар поджал тонкие губы, но протянул мешок Кортесу. Тот распустил веревку, заглянул внутрь и чуть не задохнулся от мерзкого запаха какой-то тухлятины.

— Ты носишь там свою любимую крысу? — поинтересовался кастилец, возвращая мешок врачу. — Должен тебя огорчить — она года два назад как сдохла.

— Лекарство не должно хорошо пахнуть, — ответил араб. — Единственное, что от него требуется — это лечить.

— У нас будет возможность проверить твои знания. Послов сейчас примет правитель Шочикемалько, а мы с тобой, не теряя времени, отправимся к Кецалькоатлю. Надеюсь, ты вылечишь его, потому что в противном случае я отдам тебя жрецам Тескатлипоки.

— Ты можешь грозить мне чем угодно, — пожал плечами Джафар. — Если это в человеческих силах, я вылечу своего господина. Если же нет, свари меня хоть живьем в масле — здоровья ему это не прибавит. Впрочем, ты прав. Нам нужно поторопиться.

Уверенная, спокойная речь араба понравилась Кортесу. Он кивнул маячившему в отдалении Коронадо, давая понять, что за ужином ему поручается заменять отсутствующего командира, и повел врача в башню Кецалькоатля.

— Как вышло, что арабский лекарь попал на службу к

меднокожему мятежнику? — поинтересовался он по пути.

— Прости, господин, но если ты имеешь в виду Кецалькоатля, то он белее тебя. У него, как ты мог заметить, есть борода, а меднокожие бород сроду не носили.

Кортес внимательно посмотрел на Джафара.

— Кто же он, по-твоему? — спросил он, отметив про себя, что лекарь ловко уклонился от ответа на первый вопрос. — Араб или, может, кастилец?

— Мне кажется, в роду у него были норманны. Но, по правде говоря, я ни разу не говорил с ним об этом.

У дверей комнаты пленника играли в кости Эстебан и Хорхе Два Стилета, смертельно обиженные на весь мир за то, что им выпала сомнительная честь охранять Кецалькоатля, в то время как все их товарищи наслаждаются жизнью в "домах радости".

— Он пел, капитан, — сообщил Эстебан, поднимаясь и поправляя перевязь своего меча. — И долго так, у меня даже голова разболелась. Хотел я было проучить мерзавца, да ведь вы же не велели его трогать…

— И о чем же он пел? — без тени улыбки спросил Кортес. Эстебан пожал плечами.

— Кто ж его разберет, капитан… Я такого языка и не слыхал никогда. Хорошо хоть, сейчас замолчал… А это еще что за чучело?

Эрнандо покосился на араба, но тот равнодушно разглядывал стены караулки.

— Это врач, который будет лечить нашего гостя. — Кортес ткнул Эстебана кулаком в живот, заставив вытянуться и расправить плечи. — А вы будете за ним присматривать, ясно? И чтобы больше никаких игр на посту.

Он сгреб со столика кости и ссыпал их в карман. У Хорхе наверняка где-то припрятаны запасные, но в ближайший час доставать их он поостережется.

Кортес толкнул массивную дверь и вошел в комнату Кецалькоатля. Тот вопреки обыкновению не лежал, а сидел на циновках, раскачивал ся из стороны в сторону, сжав ладонями виски, и что-то еле слышно бормотал себе под нос. При виде Джафара он сразу же прекратил раскачиваться и сделал неуклюжую попытку подняться.

— Нет-нет, господин, — торопливо проговорил араб на науатль, — сидите, прошу вас! Вы еще недостаточно поправились, чтобы вставать навстречу вашим ничтожным слугам!

Пленник пробормотал что-то неразборчивое. Врач подошел к циновкам, опустился на колени и дотронулся лбом до босой ступни Кецалькоатля.

— Слава Аллаху, что позволил снова увидеть вас живым и невредимым, — воскликнул он. — Теперь вам нечего бояться; все ваши злоключения позади.

— Переходите к делу, — нетерпеливо напомнил Кортес. — У нас не так много времени.

— В таком случае я попрошу оставить нас вдвоем, — твердо сказал Джафар, развязывая мешок.

Эрнандо собирался возразить, но отвратительный тухлый запах мгновенно распространился по всей небольшой комнате, и он поспешил приложить к лицу тонкий шелковый платок — подарок Ясмин.

— Хорошо, лекарь, — приглушенно проговорил он, зажимая платком нос. — Но помни, что мои люди будут следить за каждым твоим шагом.

— Это мудро с твоей стороны, господин, — араб вытащил из мешка какой-то длинный черный предмет, похожий на змею с плоской круглой головой. — Но мне понадобятся для лечения кое-какие снадобья, которые можно найти в городе. Не будут же твои люди оставлять пост, чтобы сопровождать меня на рынок?

— Я пришлю тебе пару меднокожих. Объяснишь им, что тебе нужно, а сам останешься здесь. И помни: что бы ни случилось, за жизнь Змея отвечаешь головой.

"Нужно поставить еще один пост при входе в башню, — решил Кортес, спускаясь по лестнице. Мысль эта была вызвана каким-то неясным беспокойством, поселившимся у него в душе с тех пор, как он увидел посланцев Семпоалы. — И лучше всего послать туда арбалетчиков".

Объяснить, почему он подумал именно об арбалетчиках, Кортес вряд ли сумел бы. Это было сродни наитию, тайному голосу ангела-хранителя, не раз выручавшего кастильца. За долгие годы Эрнандо научился доверять этому голосу и никогда не оставлял без внимания его советы. Поэтому перед тем, как присоединиться к переговорам с вождями тотонаков, он разыскал Диего и приказал ему послать к башне двух стрелков.

Ужин, которым правитель Шочикемалько угощал мятежных вождей, роскошным назвать было трудно. Кортес, неплохо знавший этикет мешиков, подозревал, что, предлагая гостям костлявых перепелок и жестковатые кислые сливы, правитель наносит им тщательно завуалированное оскорбление, но послы, казалось, вовсе не обращали внимания на то, чем их потчуют. Маштла с одинаково угрюмым выражением пережевывал горячие пироги-тамаль, медовые лепешки и стручки жгучего зеленого перца. Второй вождь, имени которого Кортес не знал, ел крайне мало и был полностью поглощен беседой с правителем.

Коронадо, со скучающим видом прислушивавшийся к их разговору, объяснил командиру, что тотонаки пытаются убедить правителя перейти на их сторону и примкнуть к союзу прибрежных городов, поклоняющихся Кецалькоатлю и отвергающих кровавую дань Теночтитлану. С точки зрения Кортеса, это выглядело полным безумием, поскольку отоми, в отличие от прибрежных племен, были давними и преданными союзниками мешиков и никогда не пытались выступить против власти тлатоани. Тем не менее правитель внимательно слушал послов, время от времени важно кивал и с живым интересом расспрашивал их о том, какими силами располагают мятежные города и все ли их воины собрались сейчас у подножия гор. Послы отвечали охотно, но понять, что в их словах правда, а что ложь, было совершенно невозможно. Так, они утверждали, что ацтекский наместник Киауитцлана со всем своим гарнизоном принял веру Кецалькоатля, отрекся от старых богов и движется сейчас на юг, в страну Сапотекапан, чтобы поднять там знамя восстания. На вопрос, сколько воинов стоит сейчас на равнинах у Халапы, первый посол ответил: "Сорок тысяч", — а Маштла, оторвавшись на мгновенье от обгладывания рыбьего скелета, буркнул: «Сто». Толку от таких сведений, разумеется, было немного.

Послушав эту бессмысленную беседу, Кортес решил, что парламентеры скрывают истинную цель своего визита, и встревожился еще больше. Возможно, они собирались разведать, хорошо ли охраняются лестницы в скалах, ведущие к воротам Крепости Цветов. Если это так, не худо бы продержать их в гостях до прибытия Правителя Орла Хальпака…

— Мы просим вас освободить нашего повелителя, Змея в Драгоценных Перьях, — неожиданно обратился к нему посол. — Если вы отпустите его, мы немедленно снимем наш лагерь и вернемся на побережье.

Кортес покачал головой.

— Я и мои люди спасли Кецалькоатля от грозившей ему гибели. Разве ты не видел, как в тот день в Семпоале тысячи людей не смогли защитить Змея от мерзкого колдуна? Уверяю тебя, под защитой наших мечей он находится в безопасности.

Посол явно растерялся, но тут Маштла выплюнул сливовую косточку и хмуро спросил:

— Вы везете его в Теночтитлан? А там нашего господина уже ждет не дождется сам Монтекусома. И уж от него-то вам его нипочем не защитить.

— Нехорошо говорить так о великом тлатоани, — недовольно заметил правитель. Маштла отмахнулся.

— Мы можем предложить вам выкуп, — понизив голос, проговорил он. — Золото и нефрит. Четыре большие ноши. И еще четыре — для Монтекусомы.

— Золото в дисках или в песке? — неожиданно заинтересовался Коронадо. Маштла презрительно посмотрел на него.

— В дисках. Первую половину получите хоть завтра. Вторую — после того, как отпустите Кецалькоатля.

Рука Коронадо, наливавшего себе октли из кувшина в чашку, дрогнула. Маштла сделал вид, что ничего не заметил.

— Интересное предложение, — сказал Кортес, в упор глядя на тотонака. — Только вот откуда вы возьмете столько золота? Это больше, чем Монтекусома получает в год со всего аль-Ануака.

— Твое ли это дело, чонталь? — надменно возразил Маштла. — Мы предлагаем — значит, нам есть что предложить… Тебе тоже есть что предложить нам, и я хотел бы узнать, согласен ли ты на такой обмен.

— Это нужно обдумать, — Кортес бросил быстрый взгляд на Коронадо. Глаза его ближайшего соратника алчно блестели. Еще бы — четыре ноши золота позволят всем солдатам отряда вернуться на родину богачами. Вот только Эрнандо почему-то сомневался, что Монтекусома, а особенно глава всесильной Михны ал-Хазри останутся довольны подобной сделкой. — Возможно, завтра или послезавтра я смогу сообщить о нашем решении. Пока же я предлагаю вам воспользоваться гостеприимством нашего хозяина, повелителя Крепости Цветов.

При этом он так выразительно посмотрел на правителя, что тому ничего не оставалось, кроме как подтвердить приглашение. Кортес вытер губы маисовой лепешкой, стряхнул крошки с камзола и поднялся, произнося ритуальные слова благодарности.

— Прошу извинить, но меня ждет принцесса.

На самом деле он совсем не был уверен, что принцесса обрадуется его появлению. Но не рассказать ей о новом предложении сторонников Кецалькоатля Эрнандо не мог.

Коронадо поднялся следом. Когда они вышли из покоев правителя, бородач схватил Кортеса за локоть и развернул к себе. Белки его глаз покраснели, и Кортес понял, что его заместитель здорово пьян.

— Что скажешь, командир? Восемь нош золота! Да мы и за сто лет столько не заработаем, даже если нас наймет для охраны сам эмир!

Кортес шевельнул плечом, и пальцы Коронадо разжались.

— Во-первых, не восемь, а четыре. Четыре они собираются заплатить Монтекусоме, ты же слышал…

— Мало ли чего я слышал! Никто же не заставит нас делиться с меднокожими, командир! Возьмем золото и отправимся за море! Вон, этот шелудивый пес Али Хасан смылся, и взятки гладки…

Кастилец вспомнил приказ об аресте Али Хасана, подписанный самим Великим инквизитором, но не стал разубеждать товарища — Коронадо был слишком пьян, чтобы прислушиваться к голосу разума.

— Во-вторых, пока я не видел золота, я в него не верю. Вот когда его принесут сюда, когда наш казначей взвесит его и убедится, что это не позолоченная медь, тогда и наступит время думать, как быть дальше. И вот еще что: чем мечтать о золоте, сходи да умойся холодной водой — сейчас в тебе слишком много октли. Потом проверишь посты у сторожевой башни и доложишь мне. Я буду у принцессы.

Коронадо, недовольно бурча, удалился, а Кортес пересек небольшой, обсаженный розовыми кустами дворик с неглубоким бассейном посредине и вошел под своды украшенной мраморными плитами галереи.

У дверей покоев принцессы стоял Ахмед, облаченный в золотистую накидку из волокон агавы. Меднокожие замачивали кактусовую ткань в жидком маисовом тесте, отчего накидка приобретала крепость деревянных доспехов, оставаясь легкой и гибкой. Кортес жестом велел ему уйти с дороги, но евнух не двинулся с места.

— Сейчас время ах-шам,[7] амир, — не слишком дружелюбно проговорил он. — К тому же принцесса слишком устала и не сможет принять тебя сегодня.

Кастилец с трудом поборол желание врезать ему по зубам рукоятью меча. Однако ссориться с принцессой на последнем этапе их путешествия было бы весьма неразумно. К тому же он внезапно осознал, что пришел к Ясмин не для того, чтобы сообщить о предложении тотонаков, а просто потому, что очень хотел ее увидеть. Мысль эта удивила и даже испугала его. Еще в Семпоале он не испытывал к ней ничего подобного; когда Ясмин сама пришла к нему в спальню, это польстило его гордости, но и только. Однако теперь, столкнувшись с необъяснимой холодностью принцессы, Кортес понял, что по-настоящему нуждается в ней. Закрывая глаза, он видел ее тонкую, стройную фигуру, слышал звонкий, похожий на перезвон серебряных колокольцев смех, чувствовал прикосновение нежных рук к своей коже. И чем больше отдалялась Ясмин, тем сильнее он желал, чтобы она вернулась. Смешно — на что может рассчитывать капитан наемников, да к тому же христианин, на минуту

попавший в фавор к дочери самого халифа? Он заставил себя разжать руку, сомкнувшуюся на рукояти меча.

— Очень хорошо, Ахмед. Передай Ее Высочеству, что я хочу обсудить с ней один весьма важный вопрос. Пусть пошлет за мною, когда будет свободна.

— Передам, амир, — на толстых губах великана появилась улыбка, как показалось кастильцу, сочувственная. — Можете не беспокоиться.

Кортес развернулся и вышел в залитую лунным светом галерею. Ночь пахла розами. Проходя по двору, он обернулся — в узком окне покоев принцессы мерцал слабый огонек свечи.

Кто-то бежал к нему через двор, грохоча подкованными сапогами по гранитным плитам. Кортес потащил из ножен меч, но тут же вновь убрал его, узнав в бегущем человеке капитана Коронадо. Бородач выглядел растерянным и напуганным; за все время их знакомства Эрнандо видел его таким впервые.

— Ушел, — тяжело дыша, проговорил он. — Ушел, командир. Наши все мертвы, и Эстебан, и Два Стилета, и арбалетчики.

— Быстро собирай бойцов, — Кортес начал отдавать приказы прежде, чем окончательно уразумел смысл произошедшего. — Всех, кого сможешь найти. Он, скорее всего, ушел к лестницам в скалах — мы должны его догнать. Действуй! — гаркнул он, видя, что ошарашенный увиденным Коронадо все еще медлит.

"Нужно заставить правителя выслать отряды к лестницам, — подумал Эрнандо. — Если он не успел далеко уйти, лучники снимут его с верхних площадок… но так я получу только труп, а от трупа, как справедливо заметила Ясмин, толку немного. К тому же лестницы все равно охраняются, поэтому просто так его не выпустят. Правда, если он ухитрился каким-то образом справиться с четырьмя наемниками, меднокожие ему и подавно не помеха".

Он выскочил за ворота (копьеносцы дворцовой стражи приветственно ударили тяжелыми древками о камень) и, то и дело оглядываясь, побежал к сторожевой башне. Ночь была светлая: огромная Красноватая луна висела в прозрачном небе, безжалостно освещая мертвые тела, черневшие на пороге башни. Арбалетчики — Педро и Себастьян — лежали ничком, уткнувшись в пыль, перемешанную с розовыми лепестками. Себастьян сжимал в руках разряженный арбалет, и Кортес понял, что один выстрел он сделать все-таки успел. У Педро арбалета не было, пропал и кожаный чехол с тяжелыми болтами. Кастилец быстро осмотрел тела, но никаких ран или следов от ударов не обнаружил. Лицо Педро посинело и напоминало опухшую рожу пьяницы, допившегося до своего четырехсотого кролика.[8] Рот

Себастьяна распахнулся в беззвучном крике, налитые кровью глаза едва не вылезали из орбит. Кортес мог бы поклясться, что видел уже нечто подобное, причем совсем недавно, но задумываться об этом сейчас было некогда. С обнаженным клинком в руке он взбежал по ступеням и едва не споткнулся о перегораживавшее проход массивное тело Эстебана. Голова лейтенанта была вывернута вбок под немыслимым углом — такое случается при падении с большой высоты затылком вниз. Впрочем, возможно, ему сначала сломали шею, а потом уже сбросили с лестницы. Хорхе Два Стилета смерть застала за игрой в кости: он сидел, привалившись к стене, и выпученные мертвые глаза его удивленно разглядывали последнюю выпавшую комбинацию — шестерку и единицу. Немного ниже подбородка из складок безобразно распухшей шеи торчал короткий толстый шип, измазанный чем-то желтым.

Комната Кецалькоатля была пуста. Исчезли и сам Змей, и бородатый араб Джафар. Кортес постоял минуту, раздумывая, куда они могли направиться. Из Шочикемалько вели две дороги — крутая горная тропа, спускавшаяся на восточную равнину, и широкий западный тракт, уходивший к Теночтитлану. Даже если пленник не знал о приближающемся к городу отряде Правителя Орла Хальпака, он вряд ли выбрал западную дорогу…

Коронадо догнал Кортеса у сторожевых площадок, нависших над уводящей вниз лестницей. С капитаном шли шестеро солдат: двое из них тащили тяжелые аркебузы. Стрелять из них вертикально вниз было невозможно, но Эрнандо не стал тратить время на объяснения.

— Бросьте аркебузы, — отрывисто приказал он и распорядился, показывая на тропу: — Обнажить мечи и быстро за ним! Кто догонит Змея первым, получит двойное жалованье за месяц.

Далеко внизу дрожал огонек факела — Кецалькоатль быстро уходил от погони.

Четверо меднокожих воинов, охранявших подходы к лестнице, с молчаливым удивлением наблюдали за его приготовлениями.

— Почему вы его пропустили? — зло спросил Кортес, когда первая группа солдат скрылась за поворотом. — Не знали, что он мятежник, и сидит в тюрьме?

— Нам это известно, Малинче, — с достоинством ответил командир стражников. — Но его спутник показал нам бумагу, подписанную тобой и скрепленную печатью правителя.

— Что? — от изумления Кортес едва не утратил дар речи. — Откуда ты знаешь, какая у меня подпись, дубина?

Смуглое хищное лицо воина напряглось, на скулах заходили желваки.

— Не станет правитель ставить свою печать на подделанную подпись, — возразил он уже не таким уверенным тоном. — А оттиск его печати мне хорошо известен.

Эрнандо оттолкнул его плечом и поспешил к лестнице. Уже ступив на нее, он обернулся и крикнул стражникам:

— Больше никого не пускать! Даже с бумагой от самого тлатоани! Высеченные в скалах ступени уходили вниз так круто, что по ним можно было спускаться, лишь придерживаясь руками за толстые, сплетенные из пальмовых волокон канаты. Мерцающий огонек факела в руке беглеца почти скрылся из виду за пеленой ночного тумана. "Не догнать, — подумал Кортес, скрипнув зубами от злости. — Ни за что не догнать… А что, если спустить в долину весь отряд и рассеять мятежников аркебузным огнем? Нет, маловато сил. Будь у меня двести человек… однако какой толк считать то, чего все равно нет?"

В пятидесяти брасах[9] от него первая тройка наемников внезапно остановилась, будто натолкнувшись на невидимое препятствие. Один из солдат, нелепо взмахнув руками, сорвался с лестницы и с криком полетел в пропасть. Остальные попятились назад, прикрываясь небольшими мешикскими щитами-чималли.

— Засада! — рявкнул спускавшийся следом за первой тройкой Коронадо. — Всем отойти!

Он схватился за свисавший вдоль лестницы канат, оттолкнулся ногами и стремительно заскользил вниз. Кортес видел, как уменьшается, сливаясь с наплывами тумана, темная фигура Коронадо. Канат натянулся, как струна, и звонко завибрировал.

— Я под ним! — крикнул Коронадо по-кастильски. — Теперь ему не уйти!

"Лихо, — мысленно восхитился Кортес. — А так ведь, пожалуй, можно догнать и самого Кецалькоатля…"

Но оказалось, что восхищался он рано. Не успевшее затихнуть в скалах эхо торжествующего крика Коронадо перечеркнул короткий свист арбалетной стрелы. Послышался утробный рев раненого зверя, канат дрогнул и повис, словно ослабивший хватку удав.

— Педро! — напрягая голос, позвал Кортес. — Педро, ты слышишь меня?..

Ответа не последовало. "Убит, — с обескураживающей ясностью понял Эрнандо. — Педро, старый товарищ, брат по оружию, с которым мы сражались бок о бок и в болотах Талима, и на равнинах Сиболы, убит в глупейшей ночной стычке… И я уже

ничего не могу с этим поделать…"

— Солдаты! — крикнул он. — Держаться ближе к скале! Не двигаться без команды!

"Он опасен, — с невольным уважением подумал Кортес про своего невидимого противника. — Но опасен, только когда встречается с нами лицом к лицу. Не может же он постоянно быть начеку. Наверняка ему захочется уйти к своим. А как только он повернется к нам спиной, все его преимущество тут же исчезнет".

Он медленно начал спускаться по ступеням, каждую секунду ожидая выстрела. Глупо, конечно — куда ближе к невидимому убийце находились два солдата первой тройки, — но он ничего не мог с собой поделать. В ушах еще звенел предсмертный крик Коронадо. Поравнявшись с солдатами, в буквальном смысле слова вжавшимися в камень, Кортес кивнул и ободряюще улыбнулся им.

— Ему не уйти, — сказал он с напускной уверенностью. — Дайте мне щит и не высовывайтесь из укрытия.

Щиты-чималле делаются из бамбука и обтягиваются несколькими слоями кожи; благодаря какому-то секрету, известному только оружейникам мешиков, стрелы меднокожих просто отскакивают от них, а арбалетные болты застревают в толстой подкладке из хлопка. Единственный, но важный их недостаток — небольшой размер. Эрнандо держал щит на уровне груди так, чтобы верхний его край закрывал горло, но лицо и живот оставались беззащитными. Лестница уходила вниз почти вертикально, ступени шириной едва ли в локоть казались слишком крутыми и скользкими. На такой лестнице ничего не стоит держать оборону против прорывающегося снизу противника; но что делать, если враг вовсе не рвется наверх?

Кортес остановился. Решение было таким простым, почему он не додумался до него сразу?

— Панчо, Гонсало, — крикнул он, обращаясь к притаившимся за скальным выступом наемникам, — мне нужен бочонок масла, быстро!

— Хочешь облить ступени маслом? — спокойный, с легкой хрипотцой голос раздался, казалось, почти над ухом вздрогнувшего Кортеса.

— Надеешься, что я поскользнусь?

Кастилец прижался спиной к стене. Голос, безусловно, принадлежал Джафару — те же уверенные интонации, тот же гортанный арабский акцент. Лестница, однако, казалась совсем пустой — только локтях в тридцати внизу на неширокой площадке темнело что-то неподвижное.

— Я собираюсь вылить на тебя кипящее масло, — с угрозой

проговорил Кортес. — Поскользнешься ты или нет, я не знаю, а вот сваришься точно.

Невидимый Джафар негромко рассмеялся.

— А ты неглуп, Малинче… жаль, что ты не захотел перейти на нашу сторону. Впрочем, я предупреждал господина, что ты опасен. Если бы он послушался меня, ты не вышел бы из дворца живым. Ты был такой хорошей мишенью там, в дворцовом саду… Но ты и сейчас прекрасная мишень, Малинче. Стоит мне чуть напрячь палец, и стрела поразит тебя прямо в лоб.

Кортес невольно вскинул щит, закрывая голову.

— Или в живот… или даже в колено… твоему приятелю и этого хватило. Вон он лежит там, внизу — я всего лишь прострелил ему икру, а он кричал так, будто лишился своего мужского достоинства…

— Так он жив? — опуская щит, спросил Эрнандо. Он почему-то уверился, что Джафар не станет стрелять в него. Во всяком случае, не сейчас.

— Если только не сломал себе шею при падении. Думаю, он без сознания, потому что ударился головой. Но вот если ты выльешь на ступени кипящее масло, очнется он только на том свете.

— Ты лжешь, — холодно произнес Кортес. — Что бы ты ни говорил, тебе не уйти от смерти.

— Никому из нас от нее не уйти, — спокойно возразил Джафар. — Но если ты проявишь мудрость и выдержку, твой друг останется жив

— по крайней мере, на этот раз.

— О чем ты говоришь? — Кортес нетерпеливо взглянул наверх, но, разумеется, ничего не увидел: чтобы притащить из города бочку с маслом, требовалось время.

— Я обещаю тебе сдаться, — неожиданно сказал араб. — У меня с собой арбалет, десяток стрел и еще кое-какие штуки, с помощью которых я мог бы истребить весь твой отряд. Но если мы с тобой договоримся, я выкину все свое оружие в пропасть.

— Договоримся? — фыркнул Кортес. — О чем?

— Во-первых, о времени. Я собираюсь сдаться через час — не раньше. Попробуешь напасть на меня до этого — погибнешь сам и потеряешь своих людей.

— Не считай меня дураком. За час я могу покончить и с тобой, и с Кецалькоатлем!

— Ты покончишь только со своим отрядом, — в голосе Джафара зазвенели металлические струнки. — Если хочешь, можешь попробовать, но я не советую тебе воевать с ассасином из Аламута!

Кортес выругался. Ассасин! Ему следовало подумать об этом раньше, еще в ту минуту, когда он увидел трупы в сторожевой башне. Но ведь он никогда не слыхал о том, чтобы смертоносные посланцы Старца Горы появлялись в Закатных Землях!

— Что делает ассасин в аль-Ануаке? — недоверчиво спросил кастилец.

— Выполняет приказ, — коротко ответил Джафар. — Итак, мы договорились?

— Нет! — рыкнул Кортес. — Будь ты хоть сам ангел смерти, я смету тебя с этой лестницы!

— О, разумеется, если ты бросишь сюда всех своих людей и половину воинов-отоми, то рано или поздно победа достанется тебе… только какой ценой?

За спиной Кортеса послышался шорох. Он резко обернулся, держа наготове меч, и увидел осторожно спускающегося по ступеням Панчо.

— Сеньор капитан, — понизив голос, проговорил солдат, — масло есть у меднокожих, которые лестницу охраняют, правда, не бочка, а два кувшина. Дальше что делать?

— Разжечь костер, — громко приказал Эрнандо. — Кипятите масло и тащите сюда.

Панчо энергично закивал и ухватился за веревку, чтобы развернуться на узкой ступеньке. Сухо щелкнул спусковой механизм арбалета, тяжелый болт вонзился в ладонь наемника, пригвоздив ее к трепещущему канату. Панчо закричал.

— Ты упрям, Малинче, — вздохнул невидимый Джафар. — Упрям и недоверчив… Я могу убить тебя, прежде чем ты сосчитаешь до двух. А могу оставить в живых и сдаться тебе в плен. Любой здравомыслящий человек уже давно принял бы верное решение.

Эрнандо не успел ответить. Снизу, со скальной площадки, раздался протяжный стон.

— Педро? — крикнул Кортес, всматриваясь в светлую лунную ночь. — Педро, ты цел?

Ворочавшийся на скале человек разразился проклятьями, и у Кортеса мгновенно отлегло от сердца. В его отряде не было человека, равного капитану Коронадо по части изощренного богохульства.

— Я же говорил тебе, — укоризненно промолвил ассасин. — Твой друг жив… пока.

— Я его вижу! — хрипло прорычал Коронадо со своей площадки. — Я вижу ублюдка! Он прячется в расселине, командир! Клянусь адом, я вытащу его из этой норы!

— Прежде я прострелю тебе голову, — холодно ответил

Джафар. — Потому что у меня есть арбалет, а у тебя нет даже меча. Ты его выронил, когда падал.

— Что делать с маслом, командир? — всхлипывая от боли, спросил Панчо. Он вытащил наконечник стрелы из каната и теперь держал пробитую ладонь перед собой, баюкая ее, как младенца. — Сюда тащить, как вы велели? А как же сеньор капитан? Он же там, внизу…

— У твоего солдата ума побольше, чем у тебя, Малинче. Ну, где же твое масло?

— Педро! — крикнул Кортес. — Можешь спуститься еще ниже? Коронадо простонал что-то неразборчивое, и Эрнандо понял: надеяться ему особенно не на что.

— Если ты не забыл, у твоего друга прострелена нога, — подсказал ассасин. — Одно неверное движение — и он снова сорвется с лестницы. Послушай, приятель, почему бы тебе не успокоиться и не подумать как следует? Один час — в обмен на десяток жизней.

— Лезь наверх, Панчо, — велел Кортес. — С маслом пока не торопитесь, ждите приказа.

Он с трудом сдерживал рвущийся наружу гнев. Он не собирался вести с Джафаром долгих бесед, не в последнюю очередь потому, что время сейчас работало на убийцу, но ничего другого ему не оставалось. Храбрая и глупая выходка капитана Коронадо спутала все его карты.

— Ты видишь этот огонек там, внизу? — спросил кастилец. — Думаешь, это уходит твой хозяин? Это уходят мои деньги!

Крошечный факел Кецалькоатля почти потерялся на фоне лагерных костров тотонаков, расчертивших равнину огненными квадратами. Еще немного — и Змей уйдет безвозвратно. Но проклятый ассасин, разумеется, именно этого и добивается…

— Не будешь дураком — никуда твои деньги не денутся, — неожиданно будничным тоном сказал Джафар. На этот раз голос его прозвучал совсем рядом и Кортес невольно заозирался, но, разумеется, никого не увидел. — Я же говорил тебе, что готов сдаться в плен.

— Ты себя переоцениваешь, — Эрнандо почти не обращал внимания на слова араба, лихорадочно соображая, как же преодолеть неожиданную преграду. Послать вниз солдат в тяжелых доспехах? Но на узких крутых ступенях неуязвимые для стрел латники превратятся в беспомощных кукол, которых ничего не стоит сбросить в пропасть простыми пинками. — Кецалькоатль стоит куда дороже наемного убийцы.

— А кто мешает тебе сказать, что ты все-таки поймал Кецалькоатля? Или ты думаешь, в Теночтитлане так хорошо

знают моего господина в лицо?

— В своем ли ты уме? Какой из тебя Змей в Драгоценных Перьях? Джафар рассмеялся негромким довольным смехом.

— Совсем неплохой, уверяю тебя. Господин, правда, повыше меня, но я могу казаться высоким. Кожа у меня такая же светлая, борода тоже есть, не такая длинная и белая, но ведь бороду иногда бреют, а осветлить волосы нетрудно. Лицо… но кто может похвастаться, что видел лицо Кецалькоатля?

— Я, — хрипло проговорил Кортес. Ему казалось, что слова араба сплетаются в невидимую, но очень прочную сеть, вырваться из которой будет непросто. Все, что он говорил, казалось полным безумием… но в этом безумии, как ни странно, был свой смысл. — Коновал Фигероа. Двое меднокожих, что держали его за руки.

На этот раз Джафар помедлил с ответом.

— Четверо… что ж, немало. Но у вас, христиан, есть веские причины, чтобы молчать, а меднокожих никто слушать не станет. В конце концов, всем известно, что лицо бога может меняться. Перед тем, как проститься с господином, я попросил его оставить мне маску. Так что подмены никто и не заметит. Принцесса Ясмин знает о том, что мой господин бежал?

— Не твоя забота, сукин ты сын! — выругался Кортес. — Что бы ты здесь ни плел, я все равно доведу дело до конца, понимаешь?

И в это время произошло странное. Огненный узор на равнине пришел в движение. Большие костры гасли, как будто их задувал идущий вдоль рядов невидимый великан. В темноте немедленно вспыхивали десятки огоньков поменьше, похожих на горящие в ночи глаза ягуара, сливались в широкие огненные реки, текущие на восток, прочь от горной страны отоми. Несколько мгновений Эрнандо оцепенело смотрел на это зрелище, потом понял, что оно означает, и не сдержал крика ярости.

— Они уходят! Чертовы тотонаки уходят!

Джафар вздохнул — как показалось кастильцу, с облегчением.

— Значит, мой господин достиг цели. Ему не потребовалось даже часа. Что ж, я исполнил свой долг, Малинче.

— Теперь ты сдашься? — недоверчиво спросил Кортес. — Не попытаешься спастись сам? Брось хитрить, знаю я эти штучки! Наверняка хочешь отправить на тот свет еще двух-трех моих людей, а потом улизнуть, вот и все!

Ассасин тихо рассмеялся. Так мог бы смеяться человек, получивший наконец долгожданную награду.

— Мы никогда не убиваем просто так, Малинче.

— Расскажи это Педро и Себастьяну! — мгновенно разъяряясь, крикнул Кортес. — Эстебану, Хорхе и тому бедолаге, которого ты подстрелил на лестнице! Каждое твое слово — ложь!

— Ты ошибаешься, — строго сказал Джафар. — Твои люди погибли потому, что угрожали моему господину. А я получил приказ любыми средствами оберегать жизнь господина. Теперь приказ исполнен, и в моих услугах нет больше нужды.

— Кто же велел тебе охранять Змея? — спросил Эрнандо, в бессильной злобе глядя на текущие на восток огненные реки. — И почему ты думаешь, что больше не понадобишься своему господину?

— Ты очень любопытен, Малинче. Таких вещей ассасины не рассказывают никому, но раз уж мы с тобой заключили сделку, я отвечу на твои вопросы.

"Никакой сделки мы с тобой не заключали", — хотел оборвать его Кортес, но почему-то ничего не произнес. Возможно, в последний момент любопытство действительно пересилило ярость.

— Приказ я, разумеется, получил от своего пира, шейха Аламута, — обстоятельно принялся рассказывать Джафар. — Я не простой боец, а наиб, офицер, и подчиняюсь только самому Старцу Горы. Он и велел мне быть тенью Великого Пророка, которого ты называешь Змеем в Драгоценных Перьях. Я честно служил своему господину, оберегая его от всех опасностей на суше и на море. На Драконьих островах я не раз спасал его от жестоких аль-карибу, которые едят людей и делают из их черепов игрушки своим детям. В Лазурном море за нами гналась сторожевая фелуха эмира, и мне пришлось пустить ее ко дну, хотя мой господин никогда не одобрял насилия. О, это было труднее всего — убеждать Пророка в том, что ради торжества его веры нужно пожертвовать десятком-другим тупоголовых врагов… Порой он целыми неделями не хотел меня видеть, не желал со мной разговаривать — так противна была ему мысль о том, что очередным своим спасением он обязан убийце. Но в конце концов я тоже дал промашку, Малинче. Тогда, в Семпоале, с этим мерзким карликом… Вообще-то я с самого начала был против поединка. Выследить колдуна мне ничего не стоило — такие уродцы даже для Закатных Земель редкость. Но Пророк строго-настрого запретил мне его трогать. Хотел, видно, поглядеть, на что способны служители его древнего врага, Дымящегося Зеркала… Ну и посмотрел.

Джафар замолчал. Кортес услышал за спиной легкий шорох, слегка повернул голову и увидел двух одетых в хлопковые

доспехи меднокожих воинов, за которыми маячила высокая, закованная в панцирь фигура Диего. В руках у бесшумно спускавшихся по ступеням меднокожих были короткие деревянные дубинки, куда более подходящие для боя на узкой лестнице, чем длинные мечи кастильцев. "Бросятся на прорыв, — понял Кортес. — Пусть даже Джафар подстрелит кого-нибудь одного, второй наверняка успеет вступить с ним в схватку. А там и Диего подоспеет… Что ж, план хорош, жаль, что он уже ничего не изменит…"

— Джафар, — сказал он по-кастильски, чтобы не поняли меднокожие. — Ты не забыл о своем обещании? Твой господин в безопасности. Надевай маску и выходи.

"Если он не выйдет, — подумал Эрнандо, — я просто шагну в сторону, освобождая проход меднокожим. И будь что будет…"

— Я всегда держу слово, — ответил ассасин. — Вели своим бойцам опустить оружие, если не хочешь лишиться своих денег.

"Ну и дьявол! — выругался про себя Кортес. — Он их видит!" Он предостерегающе поднял руку, и в этот момент откуда-то из освещенной луной скальной стены вывалилась высокая темная фигура со сверкающим кругом вместо лица. Вывалилась — и тяжело упала прямо на каменные ступени.

— Поднимайся, — велел кастилец, невольно делая шаг назад. — Если это ловушка, клянусь, ты пожалеешь!

Темная фигура пошевелилась, поднялась на колени.

— Я не смогу встать, Малинче, — произнес Джафар каким-то не своим, похожим на шелест сухого пергамента, голосом. — Стрела твоего солдата попала мне в спину, и ноги больше не слушаются меня. Вот тебе и ответ на последний вопрос — почему окончена моя служба. Калека порой может быть убийцей, но охранником — никогда…

Кортес молчал, пытаясь справиться с потрясением. Все это время его отряду преграждал путь человек с перебитым позвоночником? Нет, невозможно!

— Как же ты добрался до обрыва? — спросил он наконец. — И как сумел спуститься так далеко?

— Истинная сила не в мышцах, — ассасин еще раз попробовал встать, цепляясь за скалу, и на этот раз у него получилось. — Сердце и воля — вот настоящее обиталище силы. Солдаты Аламута многое могут, Малинче. Но есть пределы даже нашему мастерству. Когда я понял, что не способен двигаться дальше, я попросил моего господина помочь мне спрятаться в этой расщелине. О, если бы я хотел уйти из жизни в бою, лучшего места я не смог бы придумать…

Он покачнулся и начал соскальзывать по стене. Кортес

обернулся к меднокожим.

— Возьмите его, — велел он на науатль. — Осторожно, не причините ему вреда!

— Кто этот человек, командир? — тихо спросил Диего, когда воины-отоми спустились вниз, чтобы исполнить приказ Кортеса. — И что он говорил об Аламуте? Это он убил всех наших парней?

Кортес помолчал, глядя на медленно поднимавшуюся им навстречу кованую маску древнего бога. Подумал об ожидавшем в Теночтитлане ал-Хазри, о неожиданно охладевшей к нему принцессе…

— Это Кецалькоатль, Диего, — твердо ответил он наконец. — Запомни хорошенько — сегодня ночью мы вновь захватили в плен Кецалькоатля.

Ему показалось, что в темных глазницах маски сверкнул огонек — но это, конечно, был только отблеск лунного света.

Эпилог

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Когда Ваше Величество, да продлит Аллах Ваши дни на земле, приказал мне отправиться в Закатные Земли с тем, чтобы искоренить вредную и опасную ересь, распространяемую зиндиком по имени Топильцин Кецалькоатль, я не мешкая принялся за дело. Очень скоро мне стало известно, что оный Кецалькоатль соблазнял обитателей Закатных Земель ложным учением, хоть и не требующим таких кровавых жертв, как обычное для них поклонение идолам и демонам, но весьма опасным для истинной веры, исподволь насаждаемой нами в аль-Ануаке. Ибо в то время, когда многие эмиры и знатные люди этой страны сердцем склонились к исламу, и сам Монтекусома неоднократно беседовал с муфтием Теночтитлана о возможности принятия истинной веры, коварный зиндик, отвращая людей аль-Ануака от их древнего идолопоклонства, клеветал и на слово Пророка, и на его слуг, говоря, что терпимые к злу не могут быть угодны Богу. Вместо привычных меднокожим жертвоприношений он велел сжигать цветы и выпускать из специальных клеток разноцветных бабочек, идолов повсеместно заменял на кресты, а принявших его веру заставлял окунаться в глубокую купель. Когда я узнал об этом, намерения коварного зиндика открылись для меня так ясно, словно

Аллах написал их на небе огненными буквами. Если бы властители аль-Ануака признали его ересь и низвергли своих идолов (один вид которых внушает отвращение и ужас), то великое царство Монтекусомы стало бы легкой добычей варварских орд, тревожащих его северные границы. Ибо только страх перед кровавыми демонами аль-Ануака удерживает анасази и другие дикие племена севера от вторжения в земли мешиков. Да будет известно Вашему Величеству, что варваров, в свою очередь, склоняют к набегам на владения Монтекусомы поселившиеся далеко на севере Закатных Земель норманны, которые все христиане и ярые враги истинной веры. До сей поры по воле Аллаха они не преуспели в своих попытках продвинуться дальше южных границ страны, называемой Сибола, от которой до Теночтитлана месяц пути. Но нет сомнений, что стоит только ереси Кецалькоатля распространиться по всему аль-Ануаку, ничто не остановит свирепых норманнов от завоевания царства Монтекусомы, первого друга и союзника Вашего Величества по эту сторону моря Мрака.

И вот, когда все эти сведения достигли моих ушей, я стал размышлять, каким способом вернее покончить с опасным зиндиком. Проще всего было бы направить для его поимки отряд мешикских воинов; так я для виду советовал Монтекусоме, и так он по моему наущению несколько раз поступал. Но особой надежды на меднокожих у меня не было: слишком легко они переходили в ересь Кецалькоатля. Посылать же против зиндика гвардейцев-мусульман означало прямо вмешаться в государственные дела аль-Ануака и вызвать неудовольство тех знатных и влиятельных мешикских родов, что до сих пор противятся распространению в стране ислама. Поразмыслив как следует, я решил привлечь к делу бандейру воинов-христиан, возглавляемую известным в аль-Ануаке капитаном наемников Кортесом. Однако, памятуя о роковой близости между ересью Кецалькоатля и христианским учением, я не раскрыл ему всей правды. Мы заключили договор об охране некоей особы, которую я выдал за дочь Вашего Величества, в чем покорно прошу меня простить. В действительности же это была искусная куртизанка из Фиранджи, своим малопочтенным ремеслом оказавшая уже немало услуг делу защиты истинной веры. Я полагал, что за время долгого

путешествия она сумеет привязать к себе Кортеса и, действуя посулами, угрозами и теми особенными способами, которыми пользуются женщины для достижения своих целей, заставит его исполнить задуманное мною.

Я счастлив доложить Вашему Величеству, что мой хитроумный план полностью удался. Солдаты Кортеса пленили Кецалькоатля в городе Семпоала и доставили его в столицу. Здесь он был осужден высшим судом мешиков, называющимся Тлакшитлан, и как колдун и маг приговорен к смерти на алтаре идола Уицлопочтли. Король Монтекусома одобрил этот приговор и приказал совершить казнь во время праздника Нового Огня, приходящегося в этом году на пятый день месяца Раджаб. Да будет известно Вашему Величеству, что мешики весьма боятся этого праздника, ибо верят, что в это время земля может быть уничтожена их зловредными и кровожадными богами. Смерть же Кецалькоатля станет в их глазах той жертвой, которая умилостивит богов и отсрочит конец света еще на пятьдесят два года.

Всего на выполнение приказа Вашего Величества мною было израсходовано:

— на сбор сведений, плату шпионам и подкуп разных людишек — 100 авакинов золота;

— на содержание и охрану дворца близ Теночтитлана — 250 авакинов;

— на оплату услуг фиранджской куртизанки — 170 авакинов;

— возмещение расходов бандейры Кортеса — 240 авакинов;

— плата наемникам (32 человека) — 640 авакинов;

— деньги, переданные мной мешикскому генералу Хальпаку (скрытому приверженцу истинной веры, принявшему имя Хайсам) — 300 авакинов.

Расходы на путешествие по морю Мрака и к Теночтитлану целиком и полностью оплачены мной из собственных средств, и я не смею докучать Вашему Величеству этими никому не интересными мелочами. Итого общие расходы на искоренение опасной ереси лжепророка по имени Кецалькоатль составили 1700 авакинов золотом…

Омар ал-Хазри, Палач Зиндиков.

Письмо Его Величеству халифу Хакиму ибн-ал-

Марвану. Теночтитлан, третий день месяца Раджаб.

Ольга Елисеева. У Крита деревянные стены

Страшное землетрясение, прокатившееся в 1500 г. до н. э. по Средиземному морю, не затронуло Крит. Его цивилизация сохранилась и к XIII в. до н. э. достигла пика своего могущества. Минойцы владели Грецией, северными землями Египта и Финикии. Ахейские цари мечтали об освобождении, но в одиночку не рисковали спорить с Критом,

Кто станет их союзником в грядущей войне?

Чьи имена восславит Гомер?

1.

1899 г.

Вы эксцентричный человек, господин Шлиман. — Мое финансовое положение это позволяет. Турецкий губернатор Крита Мехмед Бен-Али улыбнулся гостю как родному и жестом указал на низенький резной столик.

— Вряд ли я чем-то смогу вам помочь. Мальчик в красной феске расставил чашки и положил на край раскуренные трубки. Это было приглашением к беседе, а не отказом. Знакомство с османскими чиновниками убедило гостя, что их «нет» — всего лишь начало разговора. Оно имеет тысячи оттенков, как левантийский кофе — смотря с чем заваривать.

— Разве я прошу многого? — На Бен-Али, часто мигая близорукими глазами, смотрел маленький сухощавый человек с подвижным некрасивым лицом. Он был абсолютно бесцветен, жёсток и лишен вкуса, как обсосанная виноградная косточка. Его пальцы нервно постукивали по тулье шляпы, а правая нога притоптывала, будто собираясь в пляс. И тем не менее при первом же взгляде становилось ясно, что гость из тех, кто всегда добивается своего.

— Любая просьба столь уважаемого исследователя — пустяк. — Сам губернатор получил образование в Париже и никогда не упускал случая этим щегольнуть. Не всякий день встретишься с сумасшедшим миллионером, готовым швырять деньги на ветер, а вернее, закапывать их в землю ради бредней двухтысячелетней давности.

— Я читал статью в «Тайме» о ваших микенских раскопках. Неужели вы и правда думаете, что греки осаждали Крит? Минотавр гонялся за Кассандрой? А Одиссей погубил флот

Миноса? — Бен-Али благодушно раздувал усы, черные с концов и рыжие в самой сердцевине, где непоседливо крутилась трубка. — Все это — песни неграмотных пастухов, записанные в классическую эпоху. Поверьте мне,

Генрих-эфенди, я служу здесь десять лет: на острове ничего нет, кроме руин, засиженных летучими мышами.

— Они-то меня и интересуют. — Маленький человечек взирал на собеседника серьезно и чуть торжественно. — Я собираюсь доказать свою правоту и хочу купить участок земли вблизи горы Юкта. Какие к этому могут быть препятствия?

— Никаких. За исключением того, что участок уже продан. — Бен-Али развел руками и сокрушенно покачал головой, всем видом показывая свое сожаление. — Вы опоздали. Его приобрел молодой англичанин. Эванс. Да, кажется, Эванс. А вы и не подозревали, что у вас есть соперник?

— Сколько он заплатил? — Внешне Шлиман ничем не выдал досады. Он отложил шляпу и начал вращать изящную кипарисовую трость с круглым костяным набалдашником. — Я дам вдвое больше.

— Всего лишь вдвое? — Губернатор пригубил кофе, продолжая усмехаться в усы. — А что же мы скажем этому юноше? Ведь он был первым и получил соответствующие бумаги.

— Я заплачу сколько потребуется. А бумаги и остальные формальности — ваше дело. Думаю, пары полицейских хватит, чтобы все уладить. — Шлиман допил кофе, насухо вытер губы салфеткой и достал из кармана чековую книжку. — Ближайшее отделение Берлинского банка в Измире.

2.

1260 г. до н. э.

На исходе осени сны царя Миноса становились вещими. Он знал: нальются ли колосья к следующей весне, сколько мальчиков родится на круглом, как пупок, острове Фера, взойдет ли шафран и вернутся ли корабли, посланные в Пунт за красным деревом.

Царь, точно женщина на сносях, начинал чувствовать отливы и видел, как за Геркулесовыми столбами вода отступает, обнажая под зыбким лицом океана мертвые черты затонувших гор. Некогда там была великая земля, подобная семи островам. Но она ушла, и говорить о ней не стоило, ибо того, кто часто поминает прошлое, боги лишают будущего.

Ночью собирательницы крокусов рассыпали цветы на пороге

Миноса. Это означало, что еще один цикл его правления подошел к концу — пора отправляться в паломничество на гору Ида. Царь обрил голову, оставив лишь длинную прядь на затылке, а кожу вокруг нее выскреб до синевы. Синим же были окрашены его губы, ногти и отверстия ушей.

Он обернул дерюгой бедра и в сопровождении двенадцати жриц босой поднялся по пыльной дороге к Диктейской пещере. Восток едва алел, когда Минос вступил под ее своды. Три раза по девять дней поста сделают царское тело пустым и легким, как скорлупа выеденного яйца. Его душа по-змеиному скинет кожу, и он сможет видеть через поры, плакать потом и смеяться складками на животе.

Боги подарили ему сон. Минос рылся в тюках с дарами от пеласгов, ахейцев, данайцев и других варваров. Он искал жемчужину редкой величины, но не находил и с каждой минутой гневался все больше… Этим видением царь поделился с верховной жрицей, от которой давно не имел тайн.

— Данники хотят спрятать от тебя сокровище. — Пожала плечами она. — Не ищи камня. Возможно, жемчуг — женщина, которую боги желали бы видеть среди своих служанок, а не в постели грязного ахейского вождя.

3.

Одиссей проснулся оттого, что кольцо раскалилось и жгло палец. Это была печатка с изображением лебедя, точно такая же, как и у всех женихов Елены. В образе белой птицы Зевс соединился с Ледой и стал отцом самой прекрасной женщины на свете. Впрочем, иные говорили, будто Елена — это смертный слепок Афродиты, только созданный не из пены, а из грязи земной…

Было время, ахейские цари едва не передрались из-за нее. Всех спасла мудрость Одиссея. Однако тогда ему едва минуло двадцать, и никто еще не называл его мудрым. Царь Итаки предложил предоставить выбор невесте. А женихам поклясться, что они придут на помощь тому, кого она предпочтет, если кто-нибудь попытается похитить красавицу. Елена отдала руку кудрявому Менелаю, а остальные обменялись перстнями в знак верности новому союзу.

К несчастью, Пенелопа до сих пор ревновала мужа — не понимала, зачем он носит проклятое кольцо, если давно забыл о дочери Лебедя.

— Я тысячу раз говорил, что не был влюблен в эту куклу. Что хорошего в женщине, с детства пристрастившейся хлебать отвар мака?

Царица только мотала головой и дулась.

— Послушай, нам нужен был союз. Под любым предлогом. Елена подходила как нельзя лучше. Сама подумай: если бы мы открыто объединились, что сказал бы Минос? Что его подданные собираются бунтовать? Наказание было бы скорым и страшным. — Одиссей вытирал жене ладонями глаза, но она снова носом натыкалась на злополучный перстень, и все начиналось сначала. Какая удача, что сейчас Пенелопа спала.

Сам Лаэртид уже не мог заснуть. То, что кольцо жгло руку — дурной знак. С союзом не все ладно. Он решил на другой же день снарядить корабль и посетить кого-нибудь из ближних царей. Предпочтительно Агамемнона. К нему в Микены стекаются все новости.

4.

Порт Ираклион — самый крупный на Крите — не слишком понравился Шлиману. Шумный, грязный турецкий город. Много овец в клещах и ковров, залитых помоями. Улицы не шире ослиных кишок. Лавки, вывороченные наружу потрохами — подходи, трогай, выбирай, торгуйся, кричи. Этого Генрих-эфенди не любил. Его коробило, когда любой бродяга мог схватить двуколку за колесо, а с верхнего этажа на голову опрокидывалось ведро воды.

Дом, который он снял для себя и своей молодой жены, окна в окна смотрел на соседний, и когда там бранились, пугливая София вздрагивала.

Седок приказал кучеру остановиться, и в этот миг от стены напротив отлепился какой-то долговязый субъект европейской наружности и, не сняв с головы шляпу, шагнул к коляске.

— Мистер Шлиман, если не ошибаюсь? — Его загорелая рука легла на дверцу, не позволяя ей открыться. — Я хотел бы узнать, по какому праву…

— Мистер Эванс?

Мгновение они смотрели друг на друга. Шлиман успел заметить, что пиджак на его горе-сопернике дешевый и явно без подкладки, а правая скула украшена ссадиной. Видимо, археолог вступил в бой с полицейскими, защищая свой клочок земли. Напрасно. Турки приходят в ярость от сопротивления.

— Вы негодяй! Бесчестный человек! Используете грязные методы! — выкрикнул англичанин.

Все это Генрих слышал сотни раз. Будь он честным человеком, разве пошли бы к нему деньги? Шлиман поднял руку, чтобы постучать кучера по плечу: длинный хлыст отгонит непрошеного собеседника. Но в это время Софи, сидевшая с ним рядом, откинула с лица газовую косынку.

— Генрих, умоляю, оставь этого юношу, — мягко коверкая слова, произнесла она по-немецки. — Кажется, он и так пострадал.

Святая Елена! Или Елена Прекрасная! На Эванса смотрели фиалковые очи необыкновенной глубины. Под черными бровями-чайками они казались еще темнее. Как у древних плясуний в складчатых юбках, чьи статуэтки Артур находил в этой красной земле. Молодой археолог поперхнулся и стоял с открытым ртом, пока Шлиман, довольный эффектом, не окликнул его:

— Если у вас все, то мы с женой проследуем в дом.

Гордый своим достоянием, он нарочито крепко взял Софи за локоть и без особых церемоний вытащил из двуколки. Кажется, этой деревенской грубостью Генрих-эфенди старался подчеркнуть свое право на нее. Артуру подумалось, что под шелком голубой блузки у госпожи Шлиман должны остаться синяки.

— Я не закончил разговор. — Эванс продолжал преграждать сопернику дорогу. — Мало того, что вы подкупили чиновников и полицейские палками прогнали моих рабочих. Вы еще сами начали копать, не имея ни малейшего представления о том, как это делается! Сегодня я был на участке и видел проложенные траншеи. Это чудовищно! Ваши землекопы выбрасывают в отвал вещи, даже не осмотрев их, и долбят древнюю кладку кирками.

Шлиман помрачнел и начал покусывать левый ус, что у него было признаком раздражения.

— Вы снесете то, что хотите раскопать! — продолжал Артур. — Я читал отчеты о ваших микенских штудиях. Там за вас, по крайней мере, трудились специалисты, Хефлер и Бюрнуф. Хотя позже всю славу газеты присвоили вам. Теперь вы вообразили, будто справитесь без ученых. Дело, думаю, в деньгах. Вам показалось излишним делиться…

Последние слова должны были обидеть миллионера. Но Генрих резким жестом отмел реплику Эванса, как несущественную.

— Ошибаетесь. Просто господа ученые не верят в существование цивилизации, описанной у Гомера. Микены еще куда ни шло — крепость, руины стен сохранились. А Крит — горные пастбища и ничего больше.

Эванс опешил.

— Как ничего, когда я сам раскопал… — Он прикусил язык, поздновато сообразив, что не следует делиться с врагом профессиональными тайнами.

— Возможный вход в Лабиринт? — сухо рассмеялся Шлиман. — Попробуйте-ка докажите. Стоит вам заикнуться, как на вас выльют ушат грязи. Да, я плачу газетам, — с вызовом бросил он. — Не хочу больше терпеть то, что было обо мне сказано, когда на Итаке я обнаружил спальню Одиссея. Очередной скандал может плохо подействовать на мою верную Пенелопу.

Эванс отступил на шаг. Ему было очень неприятно испытывать сочувствие к своему более удачливому конкуренту.

— Я деловой человек, господин Эванс, — тем временем бубнил Генрих, — и предлагаю вам сделку. Займите при мне место помощника, и вы сможете участвовать в раскопках, которых так жаждете.

— А вся слава опять достанется вам? — Губы Артура сложились в саркастическую усмешку. Молодому археологу хотелось сказать что-нибудь очень грубое. Но Софи снова повернула голову, и взгляд ее бездонных очей стал просительным. О чем она умоляла? О том, чтобы Артур перестал спорить и согласился? Или о том, чтобы он наконец дал им с мужем войти в дом? Эванс не знал, но почему-то кивнул и боком отодвинулся к стене.

— Прекрасно, — отрывисто бросил Шлиман. — Приходите к нам сегодня после шести, когда спадет жара, и мы побеседуем подробно.

5.

— Правосудия! Я прошу правосудия! — Менелай, гремя доспехами, ввалился в залу и рухнул перед троном Атридов. — Мою жену Елену увезли критяне. Мало им, что в качестве дани мы отдаем половину припасов, откупаемся золотом и людьми! Я честно исполнил свои обязательства. Четыре корабля, груженые хлебом, вином и маслом, ушли от моих берегов! — громыхал спартанский царь. — Двенадцать девушек и двенадцать юношей для их поганых игр отрядили мы в этом году. Ничего не нарушил я, ничего не утаил! Закрома мои были открыты, чтобы посыльные Миноса видели все, чем владею. Но кто дал им право залезать в царскую постель?!

Менелай был большой, грузный, как медведь, и хлюпал носом. Одиссей подумал, что Елена выбрала его, потому что таким увальнем легче вертеть. Спартанец в ней души не чаял. Только ревнив был до белого каления. От приступов бешенства у него носом шла кровь. Он имел лицо цвета обожженной глины и ручищи кузнеца. Лаэртид знал, что в бою спартанец страшен. А вот ведь в обычной жизни обошлись с ним, как с младенцем.

— Правосудия, брат мой! Правосудия!

— Подожди. — Старший из Атридов отличался большей сообразительностью. — Какого правосудия ты требуешь от меня и против кого? Твою жену увезли слуги Миноса, нашего господина. Его слово — закон. И если он приказывает отдать часть имущества, ты обязан повиноваться без ропота.

Это Агамемнон говорил на людях. Сегодня после захода солнца, когда цари соберутся тайком, он скажет совсем другое, и Одиссей даже знал — что. Но опасался, как бы костер не запылал прежде времени.

— Вы все поклялись помогать мне, — сопел сломанным носом царь Спарты. — А теперь бросаете одного. Чего стоит ваше братство?

— Постой, Менелай, — Одиссей понял, что пора спасать положение, и выступил из круга царских гостей. — Твое горе понятно, но когда мы клялись, то имели в виду равного себе, а никак не Миноса. Есть предел любой доблести. Прими наше сострадание, отдохни в доме брата, поговорим о твоем утешении позже. — На последнем слове царь Итаки сделал особый упор.

Речи ли Лаэртида возымели действие или Менелай просто устал бушевать, но спартанец шумно задышал и поплелся, прочь из зала, обиженно бормоча что-то по дороге.

Агамемнон сделал Одиссею знак приблизиться, и несколько минут они разговаривали шепотом.

Вечером того же дня ахейские цари, съехавшиеся в Микены на праздник Развернутых Покрывал, собрались в тесном святилище под северной лестницей дворца. Там стоял переносной алтарь перед костяными раскрашенными фигурками богинь-цариц, обнимавших мальчика Триптолема. Герой, научивший людей возделывать землю, знал также, как правильно поклоняться Хозяйке Колосьев и Хозяйке Цветов. Это умение свято хранили в доме Атридов, но не всегда обнаруживали перед посторонними.

По кругу было пущено блюдо с мясом, и лишь неопытный царь Локрии Аякс спросил, не оленина ли это?

— Да, забежал олененок к нам во двор. — С усмешкой ответил Агамемнон. Он зачерпнул из очага горсть золы и помазал

себе лицо в знак скорби. Остальные последовали его примеру.

Первым взял слово Нестор, царь Пилоса. Седой и неторопливый, он умел дать совет, умел его и исполнить.

— Все вы хотите драки, — вздохнул старик. — Ваши глаза, как у мертвецов, высохли от жажды крови. Вы разбогатели, завели себе много воинов. Отчего бы и не попробовать, крепкие ли у Кносса стены?

Все одобрительно загудели. А Одиссей начал щипать бороду с такой силой, будто хотел сделать свой подбородок гладким, как у девочки.

— Но у Кносса нет стен, — поймал присутствующих Нестор. — Его охраняет самый могущественный в Эгеиде флот. Более двух тысяч кораблей. Что вы ему противопоставите?

Крикуны заметно сникли.

— Будете переправляться по морю на надувных козьих мехах? — рассмеялся царь Пилоса, показывая здоровые, чуть желтоватые зубы старого волка. — В добрый путь. Место незваных гостей в Лабиринте.

На Нестора зашикали.

— Что ты предлагаешь? — недовольно протянул Агамемнон. — За позор брата я должен отплатить.

Менелай шумно вздыхал в углу. Он походил на виноватого ребенка. Сидел, поджав ноги и склонив на грудь кудрявую голову.

— Одни мы с Критом не справимся. Нужен союзник, — подвел черту царь Пилоса.

— Египет, — сказал кто-то.

— Тамошние люди нам чужие, — тут же возразили ему. — У них свои боги и свои счеты с Критом.

— А финикийцы — лжецы. Они нас выдадут Миносу и нагреют руки на нашей вражде.

Одиссей почувствовал, что пора ему взять слово.

— Разве не естественно в горе искать помощи у своей родни? Пусть и дальней. Я говорю о троянцах. Их город свободен и богат, а флот, если и уступает критскому, то самую малость. Вместе же с нами…

— А почему они станут нам помогать? — прищурился Агамемнон.

— Крит мешает их торговле с Египтом, — отозвался Одиссей. — Я продавал в Илионе масло, вскоре снова отправлюсь туда. Пусть каждый, прежде чем уйти из святилища, подойдет ко мне и шепнет, сколько кораблей он сможет снарядить в случае похода.

6.

Софи держала поводья, как пряди волос, заплетаемых в косу. Она накидывала их на указательные пальцы, и ей все время не хватало третьего локона. Это рождало неуверенность. Робость была ее второй натурой, и то, что теперь она ехала в двуколке, сама управляя лошадьми, объяснялось только отсутствием Генриха. Мадам Шлиман трепетала перед своим мужем, как ученица перед строгим учителем. Ей всегда казалось, что уроки у нее не выполнены, а фартук залит чернилами.

Когда они ложились в постель, Софи вдыхала немного опиума, прописанного ей для укрепления нервов. Тогда очертания мира становились мягче, а ее собственное тело — податливым, как у тряпичной куклы. Кажется, Генрих ничего не замечал… Может быть, поэтому она и начала бунтовать. Украдкой. Когда никто не видел.

Сегодня муж уехал в Ираклион, и женщина осталась одна. Если не считать десятка слуг, садовника, повара, рассыльного и еще какой-то челяди — Шлиман все привык обставлять с размахом. Ему надоел грязный шумный порт, и он снял за городом виллу «Ариадна», выбрав место вблизи греческой деревушки. От турецкой речи у него сводило скулы, как от кислого.

Софи запрягла кобылку и отправилась посмотреть окрестности. Молодой англичанин начал таки раскопки. Вечерами он бывал у мужа, а Генрих, обожавший совать свой длинный нос в каждую земляную дырку, пропадал на участке. Софи до пощипывания нёба было любопытно, что они там делают.

Сквозь зеленовато-розовые шапки скумий она различила впереди неопрятные отвалы свежей земли, а среди них — копошащихся рабочих.

— Миссис Шлиман, какая честь. — Эванс протянул даме руку, чтобы помочь выбраться из коляски. Ее холодноватая, сразу ставшая влажной ладонь испуганной рыбешкой скользнула в его загорелую натруженную лапищу.

— Муж говорил, вы нашли развалины дворца? Неужели эти две красные колонны и лестница — все, что от него осталось?

7.

С конца июня до середины августа воды Эгейского моря

покрыты мглой. Их баламутит северо-западный ветер — злой степняк, приходящий из Киммерии. В такие времена горе пускаться в путь. Но непоседа Одиссей только щелкал пальцами да посвистывал, распоряжаясь, как ставить парус и что поднимать на борт. Он был разбойник, этот царь Итаки. Одним глазом ловил солнце, а другим щурился на ветер.

Вчера бравые царьки — у кого двадцать кораблей, у кого тридцать — нашептали ему на ухо славную эскадру. Лаэртид посчитал и ахнул: 1186 судов — пусть не все длинные и не все обшиты лесом, некоторые просто лодки с бычьей кожей на бортах, но, боясь потерять последнее, вожди ахейцев выставили немалый флот. Будет чем торговаться с Приамом.

В характере хозяина Итаки была одна странность: вне дома он мигом забывал все свои благие намерения, и ветер странствий — смуглый бродяга с дудочкой вместо сердца — начинал бередить его душу.

Не проси богов о ветре, они могут внять твоим мольбам. До самой Трои корабль несся, точно в него впряглись кони Посейдона. Илион взбегал на холм с побережья, словно дома боялись замочить ноги в приливе. Глинобитные хижины лепились друг к другу, их наполнял деловитый гул. Издали было видно, что троянцы привыкли жить на крышах. Даже царский дворец, о стены которого, как черепки, разбивались городские строения, имел множество дворов на ступенчатых кровлях.

Люди Одиссея вытащили судно на берег и степью отправились в город. Маки еще не сошли. Белая растоптанная дорога рубцом рассекала алую кипень. У ворот путников встретил старший царевич Гектор.

— Рановато ты привез масло, — дружески сказал он хозяину Итаки, знаком приказав своим воинам принять у гостей оружие.

— Говорят, ваш флот изрядно потрепали критяне у входа в Дельту? — как бы невзначай бросил царь Итаки.

Гектор поджал губы, но не приученный врать, все же процедил:

— Минос ответит за этот разбой.

— Золотые слова! — Одиссей воздел руки к небу, призывая богов в свидетели. — А то в Эгеиде скоро не останется ни одного корабля, который бы не отсчитывал критянам седьмой части с оборота.

— Мы не платим Кноссу, — насупился царевич. — Но на что ты намекаешь? — Он настороженно вгляделся в глаза гостя.

— Все по порядку, сын Приама. — Лаэртид поднял руку. — Я действительно прибыл не с маслом, и путь мой не из Итаки, а из Микен. Меня прислали говорить с твоим благородным отцом не

только от моего имени. — С этими словами Одиссей показал пальцем на странное ожерелье из 22 одинаковых колец, болтавшееся у него на шее. — Наши вожди больше не в силах терпеть грабеж критян и собрались в поход против Миноса. Они хотят спросить, не желаете ли и вы попытать счастья?

Одиссей знал, с кем идти на откровенность. Если Приам и пошлет армию против Крита, то только под командой старшего сына. Гектор — испытанный боец и поход ему на руку. Он еще больше возвысит его и принесет любовь народа. И так на каждом перекрестке трубят о честности и щедрости царевича: он не возьмет свою долю, пока не будет оделен последний солдат…

— Отец очень разгневан потерей торговых кораблей, — задумчиво молвил троянец, — и скорее всего, согласится на ваше предложение. Но он захочет спросить гадателей. А тут я бессилен.

— Положимся на богов. — Одиссей хлопнул Гектора по плечу так, как если бы дело было уже решено. — Небожители любят войны.

8.

— Здесь коровы карие, а глаза у людей гнедые. — Софи протянула молодому археологу руку. — Вот что это за земля!

Эванс помог ей выбраться из раскопа. Они гуляли среди седых от соленого ветра камней уже более часа. Артур поминутно тыкал рукой то в одну, то в другую сторону, уверяя, что кусок песчаника — притолока двери в царский мегарон, а дырка в кладке пола — бассейн для ритуального омовения жриц. Софи едва успевала вертеть головой и удивляться, как много он знает.

Спутник показал ей фрагмент фрески, с двух сторон словно слизанной огнем. Только юное девичье лицо осталось нетронутым — неправильные черты, крупноватый нос и полные, ярко накрашенные губы дышали жизнью.

— Я назвал ее Кассандрой, — сказал Артур. — Дочь Приама жила на Крите. Раньше договоры скреплялись обменом заложников. В Трое тоже были свои минойцы, дети царя. В мирное время к ним относились как к членам семьи. Они росли и охотились вместе с царевичами, соревновались с ними в беге на колесницах, делили хлеб и вино за столом. Но когда начиналась война, их приносили в жертву.

Софи в ужасе прикрыла рот ладонью.

— А Кассандра? Ее тоже убили? Эванс кивнул.

— Не сразу. Она обладала даром прорицания, и критяне с ее

помощью надеялись выиграть войну. Девушка не помнила своей семьи и была готова им помочь. Хитроумный Одиссей боялся этого. Он знал, что жрица потеряет дар, как только лишится девственности, и подослал в осажденный город Ахилла. Тот передал Кассандре обещание Гектора и Париса спасти ее из плена. Но больше братских слов царевну тронул юный облик героя. В ту же ночь они стали любовниками, и Ахилл возвратился в лагерь, "неся на копье все пророчества мира, отобранные у Кассандры".

Софи усмехнулась. Да, именно так мужчины и поступают. Вспоминал ли он после этого о бедной заложнице?

— Какое-то время Кассандра скрывала потерю дара, — продолжал Эванс. — Но вскоре минойцы увидели, что ее пророчества неверны. Троянка сулила им победу, а они терпели поражение за поражением. Перед тем как оставить Кносс, разгневанные критяне спустили царевну в Лабиринт.

— Неужели братья не спасли Кассандру? — голос Софи звучал взволнованно, словно сейчас это имело какое-то значение.

— Ахейцы ворвались в столицу Миноса и разграбили ее, — ответил Артур. — На фресках следы того самого пожара, который бушевал здесь две тысячи лет назад. Воины били в золотые блюда, как в бубны, и плясали на крови, но никто не осмелился спуститься в логово Минотавра. Тогда Гектор и Ахилл решили попытать судьбу. Они взяли ясеневые копья и ушли под землю. Не было в Аттике героев более грозных, чем эти побратимы. Оба надеялись повторить подвиг Тезея, но потерпели неудачу. Они нашли в темных коридорах обезумевшую от страха Кассандру, а потом на человеческие голоса явился и сам грозный хозяин Лабиринта. Герои притаились за колоннами, а когда чудовище оказалось между ними, метнули копья. Но промахнулись во мраке и попали друг в друга. Кассандру разорвал Минотавр. Говорят, он до сих пор бродит по Лабиринту и ждет новых пленников. Когда его терпение иссякает, он ревет и топает ногами, оттого на Крите так часты землетрясения.

Несколько минут Софи молчала, а потом протянула почти обиженно:

— Неужели все герои древности умирали так страшно? Ни у кого не было счастливой старости в кругу семьи?

Артур пожал плечами.

— Боги выбирают лучших и уносят их в цветущую пору. Греческий эпос не знает концов вроде "жили долго и умерли в один день".

— А я бы хотела жить долго и умереть в один день, — вызывающе бросила женщина, — с тем, кого выберу.

Последние слова звучали странно, если учесть ее положение замужней дамы, и госпожа Шлиман смутилась.

— Мне пора. Генрих обещал вернуться к чаю, — заторопилась она. Артур не стал ее удерживать. Он испытывал сильную неловкость рядом с этой робкой красавицей, в его присутствии начинавшей говорить почти дерзко.

9.

— Мера во всем — высшая добродетель. Можно ли пускаться в путь в такое время, Одиссей? — Царь Приам ничего не боялся, но его опасения, частые и никогда без повода, делали ему честь как предусмотрительному правителю. — Я знаю, что Тиресий вчера резал для вас с Гектором птицу и посоветовал взять с собой в поход Ахилла, сына Пелея. Однако путешествие на Скирос сейчас опасно, полдневные ветры будут дуть еще дней двадцать.

Царь Итаки кивнул. Все это он знал и сам. Но уж слишком дорого обошлось бы согласие Приама объединиться с ахейцами. Одиссей сразу схватился за слова троянца, а старший царевич решительно поддержал гостя — все жаждут славы, удачи, чужого богатства. Один Лаэртид в дырявом плаще, казалось, ловил выгоду сетями, а она ускользала от него.

— Нам надо спешить, — коротко сказал он царю. — С того момента, как Плеяды улягутся спать, нас ждут полгода бездействия.

В глубине души Одиссей ненавидел это время. С гнилой сердцевины осени до крепкого пупка весны он становился хмур и неразговорчив, приказывал вытаскивать суда на берег, набивать их камнями, снимать снасти и сушить рулевые весла над очагом.

В нем точно жили два человека. Один — весельчак и скиталец, по-детски любопытный и хитрый. Другой — домовитый и надежный. На сто дней навигации в году первый подавлял второго, и в оставшееся время второй отплясывал на костях первого, заставляя беззаботного странника чинить крышу и отказывать себе в лишнем килике вина.

Пенелопа знала его тайну. Однажды у очага, растирая волосы горьковатым маслом лавра, она сказала:

— Там, куда ты уходишь, много ли женщин смогут отличить Одиссея Лаэртида от царя Итаки?

Которого из них она любила? И который из них любил ее?

Много лет назад, в свою первую навигацию, он повстречал молоденькую нимфу Калипсо, хозяйку крошечного островка. При

ней обитала колония жриц. Они заговаривали ветер, знали, как направить волны, как выпустить судно и как удержать его у берега. Тогда Одиссей остался у Калипсо на неделю, не успел продать всех овец и получил от отца палкой, однако не расстроился и теперь каждое лето навещал черноглазую ведунью. Среди стайки ребятишек, бегавших по острову, был где-то и его сын Телегон. Но нимфа никогда не показывала его, говоря, что ребенком Лаэртид расплатился с ней за гостеприимство, мальчик посвящен богам, и их встреча может стать роковой…

Одиссей обращал мало внимания на болтовню нимфы. Сграбастывал Калипсо и тащил в дальний уголок пещеры. Там она связывала ему руки пряжей и требовала, чтобы морской конек Посейдона прокатил ее не меньше пяти раз. Так начинались и заканчивались все их встречи. Жаль, что по дороге на Скирос царь Итаки слишком торопился, чтобы посетить нимфу.

— Кто этот Ахилл и почему его прячут? — спросил Гектор, стоя возле Одиссея на высокой корме. — Говорят, его мать — богиня.

— Не верь всему, о чем говорят, царевич. — Лаэртид хмыкнул. — Много тут богинь по островам. Фетида всего лишь нимфа. Я знал ее, как знал каждый желающий. Но один Пелей попался настолько, чтобы привести в дом законной женой. Однажды он проснулся ночью и увидел, как Фетида опускает их новорожденного младенца в горящий очаг. Царь еле успел вырвать ребенка, не то накормили бы его утром жертвенным мясом собственного сына.

Гектор слушал, прищурив глаза.

— Пелей выгнал жену, но было уже поздно, поскольку посвятительные обряды совершились, и огонь даже обжег малышу пятку. Царь понял, что Ахилл теперь лишь отчасти принадлежит нашему миру. Такого опасно держать в доме. Он отдал его на гору мужскому союзу кентавров, ну тех, которые едят сырое мясо, а из одежды признают только собственные волосы. Так что сын Пелея — настоящий дикарь. — Одиссей вздохнул. — Болтают, его наставник Хирон кормил мальчишку внутренностями львов и кабанов. Отсюда де его невероятная мощь и свирепость. Но я-то думаю, кентавры охотились, а тем, кто помладше, отдавали требуху. Вот и вся загадка. Сейчас ему лет пятнадцать, и я ума не приложу, как разговаривать с этим зверенышем.

10.

Их встречи стали частыми, и за столом, когда Эванс рассказывал Генриху о находках, они с Софи поглядывали друг на друга, словно заговорщики. Все эти костяные ножи, золотые накладки на щиты, обломки стульев и дырявые медные котлы ничуть не интересовали женщину. Но мадам Шлиман сидела, склонив голову, и терпеливо слушала, лишь бы еще хоть часок побыть в обществе молодого археолога. Генриху даже казалось, что его жена начала интересоваться раскопками. Дважды она давала очень дельные советы.

Один раз мужчины озадаченно вертели в руках толстый почерневший предмет из бронзы. Формой он напоминал круглый щит с загнутым книзу краем и глубокой выемкой-конусом в центре. Софи наморщила лоб, стрельнула глазами в сторону камина, где слабо тлели грушевые поленья, и заявила:

— Это сковорода. Ее устанавливали прямо на угли, клали куски мяса, и сок с них стекал в углубление. Его зачерпывали и снова поливали жаркое.

Шлиман послал за кухаркой, приказал отдраить находку и опытным путем проверить предположение жены. Артур и Софи переглянулись. Оба слегка брезговали есть со сковородки, две тысячи лет пролежавшей в земле. Ими руководило не столько почтение к экспонату, сколько боязнь подцепить какую-нибудь древнюю заразу. Но Шлиман во всем вел себя, как в спальне Одиссея, где не преминул овладеть супругой на каменном подножии кровати. Ему нужны были еда древних, их любовь и слава.

— Мужайтесь, — шепнул женщине Эванс. — Хорошо еще, что мы не в Египте, и ваш муж не рвется умастить себя благовониями фараонов.

В другой раз прямо на раскопе мужчины заспорили о назначении керамической посудины, напоминавшей ванну. Генрих немедленно окрестил комнату, где ее нашли, купальней царицы.

— Дорогая, а ну-ка присядь, — он любезно подал жене руку. Софи еле втиснулась в узкую и неудобную «ванну», где можно было поместиться, только подтянув ноги к подбородку.

— Тогда люди были мельче, — заявил миллионер. Но Эванс скептически пожал плечами.

— Ваша супруга хрупкого сложения, а ванна ей все равно мала. Дно этой терракотовой бадьи перфорированно. Дырки не позволили бы налить воду.

Софи с сомнением провела пальцем по сети углублений и просияла:

— Это цветочный горшок! Только очень большой. Кажется, вы

говорили, что критяне поклонялись цветам. Не правда ли, Генрих?

Шлиман надулся, как делал всякий раз, когда понимал, что не прав, и всю дорогу к вилле молчал.

После этого Софи не приехала ни в среду, ни в четверг. Пятница — джема, день отдыха для турок мусульман. В шаббат не работали евреи, но их было немного. А вот в воскресенье, договорившись с Эвансом, по домам еще засветло разошлись греки, желавшие отстоять заутреню.

Генрих был в ярости.

— Вы распустили рабочих! — кричал он на Артура. — Я не потерплю задержки ни на один день! Вы вылетите отсюда, как пробка из бутылки!

— Поищите другого дурака выкапывать вам славу. — Эванс устало махнул рукой и побрел прочь, вытирая пот со лба рукавом клетчатой рубашки. Его светлые, выгоревшие до белизны волосы стояли торчком, а кожа давно стала бы бронзовой, если бы не свойственный англичанам недостаток пигмента. Вместо этого Артур каждое утро во время бритья наблюдал в зеркале красную, потрескавшуюся от ветра физиономию с черными линиями морщинок, земля из которых уже не вымывалась.

С некоторых пор его беспокоила собственная внешность. Причиной тому были визиты Софи. Кажется, он рассказал ей уже все, что знал, а она продолжала приезжать, и Артур догадывался — ради него.

— Когда господин Шлиман собрался свататься, — поведала ему во время одной из прогулок гостья, — родители заставили меня выучить что-нибудь из Гомера, чтоб произвести впечатление. Я читала "Список кораблей", и Генрих был в восторге. Но кроме этого, я ни слова не знаю.

Подразумевалось, что молодой археолог должен ее просветить. Артур декламировал то один, то другой отрывок, а сам недоумевал: зачем Софи вышла замуж за Шлимана, если все, чем он дышал, оставляет ее равнодушной?

— Мой отец — торговый партнер Генриха. Родители сказали: он богат, — однажды призналась молодая женщина. — У меня не было выбора.

Она лукавила. Выбор всегда есть. Но кто же откажется от шелковых чулок ради простых? Софи поздновато спохватилась, что за тонкие духи и французское кружево приходится платить распирающей изнутри пустотой, бессонными ночами, щепотками опиума и исполнением прихотей взбалмошного человека, желавшего жить жизнью давно умерших людей.

Ее тянуло к Эвансу просто потому, что он был молод. Его

крепкие руки могли выдернуть ее из холодного сна микенских склепов. От его случайных прикосновений кровь по жилам бежала быстрее. Он дарил ей ощущение реальности. Точь-в-точь такое же, какое дарил Елене молодой троянец Парис.

— Судьба жены Менелая была незавидна, — возобновил рассказ Артур, когда мадам Шлиман, не спросясь мужа, вновь приехала на раскоп. — С тех пор как Елена попала на Крит, она уже не входила в число смертных. Ее обязанностью было варить непентис — напиток, утоляющий печали. Это наркотическое зелье в определенной пропорции делало людей буйными и позволяло скакать по горам, без устали совокупляясь друг с другом. А в иной — вызывало тихую, как истома, грезу о любви, полную нежности и сладкой боли.

Елена узнала, что после глотка непентиса люди начинают пахнуть и дышать по-разному. Одни, как цветущая смоковница. Другие, как вепрь, взрывающий прелую листву. У последних лицо покрывается потом, а дыхание становится шумным и прерывистым. В то время как первые вздыхают тише теплого ветра, оставляя у возлюбленных на щеке след бабочкиного крыла.

Непентис ее и погубил. Пока шла битва кораблей, младший царевич Парис проник в святилище на Иде в облачении паломника. С вершины горы хорошо видно море. Он надеялся незаметно увести Елену, пока остальные будут следить за боем. Это ему удалось, но уже на корабле жена Менелая увидела, как сгорело спартанское судно, где, как она полагала, находился муж. Чтобы утолить горе, Елена хлебнула непентиса. Парис поднес ей чашу и, не отрываясь глядя на прекрасную дочь Лебедя, сам пригубил волшебного напитка. В этот миг они полюбили друг друга и уже были не властны в своих чувствах. Однако оказалось, что Менелай жив, и он вызвал Париса на бой. Одиссей смог всех урезонить, объяснив, что в действиях влюбленных нет ни вины, ни измены. Но не желая вносить раскол в ряды союзников, царица Спарты спустилась в Лабиринт.

Софи молчала долго, не спеша осуждать Гомера за жестокость.

— Странное место этот Лабиринт, — наконец проговорила она. — Все герои гибнут именно там. Вы уже нашли в него вход?

11.

К Скиросу корабли приблизились на рассвете. Решено было сначала разведать, что на берегу, а уж потом искать Ахилла.

Прорицатель сказал, будто Фетида, испугавшись участия сына в большой войне, спрятала его среди царских дочерей.

Царь Ликомед когда-то знал нимфу так же хорошо, как и Пелей. Однако не повторил его ошибки и не женился на ней. Благодаря этому они с Фетидой остались друзьями, и царь обещал, что нимфа в любой момент сможет обратиться к нему за помощью. Юноше вплели в волосы ленты, привели в порядок руки, а ноги спрятали под длинным подолом. Но эти уловки могли ввести в заблуждение только слепого. Одиссей сразу выделил мужчину среди царских дочерей. На песчаном берегу девушки стирали в глубоких вымоинах, оставленных последним штормом. Лаэртид заметил, что все полощут и бьют белье, а одна выжимает, обнажив мускулистые, явно не женские руки.

— Вон он, — сказал Одиссей, показывая Гектору на дюжую прачку. — Можно не искать.

— Попробуем захватить силой, — предложил царевич. — Заодно проверим, правду ли болтают о его доблести.

Лаэртид пожал плечами. Доблесть доблестью, а если на тебя нападут шестьдесят человек с корабля…

Чтобы подманить девушек, троянцы прикинулись купцами и разложили на песке товары. Ткани, шафран в холщовых мешочках, амфоры масла, ароматические досочки нарда и сердоликовые бусы. А среди них несколько ножей, щит из бычьей кожи и короткий бронзовый меч.

Царевны подошли прицениться. Ахилл побрел нехотя, позади всех, опустив плечи и оставляя на песке большие следы. Ему было скучно, и он этого не скрывал. Для вида повертел в руках какие-то побрякушки, взвесил на ладони кухонный нож и вдруг наткнулся глазами на оружие, как бы невзначай затесавшееся среди бабьего барахла.

В этот момент по знаку Гектора на корабле сыграли тревогу. Девушки с визгом кинулись на взгорье к кустам шиповника. Они побросали все, что держали в руках, и лишь одна из них схватилась за меч. Десять человек по приказу царевича атаковали ее и были отброшены со значительным уроном. Гектор поднял руку, не желая попусту лить кровь своих людей.

— Прости нас за проверку, сын Пелея. — Он поклонился. — Нам нелегко было узнать тебя в этом тряпье.

Кровь бросилась юноше в лицо, и он пожелал сделать еще один выпад, чтобы укоротить обидчику язык. Одним прыжком волчонок оказался возле Гектора, и царевичу пришлось защищаться.

— Не вмешивайтесь, — бросил он своим.

Троянец был старше Ахилла лет на восемь, тяжелее и лучше

обучен. Но не смог справиться с ним ни с первого, ни со второго удара. Все, на что у него хватало сил и искусства, обороняться от нападавшего противника. Когда Гектор почувствовал, что задыхается, он пустил в ход речь.

— Мы приехали звать тебя на войну, а ты хочешь снести мне голову! — со смехом воскликнул он, отмахиваясь от Ахилла.

Было заметно, что юноша не научился думать и действовать одновременно. Переваривая сказанное, он замешкался, и Гектор выбил у него меч. Сын Пелея взвыл, и враги покатились по земле. Показывая добрые намерения, троянец тоже отбросил оружие. Справиться с Ахиллом голыми руками он не смог, а потому изловчился и укусил его за пятку.

Неожиданно юноша вскрикнул и, отпустив противника, схватился обеими руками за мнимую рану. Гектор не промедлил и оседлал врага, но почти тут же упал, сброшенный брыкавшимся Ахиллом.

— Мир. Я готов заключить с тобой мир, — прохрипел царевич. Сын Пелея знаками показал: согласен.

— На какую войну? — отдуваясь, спросил он.

— А тебе не все равно?

— Ликомед. Не отпустит, — рублено отозвался тот. — Я здесь должен.

Гектор схватил его за запястье и удержал Ахилла возле себя.

— А чего хочешь ты сам?

Ученик Хирона помедлил минуту, исподлобья рассматривая царевича, а потом ткнул пальцем в его красиво подстриженные кудри.

— Хочу волосы, как у тебя. И бороду. — Он вздохнул коротко, почти с надрывом, зацепившись взглядом за золотой наборный пояс Гектора, но не осмелился добавить: "И такой ремень".

Троянец раздраженно тряхнул головой.

— Ты воин. А воинам платят за их ремесло. Вижу, тебе этого не объяснили. Волосы мы тебе укоротим. Борода вырастет сама. А поясов, оружия, богатых тканей и лошадей ты возьмешь столько, сколько сумеешь добыть.

Юноша снова вздохнул.

— Здешний царь не позволит.

— Разве ты его подданный? — вступил в разговор Одиссей, подходя к недавним противникам. — Я с трудом представляю человека, который смог бы тебя удержать, сын Пелея. Тебя ждет слава первого ахейского бойца. Но ты можешь выбрать прялку, если она тебе милее.

Последних слов говорить не стоило. Прозрачные, как халцедон, глаза юноши блеснули гневом, а кулаки сжались.

— Я не по своей воле торчу здесь!

Гектор вовремя схватил обиженного парня за руку, чтоб удержать уже готовый обрушиться удар.

— Я вижу, ты все решил. Пойдем на корабль.

В этот момент из-за кустов ивняка, закрывавших дорогу в город, послышался стук копыт, и на песчаную косу выехала колесница с позолоченными спицами. Ее охраняли с десяток пеших воинов, вооруженных копьями и пятнистыми кожаными щитами. Лошадьми, стоя, управлял человек в багряном плаще поверх желтого пеплоса. Это и был царь Ликомед.

— Эй, купцы! — крикнул он с усмешкой. — Вижу, вам приглянулась одна из моих дочерей. Не стоило ли прежде спросить моего разрешения, а уж потом звать ее на корабль?

Гектор вышел вперед и поклонился владыке Скироса.

— Царствуй вечно, благородный Ликомед, любимец богов! — начал он. — Я Гектор, сын Приама, царя Трои, прибыл сюда искать человека, который стал бы талисманом для похода на Крит. Мы оба знаем, о ком я говорю. Но если тебе угодно именовать его дочерью, то считай, я прошу ее руки.

Ликомед расхохотался, уперев руки в бока и разглядывая троянца.

— Твоя шутка мне по душе, сын Приама. Ты знаешь толк в розыгрышах. Немедля обручись с отпрыском Фетиды и бери его с собой.

Предчувствуя новую забаву, царь Скироса даже захлопал в ладоши. Он считал обещание, данное нимфе, выполненным и не имел ничего против того, чтобы отпустить Ахилла, пока тот не перепортил всех его дочерей.

— У меня нет перстня, — прошептал молодой дикарь.

— Это не беда. — Гектор отрезал от кудрей черный бараний завиток и протянул нож Ахиллу.

Они обменялись прядями волос. Золотая обвила палец троянца, а агатовая — сына Пелея.

— Ликомед, ты доволен? — крикнул царевич. — Могу я забрать невесту?

— Пусть уходит!

Владыка Скироса благодушно махнул рукой, и гости, плотной стеной обступив Ахилла, поднялись на корабль. Юноше дали другую одежду, и Гектор, сняв с себя, застегнул у него на бедрах пояс.

— Чтобы о нас не подумали дурного, давай заключим союз побратимов, — сказал он. — Я научу тебя, как живут между людьми. А ты будешь сражаться рядом со мной.

Ахилл кивнул, по-волчьи потянув носом воздух. Было видно,

что он голоден, и запах крови только что зарезанного ягненка возбуждает его больше, чем аромат готовящейся в котелке ячменной похлебки.

Моряки вылили килик крови на нос корабля и по знаку Одиссея начали ставить парус. Царь Итаки принес Гектору щит и бронзовый нож. Тот полоснул себя по запястью, капли застучали по вогнутой стороне щита. Ахилл сделал то же самое. Потом они смешали кровь, и по очереди выпили через край.

Одиссей стоял у борта, глядя на пенящуюся воду, и думал о том, как легко простодушие покупается на искренность. Человек-талисман был с ними, и теперь Приам не сможет отказаться от похода.

12.

В этот день у Артура была причина выпить. Он нашел тайник под полом небольшого дворика в юго-западной части дворца. Лестница. Крошечный парапет. Куст акации, развороти вший корнями плитки. Кирка сама соскочила с руки рабочего, точно ее магнитом потянуло.

И на тебе — углубление на полштыка, выложенное свинцовыми брусками, а на дне две статуэтки из кости — богини со змеями. Археолог разложил находки на полотняном мешке. Вероятнее всего, они принадлежали жрице, чьи покои выходили в сад, и Эванс назвал их "тайник Кассандры". Он не спешил оповещать Шлимана. Ему хотелось иметь на раскопе что-то свое, сокровенное, чего не касались жадные руки Генриха-эфенди.

Не тут-то было. Немец, точно почуяв, примчался, не дожидаясь вечернего доклада Артура. Чтобы скрыть досаду, Эванс зашел к себе в палатку, налил и осушил подряд два стакана виски, слушая, как за матерчатой стеной раздается визгливый голос патрона.

— Вам следует поднять все плитки двора! Я уверен, там есть что-то еще!

Возражать не имело смысла, и археолог махнул рукой, приказывая рабочим начинать. Кирки ударили дружно. Артур болезненно скривился, не желая наблюдать за происходящим. Следовало хотя бы зарисовать площадку, обмерить, нанести на план…

— Вот! Что я говорил! — послышался над самым ухом торжествующий голос Шлимана. — Интуиция меня никогда не подводит! Да бросьте же лопаты, олухи! Что это, Эванс? Золото?

Я вас спрашиваю!

Англичанин нехотя обернулся. Черт возьми, этот неуч как всегда оказался прав! Надо было вскрывать площадку. Под ней глубже тайника на пару штыков прямо в забутовке фундамента глазам предстала продолговатая узкая камера. Вернее, могила, поскольку на дне лежали кости, а среди них тускло поблескивали засыпанные землей украшения.

— Осторожно! Осторожно! Не хватайте руками. — Артур сам спрыгнул вниз и стал кисточкой стряхивать грязь с великолепного очелья из золотых пластинок в виде колокольчиков.

По обеим сторонам черепа шли длинные подвески, шею украшала большая пектораль из соединенных рядами цепей. Кости, без сомнения, принадлежали женщине, и женщине знатной.

— Мы нашли останки Елены Прекрасной, — безапелляционно заявил Шлиман. — Надо все сфотографировать и отвезти ко мне на виллу чистить.

Против этого Артур ничего не имел. Но экспрессивный Генрих мгновенно передумал, едва заметив на гребне силуэт жены.

— Софи! Великолепно! Фотограф уже здесь?

Пожилой грек с обвисшими усами-удочками уже устанавливал трехногий аппарат. Ему нелегко было поймать в фокус открытую могилу, и он досадовал на крикливого немца.

— Все не так! Все отменить! — Генрих тоже соскочил в раскоп и без всякого почтения к костям стал стягивать с черепа диадему из золотых колокольчиков. — Тащите воду! — Распоряжался он. — Почему эти бляшки такие тонкие? Да это всего лишь фольга! — Шлиман с силой поболтал в поднесенном ведре очельем, потом та же участь постигла ожерелье и браслеты. — Софи, иди сюда. Ты будешь первая, кто примерит драгоценности Елены. Эванс, помогите ей. Фотограф, внимание!

Молодая женщина отшатнулась.

— Генрих, нет. — Впервые она осмелилась возражать мужу. — Я не могу, мне страшно.

Мадам Шлиман попыталась защитить руками голову, но грозный супруг уже влез наверх и сам укреплял на ее волосах дивной красоты очелье, поправлял подвески, застегивал на шее ожерелье. Последнее показалось Софи настолько тяжелым, что она схватилась за горло.

— Постойте, Генрих. Ваша супруга права, — попытался вмешаться Артур. — Старое золото — не игрушки. Вы видите, оно тонкое. Так чеканили специально для погребений. Вы хотите

обрядить жену в покойницкий наряд?

Шлиман раздраженно дернул плечом.

— Пустое. У нее всегда от волнения начинается удушье. Ну же, милая, взбодрись! Ты позируешь в короне прекраснейшей из женщин древности.

Старый фотограф осуждающе покачал головой и нажал на черную резиновую грушку. В этот момент ноги Софи ощутили слабый толчок. Он сопровождался долгим протяжным гулом где-то в глубине земли.

Эванс поздновато заметил по углам площадки четыре необычно больших бычьих черепа. Сейчас над поверхностью торчали только вилообразные рога да мощные теменные кости гигантов. Страшно было вообразить, каковы действительные размеры животных, погребенных в забутовке вместе с хозяйкой драгоценностей.

Толчок повторился, вздыбив фундамент, где покоились кости. Затем еще и еще раз. Рев не прекращался, точно в недрах острова и правда бесновалось стадо детей Посейдона. "Быками очарован трясущий землю", — вспомнил Артур гомеровские строки. Длинная расщелина наискось побежала по всему раскопу. Рабочие с криками ринулись в разные стороны.

Шлиман проворно выскочил из камеры, пронесся по осыпающемуся гребню отвала, бросился наперерез испуганной лошади, вскочил в коляску, овладел вожжами и… пустил кобылу прочь от эпицентра землетрясения. Оглушенная ударами, перепачканная пылью Софи сидела на дне камеры и зажимала ладонями уши. Эванс схватил ее за руку.

— Скорее, скорее! Лезьте наверх!

Едва ли она понимала его слова. Едва ли даже слышала. Но последовала за ним безропотно, как за старшим. Вместе они миновали главную площадь дворца, осевой коридор, остатки мегарона. Две красные колонны, зубьями торчавшие у лестницы, рухнули, крошась. Артур вдруг необыкновенно ясно представил, что здесь было во времена великих землетрясений, когда стены дворцов рвались, как бумага.

Выбежав за пределы раскопа, Эванс остановился в чахлой рощице олив, где трясло поменьше. Софи опустилась на землю, но, едва переведя дух, спутник снова потащил ее за руку. Она подчинилась, признав его право распоряжаться. Он шестым чувством ощутил, на что сейчас может рассчитывать, и, не убоявшись утробного рокота под ногами, поволок мадам Шлиман через маковое поле к одинокому пастушьему домику.

Там Артур притиснул трепещущую Софи в углу. Чужую жену — свою любовницу. Она отдалась ему сразу. Ей даже не пришло в

голову возражать.

Потом Артур испытал стыд за несдержанность и даже отвернулся. А Софи продолжала смотреть на него с прежним доверием и приняла случившееся как само собой разумеющееся. Они расстались у хижины. Толчков больше не было слышно. Женщина побрела прочь, волоча за собой синюю турецкую шаль, и Артур видел, как тяжелый узорчатый шелк сминает головки маков.

13.

В ярко-синем небе, как пришитая, застыла на месте чайка, летевшая против ветра. Гавань Авлида собрала в своих объятиях огромный флот. Список, рассчитанный Одиссеем на восковой табличке, составил около тысячи двухсот кораблей, пришедших из всех концов Ахайи.

Они стояли так плотно борт о борт, что между ними не могла проскользнуть даже рыбачья лодка. При подобной тесноте промедление с отплытием грозило прилипчивыми болезнями. Людей на борту начинало пучить от плохой воды, а нечистоты они выливали прямо в море.

Пора было отчаливать, но они не могли дождаться попутного ветра. Тихий утром, к полудню он крепчал до штормового. Все жертвы были уже принесены. Последнюю из них — младшую дочь Агамемнона Ифигению — зарезали перед самым отплытием. Девочке едва минуло шесть. Она еще не носила ничего, кроме кожаного шнурка с шариком из сердолика на загорелой шейке. В гинекее у Клитемнестры и у многочисленных царских любовниц резвился целый выводок таких крошек. Каждая из них — капля священной крови — была всего лишь платой за то, что сегодня царь отбирал у семей сильных молодых мужчин, иные из которых не вернутся. Народ умирает за вождя, и в обмен царь заранее метит себя такой же потерей, как и остальные. Это его плата. Его долг. Его рок.

Ничего не подозревавшую Ифигению привели к отцу. Она прибежала с глиняной лошадкой в руках, показывая сломанное колесико. Агамемнон обнял ее и повернул лицом к себе. А Калхас, жрец Артемиды Львиной, перехватил девочке горло ножом. Все произошло быстро. Клитемнестра не успела даже вскрикнуть. Ей тоже ничего не сказали, но она уже теряла детей таким образом и вскоре оправилась от истерики. Только-то разбила лоб о камни, разорвала одежду и расцарапала лицо.

— Златорогая лань поскакала в урочище Девы на север! — провозгласил Калхас. — Пусть Хозяйка возьмет ее жизнь вместо ваших. Всякий, на кого попадет капля жертвенной крови, спасется.

Двое молодых жрецов помогли ему разделить тело на две части. Их возложили на алтари по обеим сторонам мощеной дороги из крепости в порт, и войска промаршировали между ними, окропляемые щедрой царской рукой.

Ветер переменился. С полудня, против обыкновения, море утихло. Путь был свободен, и корабли ахейцев выступили на соединение с флотом Илиона.

14.

Лунный свет иногда пахнет апельсиновой цедрой, иногда свинцом. Зависит от фазы. Мед и флорентийская зелень, тина и молоко растворены в нем, не смешиваясь.

Софи сидела на балконе и расчесывала волосы костяным гребнем. За частой сетью листвы в темноте сада было слышно, как струится на отмелях река. Местные девушки уходили туда танцевать, давя пятками песок и кружась волчками в своих юбках-колоколах. Мадам Шлиман завидовала им. Они вскидывали руки к небу, звенели браслетами, а костяные флейты высвистывали мелодии, возраста которых никто не знал.

Справа хрустнула ветка душистого лавра, и над матово белевшими перилами появилась голова Артура.

— Вас не было ни вчера, ни третьего дня, — извиняющимся голосом начал он, — а после землетрясения я не рискую…

Но Софи не дала ему договорить.

— Тише, Генрих услышит. Он внизу сортирует находки.

Оба потянулись друг к другу почти инстинктивно, и уже в следующую минуту слова перестали значить для них что-нибудь, кроме набора звуков. Порывистых и коротких. Затем долгих и нежных. И наконец, полных взаимной благодарности.

— А я подумала, что вы пришли рассказать мне вечернюю сказку, — шепнула Софи, собирая с пола рассыпанные в спешке заколки.

Артур встал перед ней на колени, чтобы помочь.

— Вы не устали от чужих сказок, мадам?

— Только от отсутствия своей.

Молодая женщина сгребла в охапку гребень и ленты.

— Я хочу знать, чем кончилась война? Кто вернулся домой, а

кто погиб? Неужели и Одиссей умер на этом острове?

— Нет. — Эванс рывком сел на перила. — Войны делают настоящих царей, и Одиссей не исключение. Агамемнон и Менелай были убиты, преследуя критян в горах. После их смерти именно Лаэртид как создатель братства женихов Елены и победитель флота Миноса возглавил армию. А по возвращении домой он был избран главой союза ахейских владык и перебрался с Итаки в Микены. Верная Пенелопа не чаяла ни таких почестей, ни такого богатства. Но ее огорчало, что Одиссей забрал сына нимфы Калипсо Телегона к себе и воспитывал вместе с Телемахом. Соперничество из-за отца подтолкнуло юношей к драке, и Телемах был заколот братом прямо за пиршественным столом. У царя не поднялась рука казнить сына, Телегона изгнали. Это случилось незадолго до нашествия северных варваров — дорийцев. Одиссей еще успел организовать отпор дикарям, но погиб в битве при Пилосе. После чего союз распался, а Грецию затопили захватчики. Так закончилась история великой войны. Вы довольны, моя госпожа?

Софи вздохнула. Она не знала, что сказать. И эти бредни вдохновляют ее мужа?

— Вы уже вскрыли двери Лабиринта? — спросила женщина.

— Нет пока, — Эванс мотнул головой, — и мне будет спокойнее, если вас не окажется рядом, когда мы все-таки вломимся в этот туннель.

15.

Сириус — Собачья звезда — сопровождал ахейские корабли всю дорогу от Авлиды до Архипелага. У выхода из хаоса его островов курсировали длинные троянские суда. Ими руководил Гектор, с которым прибыл и молодой Ахилл. Ахейцы, наслушавшись историй о силе мальчика-зверя, приветствовали его дружными криками.

Одиссей смотрел на грозную флотилию, способную вспенить веслами всю Эгеиду, и не позволял себе ликовать. Другие цари шумно восхищались необыкновенной мощью, собранной Агамемноном. Никогда еще Ахайя не выставляла такого войска. Никогда ее драчливые, недружные вожди не объединялись против общего врага.

И во главе всех стояли златовратные Микены. Их царь — первый среди равных. Но уже закрадывались сомнения: равных ли? Тот, кто подготовил такой поход, может ли быть равен

остальным? Ведь именно дочь Агамемнона Ифигению принесли в жертву. Никто из других царей не отдал ребенка под нож. А из дому воинов увел каждый. Получается, микенец расплатился за всех? Теперь он может приказывать не только своим, но и чужим подданным.

Пока вожди жаждали добычи, ропот не поднимался. И только иногда кошачьими когтями скребло на сердце: а как поведет себя Атрид в случае победы? Львиная доли сокровищ Крита будет отвезена к Львиным воротам. Что тогда убережет остальные города от диктата "первого среди равных"? Эти мысли ясно читались в глазах царей на военных советах, и Одиссей только переглядывался с Нестором, который тоже угадывал тревоги соседей.

— Они смотрят на захват Крита, как на дело решенное, — однажды пожаловался Лаэртид царю Пилоса, — и пытаются заглянуть далеко вперед. Меня же волнуют корабли минойцев. Что мы будем делать, когда встретим их?

— Наши силы почти равны, — попытался успокоить его Нестор. Но Одиссей тревожно повел шеей.

— Их флот действует слаженно и подчиняется единому командованию. У нас же каждый — сам себе голова. Наши суда годятся для перевозки людей, а не для боя на воде. Если критяне нападут на нас в пути, нам крышка.

— Скрыть передвижение такой массы воинов невозможно, — протянул Нестор. — Уж наверное, Минос выйдет встречать нас не с храмовыми танцовщицами, а со всей своей армией. Думаю, он уже послал гонцов к кораблям, и они на всех парусах мчатся сюда. Что же делать?

— Дай мне подумать, и я найду выход. — Одиссей помял пальцами подбородок. — Завтра на рассвете задай мне тот же вопрос.

16.

Дверь в Лабиринт была найдена после землетрясения. Только глупец мог посчитать это случайностью. Древние хозяева дворца подпустили чужаков к своей святая святых. Артуру чудился здесь подвох. Но Шлиман был в восторге.

— Мы шаг за шагом вырываем находки у времени! — высокопарно восхищался он. — Нужно только показать силу! Утвердиться в правах! И прошлое начнет сдавать позиции…

Обнажились новые пласты — нижние, совсем старые этажи

постройки, фундаменты, подвалы, переходы. Земля сползла с них, как гнилое мясо с костей. Устье подземелья было вывернуто. Створки дверей из толстой полированной бронзы перекосило.

— Дворец разрушали и отстраивали много раз, — Эванс выдохнул, ворочая лопатой. — Все, что мы до сих пор раскапывали, было поновлено уже во времена микенцев.

Шлиман нетерпеливо дернул плечом. Сейчас его ничто не интересовало, кроме Лабиринта. Осталось лишь раскидать землю да отвалить самые большие камни. Так чего же он медлит? Этот треклятый англичанин?

— Эта часть дворца осталась нетронутой, — продолжал Артур. — Ее не восстанавливали. Напротив. Закрыли и завалили камнями. О чем это говорит?

— О чем? — нервно бросил немец. — Ради всего святого, Эванс! Быстрее! Вы ползаете, как слизняк по куче навоза!

— Терпение, господин Шлиман. Последние минуты всем даются тяжело. — Археолог с силой ударил по слежавшемуся комку земли. — Поведение ахейцев можно объяснить только одним: завоеватели боялись священных для критян мест. Ждали гнева богов, которым перестали поклоняться…

Артур отступил, пропуская Шлимана вперед к облепленным красноватой землей дверям. Первый шаг за порог должен был сделать именно Генрих. Рабочие впились в створки и изо всех сил потянули их на себя. Двери поддались не сразу. Наконец в узкую щель удалось протиснуться. Шлиман ринулся туда, как канонерская лодка. И тут же задохнулся в темном, затянутом погребальными пеленами паутины зале.

— Света! Принесите света! — крикнул он. Сзади подали зажженные факелы.

— Мы в тронном зале. — Эванс стоял за спиной у Генриха. — Впервые после тех, кто его покинул в день разгрома города.

Неверные блики озаряли просторное помещение со стенами, расписанными охрой. Волны, пальмовые листья и два грифона, склонявшие головы в почтительном поклоне перед троном. На полу валялись разбросанные сосуды. Эванс нагнулся, взял один из них в руки и стал ладонью счищать грязь. На золотом боку проступили фигурки женщин, быков и стройных юношей. У изображений не было голов, кистей рук и ступней ног.

— Это ритуальная посуда, — сказал Артур, откладывая кувшин в сторону. — Счастливцы пляшут на полях смерти… Видимо, критяне схватились за свои реликвии в последний момент, когда враг уже ворвался в город.

Он высоко поднял факел и зашагал к квадратному проему двери в соседнее помещение. Теперь археолог шел первым, и как

бы Шлиман ни спешил, Артур не давал ему себя обогнать. Длинный темный коридор-дромос кое-где был разрушен недавним землетрясением, и людям приходилось огибать кучи битого камня. Зато и солнце проглядывало в образовавшиеся дыры.

Вскоре путь оборвался в небольшой камере со ступенчатым потолком и глубокими, сложенными из кирпича нишами в стенах. Именно здесь когда-то стояли сосуды, которые теперь валялись на полу в тронном зале. Посреди комнаты возвышался покрытый завесами пыли алтарь. На четырехугольном камне лежали кости, которые, судя по сохранившимся золотым поножам и браслетам, могли принадлежать только очень знатной особе. Нагнувшись, Артур поднял с пола золотую же коническую шапку, некогда украшенную причудливым плюмажем. Не было сомнений, что колпак упал с головы жертвы.

Эванс разгреб руками волокна пыли и начал разглядывать скелет. Тот лежал на боку. Руки и ноги в момент смерти были связаны, да так и остались вместе, хотя веревка истлела. На виске у черепа виднелись глубокие пробои.

— Его закололи, как жертвенного быка, — заключил археолог. — Полагаю, господа, перед нами останки Миноса, последнего царя Крита. Судя по костяку, ему было чуть больше двадцати.

— Такой молодой! — ахнул женский голос за спиной у Артура. Эванс обернулся и без всякого удовольствия встретился глазами с

Софи.

— Я же сказал тебе… — Он осекся, поняв, насколько неуместно звучат его слова в присутствии посторонних.

Шлиман цепко следил за этими двумя. Их поведение в последние дни нравилось ему все меньше. Он специально послал за женой, чуть только двери в Лабиринт поддались. Пусть придет посмотреть на триумф своего Париса!

Генрих мучительно сглотнул и пожевал губами, словно не мог перетереть суховатую горечь, попавшую на язык.

Они думают, с ним можно играть. Они уверены в своей безнаказанности. Конец XIX века! Мы цивилизованные люди. Но он-то не цивилизованный человек! Он мечтал стряхнуть с себя, а за одно и со всего мира груз цивилизации. Агамемнон и Клитемнестра. Электра и ее преступная мать. Орест и Пилад в руках Ифигении. Вот его жизнь, его страсти, его мера, которой он меряет других и хочет быть измерен сам. А эти двое… так ничего и не поняли.

Скоро поймут.

— Я не предполагал, что мадам Шлиман здесь, — извинился Артур. — Мне казалось, наше путешествие небезопасно.

— Оставьте все, что вам казалось, при себе, — свистящим шепотом оборвал его Генрих. — И идемте. Здесь больше нечего смотреть.

Из жертвенной крипты дромос уводил дальше. Коридор начал понижаться, и Артур понял, что они перешли в подвальные этажи дворца, расположенные глубоко под культурным слоем, который он расчистил на поверхности. Слева от себя археолог слышал тревожное дыхание Софи.

— Мадам, вам не по себе? — он старался сохранять равнодушный тон.

— Нет, я сгораю от любопытства, — с напускной бодростью отозвалась женщина и прибавила уже шепотом: — Здесь очень холодно.

Эванс снял куртку и накинул ей на плечи. Что же делать, если муж не догадывается о таких простых вещах? Шлиман сверкнул на них яростным взглядом, но ничего не сказал. В каждом новом помещении, где обнаруживалось хоть что-то ценное, он оставлял по паре рабочих для охраны находок, и вскоре по дромосу двигались только трое: Генрих, Софи и Артур.

Коридор преградила осыпь. Чтобы идти дальше, ее надо было расчистить. Внимание спутников привлек круглый колодец в полу, каменная крышка съехала с него от удара. Бросив факел в темный зев, Эванс убедился, что колодец неглубок, и воды там нет.

— Обвяжите меня веревкой, я спущусь, — деловито сказал он Генриху. — Посмотрю, что как.

Шлиман без разговоров помог ему, придерживая и подтравливая ременную петлю. Минуты через две археолог был на дне и подобрал факел.

— Отсюда есть ход! — крикнул он. — В том же направлении, куда вел верхний коридор. Я пройду немного…

— Подождите нас! — окликнул его Генрих. — Выбраться наверх не составит труда.

Прежде чем Артур успел возразить против того, чтобы мадам Шлиман демонстрировала умение лазать по канатам, Софи оказалась внизу.

— Только после вас, дорогая, — подбодрил ее муж, пропустив к краю колодца.

— Не стоит, может быть, — запротестовал Артур, догадываясь, что творится неладное.

— Не стоит? Вы так полагаете? — отозвался сверху Шлиман. В его голосе слышалась издевка. — А мне кажется, гениально

придумано. Что, доктор Эванс, пойдете со мной на новую сделку?

— Я вас не понимаю!

Вместо ответа Артуру на голову упала веревка.

— Я изменил условия нашего договора! — весело воскликнул Генрих, берясь руками за края каменной плиты и изо всех сил толкая ее вперед. — Оставляю вам свою жену, раз уж она вам так нравится. А себе забираю все, что вы здесь раскопали.

— Вы сумасшедший! — закричал Эванс в щель над головой. — Вас станут спрашивать, где мы. Полиция…

— Вы уже имели дело со здешней полицией, — насмешливо бросил Шлиман. — Уверяю, рабочие еще более сговорчивы. Я на треть увеличу их жалованье, и никто даже не вспомнит о вашем существовании.

— Генрих! — срывающимся голосом позвала Софи. — Умоляю, выпусти нас! Ведь я всегда делала то, что ты хочешь… Я ни в чем тебе не прекословила…

Каменная плита скрипнула, окончательно вставая на прежнее место.

17.

Флот лежал на голубом блюде залива. Весь. Никаких запасных кораблей за ближайшей россыпью скал. Никаких подходящих эскадр, не поспевших к сроку из дальних мест. Две с лишним тысячи кораблей, очертаниями походивших на лунные серпы. Две тысячи грозных, хорошо обученных команд. Две тысячи опытных капитанов, послушных одному слову адмирала. Ничего общего с пестрой ахейской вольницей.

Минойский флот был грозен. Он ощетинился, защищая подступы к острову, и с первого взгляда становилось ясно: не стоит его трогать.

Но ахейцы, казалось, и не собирались трогать своих давних врагов. Их корабли застыли, закрывая горизонт с северо-востока. Со стороны дело выглядело так, будто правители Ахайи пришли просто показать свою силу, а заодно и продемонстрировать, что у них есть могущественный союзник — Троя. Намек был прозрачным: греки больше не подчиняются Миносу, и у них хватит сил защищаться с оружием в руках.

Но не защищаться прибыли к Криту ахейские цари, а нападать. Об этом, правда, до поры до времени минойцам знать было незачем. Напротив, греки оставили им своего рода послание — символ, который один на небольшом корабле поплыл в

сторону критских судов. Это был огромный Конь Посейдона, сделанный из корабельных обломков и начиненный опилками, серой и нефтью.

Такой смесью обычно набивали горшки и швыряли их в противника. От удара она загоралась. Но сейчас речь шла не о горшке. Кто же будет бить деревянную лошадь? Для того чтобы поджечь ее, требовался смельчак, готовый пожертвовать собой ради общего блага.

Одиссей нашел его, а найдя, вцепился железной хваткой и не отпускал, пока не добился своего. Аякс Теламонид из Локрии громче других на совете стал упрекать Агамемнона за то, что поход принесет большую выгоду дому Атрея, чем всей Греции. Менелай хотел схватиться с обидчиком брата. Но Одиссей, как всегда, поспел со словом раньше, чем спартанец с кулаком.

— Ты, Аякс, кричишь, как баба в базарный день, но сам-то привел только шесть кораблей. Думаешь отсидеться за нашими спинами, когда все пойдут в бой? Как отсиделся, когда все раскошелились, снаряжая поход?

Упрек был обидным. Не у каждого найдутся лишние деньги в сундуках. Но высказанный одним из самых бедных участников похода — царем Итаки — он становился вдвое горше. Мол, другие тоже не на золоте едят, а радеют об освобождении родины.

— Да я! Да я раньше вас… Да мне ничего не стоит… Одиссей и не ожидал, что Аякс купится так легко.

— Вот и докажи свою храбрость. А то в собрании все горазды орать, — процедил Лаэртид. — Будем жребий бросать, кому завтра плыть вместе с лошадью, — нарочито равнодушно обратился он к остальным царям, — или кто-то сам вызовется?

Все взоры обратились к Аяксу. Что же ты? Действительно, больше всех кричал. А как до дела дошло…

— Я поплыву, — тяжело молвил Теламонид. Его фактически понудили, но отказаться сейчас значило бы признать себя трусом. Вот как ловко повернул дело проклятый Одиссей!

Аяксу оставалось уповать только на то, что в последний момент он успеет выпрыгнуть за борт. Ведь еще никто и никогда не взрывал деревянного коня размером с дом. Сильно грохнет или нет, царь Локрии не знал.

Не знал этого и Одиссей. Но полагал, что сильно. Под обшивку поместилось содержимое тысячи горшков. Пришлось опустошить почти все запасы. Агамемнон ворчал, но Лаэртид не обращал внимания. Если его деревянная лошадь взлетит на воздух в окружении критских кораблей, то минойцы понесут серьезный урон.

Конечно, пострадают только ближайшие суда, но на остальные следует немедленно напасть. Оглушенные взрывом, потрясенные неожиданностью, их команды не сразу сообразят, что к чему, и окажут куда меньшее сопротивление, чем могли бы. Так и произошло. Минойцы в недоумении смотрели на странную жертву Посейдрну. Их корабли стали постепенно окружать судно с конем. Любопытство взяло верх над осторожностью. Крючья впились в борта галеры, подтягивая ее поближе.

До последней минуты Аякс не показывался на палубе. И лишь когда обшивка заскрипела, трясь о бока вражеских кораблей, он зажег факел и зашвырнул его прямо в открытый рот лошади. Пламя на мгновение вырвалось из-за деревянных зубов, и в следующую минуту воздух сотряс мощный раскат грома. Такой, как если бы сотня молний сразу ударила в одно место. И этим местом стал злополучный конь.

Позднее критянки — те, что уцелеют — станут рассказывать своим детям, что Зевс позавидовал подарку, который ахейцы сделали Посейдону, и уничтожил его огнем. А заодно и половину минойского флота. Здесь они преувеличат потери, стремясь приуменьшить доблесть своих врагов. Как коршуны, греческие галеры рванулись с места и, не соблюдая ни строя, ни маневров, накинулись на суда противника, каждая ища поединка и добычи только для себя.

Бой был жесток. Оправившись от испуга, критяне оказали яростное сопротивление. Но их флагман вместе с адмиралом погиб во время взрыва. Лишенные общей команды, они бились мужественно, но недружно. Тогда как ахейцы, окрыленные удачей, никому не давали пощады.

К закату все было кончено. На розовом блюде залива плавали обгорелые обломки. Деревянные стены Крита перестали существовать. Спасся ли Аякс Теламонид или погиб вместе с конем, об этом ничего не известно. С того памятного дня его больше никто никогда не видел. А Одиссея воины носили на щите и передавали на руках с борта на борт. Впервые он вышел из тени, и Агамемнон запоздало оценил его истинную роль. Царь Итаки в одно мгновение стал любимцем армии, и с этим приходилось считаться.

18.

Как Генрих узнал? Или он давно заподозрил измену? Услышал шепот на балконе ночью? Понял правду сразу же, когда

Софи явилась домой пешком в измятом ожерелье Елены? Поздно было гадать.

Эванс и мадам Шлиман оказались вдвоем в полной темноте. Факел потух. Женщина инстинктивно прижалась к плечу археолога, хотя только что красноречиво уверяла мужа в своей верности. Сердился ли Артур на нее? Нисколько. Такова ее сущность — идти за сильным. Он не стал ломать голову над вопросом, как поступит его спутница, случись ей выбирать сильнейшего?

Следовало искать новый выход. Если таковой вообще имеется. Эванс старался держаться уверенно, иначе бедняжка совсем падет духом. Какое-то время они продвигались в темноте, растопырив руки и ощупывая стены. Каменный коридор не расширялся и не сужался. Потолок не становился выше или ниже. Видимо, подземные ходы Миноса строились сразу, по единому плану, и все туннели походили друг на друга, как близнецы.

Сколько поворотов вместе с ровным полотном стены они сделали? Куда вела слепая кишка коридора — к центру или от него? Глаза так и не привыкли ко мраку. Это значило, что в подземелье ниоткуда не проникает свет. Спутников окружала темень наглухо запечатанного склепа.

— Будь ты проклят, Генрих! — во все горло закричал Артур только для того, чтобы нарушить давящую тишину.

Эхо гулко прокатилось под сводами, и с потолка на голову Софи закапала вода. Женщина ойкнула, и в этот момент Эванс различил отдаленный шум. Ровный. Угрожающий. Как прибой. Сначала Артур испугался, что этот звук — ответ на его опрометчивые крики. Мгновенно перед ним чернее темноты выступила тень Минотавра. Но археолог одернул себя. Человек здравомыслящий, образованный, с крепкими нервами, он просто не мог позволить себе бояться мифологических чудовищ.

— Софи, прекратите дрожать. — Голос его звучал твердо. — Это всего лишь море.

— Море? — изумилась женщина. — Но я слышу бычий рев…

— Веками люди до вас обманывались на сей счет. Это прибой. Он со всей силой колотит о камни. Где-то совсем близко расположен подземный залив. Система пещер соединяет его с морем. Есть надежда выбраться.

Артур не стал говорить, что шансы невелики: проходы могут оказаться слишком узкими для человека. Но у любого путешествия должна быть цель, и с этой минуты спутники шли на шум воды.

Эванс раздумывал над прихотью природы, расположившей камни, по которым ударяет волна, так, что они создают именно

эту мелодию. Строители Лабиринта воспользовались феноменом, и возникла история о подземном чудовище. Ее соединили с культом быка и запугивали друг друга историями о Минотавре, приводившими критян в экстаз. Артур представил, как жертвы Лабиринта, едва заслышав рев воды, пугались и мчались, не разбирая дороги. Заблудившись, они гибли от жажды, так и не решившись двинуться в единственно верном направлении — на звук.

Теория очень понравилась молодому археологу. Она все объясняла. Артур даже вообразил, как напишет статью и опубликует ее в толстом научном журнале. С английского текст переведут на немецкий, потом, как водится, на русский, а французы тотчас подхватят, и на первых полосах еженедельников замелькают заголовки: "Тайна Лабиринта раскрыта!"…

Идти пришлось долго. Даже слишком. Сутки или больше, Артур не знал. Под конец мысли одна за другой покинули его голову, вытравленные жаждой. Тело изнутри налилось тяжестью и само пригибалось к полу. Ложилось. Отказывалось двигаться. Последние часы спутники просто сидели у стены, облизывая потрескавшиеся губы, и не пытались вставать. Перед глазами дрожало красноватое марево. А где-то невдалеке, за каменной толщей стен, не удаляясь и не приближаясь, все лилась вода, рокотал прибой, шумели волны, сводя с ума обезумевших от жажды людей. И как бывает во сне, казалось, будто они опять идут куда-то, при этом оставаясь на месте.

Вот в отдалении забрезжил слабый зеленоватый свет, в спертом воздухе повеяло морской свежестью. Спутников потянуло туда, точно бабочек к фонарю. И как будто фонарь, за ближайшим поворотом им открылась чугунная решетка в полу. Они поняли, что свет идет не сверху, а снизу, из глубины моря.

Эванс и Софи приникли к металлическим прутьям толщиной с колокольный канат. Глубоко на дне по бескрайним полям Эгеиды, затканным зелеными водорослями, бродили несметные стада белых быков Посейдона. Хребтистые гиганты поддевали рогами корабли. Один из них поднял голову, заметил людей, и глаза его стали медленно наливаться красным.

Через год Шлиман закончил раскопки дворца Миноса. Он в который раз потряс мир фантастическими открытиями и обезоружил своих противников, предоставив исчерпывающие доказательства того, что война ахейцев и критян действительно произошла в XIII веке до нашей эры.

Вскоре закончился траур по супруге миллионера, трагически погибшей на раскопках, и Генрих написал торговому партнеру в Измир, прося подыскать ему молодую красивую гречанку,

знакомую с античной историей и отличающуюся классическими чертами лица.

24.10.2009

Вл. Гаков. Неописуемый чудак из глубинки

Именно таким был недавно ушедший Р.А.Лафферти, всего двух лет не доживший до своего девяностолетия. Как всякий чудак (многие, впрочем, не колеблясь, называли его гением), он нередко попадал в поле зрения критиков.

Однако, основательно «покопавшись» в его корнях и его творчестве, большинство отступалось, разводя руками. Решительно невозможно описать эту странную личность! Тем более не поддается рациональному анализу еще более «неописуемое» творчество Лафферти. Но с тем, что без этого автора современная фантастика заметно поблекла бы, сегодня согласны все, в том числе, наверное, и читатели журнала «Если», в котором Лафферти был одним из самых публикуемых зарубежных авторов.

В биографии писателя при всем желании не отыщешь ничего, что дало бы исследователю хоть малюсенький ключик к его творчеству.

Родился Рафаэль Алоизиус Лафферти 7 ноября 1914 года в маленьком городке Ниоле, затерявшемся в одном из самых «деревенских» штатов Америки — Айова. Отец будущего писателя владел небольшой фермой (к землице его потянуло только после того, как он в пух и прах проигрался на бирже), а мать работала учительницей в сельской школе. В 1918 году семейство Лафферти перебралось еще дальше на запад — в штат Оклахома, сначала в деревушку Перри, а потом в город Талсу. В Талсе Рафаэль Лафферти прожил всю оставшуюся жизнь, почти никуда из своей глубинки не выезжая. У него даже машины не было — не потому, что не на что было купить, а потому, что за почти девять десятков лет жизни Лафферти так и не удосужился обзавестить правами. В Америке одно это гарантирует постоянное, внимание прессы — чудак, эксцентрик! Но писатель и журналистов не жаловал, что уже делало его личностью подозрительной.

Впрочем, один «ключик» все же имелся. Родители Лафферти были ревностными католиками и своих детей воспитали соответствующе. Как вспоминал потом писатель, в его детстве было только два ярких события — первое причастие и горящий крест куклуксклановцев на соседнем пустыре. Вообще-то ревностный католицизм среди американских фантастов — явление не менее редкое, чем отсутствие автомобильных прав. Кордвайнер Смит, Уолтер Миллер да Джин Вулф — вот первые, кто приходит на ум, и во всех этих редких случаях научная фантастика тоже получается редкая, "штучная".

После католической школы жизнь его была исключительно приземленной, если не сказать рутинной: незаконченная учеба в местном университете, затем заочные инженерные курсы и работа в компании по производству электрооборудования. В эту рутину вторглась война: в 1942-м после Перл-Харбора рядовой Лафферти отправился сражаться с японцами на Тихом океане. Он дослужился до сержанта и вернулся в Талсу с боевой медалью за участие в кампании по освобождению Новой Гвинеи. После этого почти тридцать лет проработал на одном месте и ушел на пенсию в 1971-м. Впрочем, к этому времени у Лафферти появилась и другая работа, по душе. Это была литература.

Писать он начал также необычно поздно — по американским стандартам.

Первая публикация 45-летнего дебютанта увидела свет в провинциальном литературном журнале, издававшемся в соседнем штате Нью-Мексико. Это был реалистический рассказ «Повозки». А в следующем, 1960 году вышел и первый научно-фантастический рассказ Лафферти — "День ледника". За последующие два десятилетия писатель опубликовал более 200 рассказов, составивших два десятка сборников, и более двадцати романов.

Казалось бы, неплохой творческий «выход»… Но беда в том, что большинство произведений Лафферти увидело свет в так называемых «малых» издательствах, выпускавших книги и сборники небольшими тиражами, как правило, посвящая их экспериментальной прозе, не рассчитанной на коммерческий успех.

А проза Лафферти вся от начала до конца была экспериментальной. Он за двадцать лет перепробовал все, что мог, ни разу не соблазнившись уютным в материальном плане "плаванием по течению". Потому его так любили печатать составители авангардных антологий (типа серии «Orbit» под редакцией Даймона Найта), но редко отмечал премиями американский фэндом. Как точно заметил легендарный американский составитель антологий Мартин Гарри Гринберг:

"Лафферти — самый причудливый, заковыристый, смешной и в то же время совсем не «центровой» писатель в истории научной фантастики. Хотя он собрал достаточное количество самых превосходных эпитетов в свой адрес и даже завоевал одну премию «Хьюго», ему явно не светит коммерческий успех многих из тех, кто недостоин таскать за ним его пишущую машинку. Сдается, что в этой стране странность — все еще не лучший товар для продажи".

Славу Лафферти принесли рассказы, а не романы — еще одна

из длинного списка его странностей в мире англоязычной НФ. Рассказ "Плотина Евремы" (1972) принес писателю его единственную высшую премию — «Хьюго».[10] А такие шедевры научно-фантастической короткой формы, как хорошо известные читателям «Если» "Долгая ночь со вторника на среду", "Планета Камирои", "Вначале был костыль", а также "Продолжение на следующем камне", стали украшением не одного десятка антологий.

Сам Лафферти охотно и подробно говорил о своем отношении к романам и рассказам. Позволю себе длинную цитату — пусть сам автор хоть частично облегчит критику нелегкую задачу анализа произведений Лафферти: "Мои романы, которые я писал с большой натугой, получили намного больше читательского и критического внимания, чем мои рассказы, которые сочинялись как бы сами по себе, без моего участия. Тем не менее рассказы представляются мне куда значительнее, чем романы… Я исповедую ту теорию (считая ее безусловно истинной), что хорошие рассказы пишутся сами, иначе говоря, они являются независимыми и представляют собой какие-то сущности (или даже живых существ), которые время от времени являются людям. Иногда это люди, обладающие свойством резонировать на все необычное, что им является и что проникает в них помимо их воли; как раз с помощью таких людей эти неведомые нам сущности проявляют себя — так и остальные узнают об их существовании. Вы уже догадались, что эти «резонантные» люди называются писателями. И я не могу не испытывать радости оттого, что несколько таких рассказов-сущностей когда-то явились не кому-нибудь, а именно мне.

В жизни каждого человека случается не так уж много действительно ярких встреч с чем-то абсолютным, совершенным. Я лишь однажды встретился "лицом к лицу" с горной львицей — и это стало для меня открытием. Лишь однажды видел, как кит выпрыгивает из океанских волн. Лишь раз наблюдал за рогатым горным козлом на краю скалы. Лишь раз любовался розовым фламинго в полете… И лишь по разу встречался с каждой из тех сотен удивительных сущностей-историй, которые и стали впоследствии моими напечатанными рассказами. Они приходили ко мне столь же незаметно и непредсказуемо — и производили в моей душе такой же переворот, — как и та львица, и тот фламинго… Я верю, что существует Вселенское Бессознательное, которое подобно пещере Али-Бабы, освещенной 999 светильниками, существует во всех людях и прочих тварях. И вот каменные глыбы, закрывавшие пещеру, внезапно открываются перед вами, и вас ждет встреча с необычным, ужасным,

прекрасным или смешным… Тот, кому посчастливилось заглянуть в пещеру и повстречаться с ее диковинами, не может вечно держать это новое знание — или откровение — внутри себя. И тогда начинается поиск людей, с которыми хочется разделить удивительное открытие".

Рассказы Лафферти только маскируются под "простые и легкочитаемые истории" — в них всегда полно вторых планов и скрытых смыслов, которые легче всего теряются в переводах. И хотя лишь немногие из его произведений точно ложатся в рыночный трафарет science fiction story, по сути, ни один рассказ Лафферти не может быть назван и реалистическим — даже тот, в котором, на первый взгляд, не происходит ничего фантастического. Если это реализм — то особый, магический, сродни прозе Маркеса, Борхеса, Касареса и других мастеров латиноамериканской прозы. В причудливой вселенной Лафферти все не так, как в нашем мире, даже если рассказ писателя и был опубликован под ярлычком mainstream. Потому что Лафферти — фантазер в душе, а не холодный ремесленник, пишущий фантастику. А еще он — заразительный юморист, хотя и не сказать, что светлый и легкий. И изощренный мифотворец. И глубокий, не без религиозной истовости, философ. И отличный стилист и рассказчик.

Писал Лафферти и традиционную НФ, если под этим понимать самое популярное пространство-время этой литературы — будущее и иные миры. Другое дело, как именно писатель использует уже порядком затоптанный в фантастике «футурокосмический» полигон. Взять, к примеру, роман "Космический морской запев" (1968). Внешне это традиционная космическая опера, однако эрудированный читатель легко обнаружит здесь остроумный и парадоксальный пересказ гомеровской «Одиссеи». А несколько рутинная сюжетная завязка романа "Анналы Клепсиса" (1983) — историк прибывает на другую планету для сбора научной информации — неожиданно оборачивается сложной и многоплановой философски-религиозной притчей: ученый обнаруживает, что никакой «истории» в этом мире пока нет, а окружающая его реальность — лишь прелюдия к истинному "началу времен", которое произойдет по воле Создателя Вселенной.

Слова «религия» и «Создатель» упомянуты не ради красного словца. Самый известный роман Лафферти — "Властелин прошлого" (1968) — не только и не столько история великого гуманиста и основоположника литературной утопии сэра Томаса Мора, которого некие силы «извлекли» из прошлого и послали возглавить правительство на далекой планете (тоже

претендующей на звание "утопической"). Лафферти более волнует образ великого религиозного упрямца Томаса Мора, "человека на все времена", который, как и герой Стругацких, не воспользовался подаренной ему "попыткой к бегству". И снова с той же последовательностью готов заплатить жизнью за свою свободу — свободу совести. Если кто забыл: Мора казнили не за "социалистическую утопию", а за отказ публично признать право короля на развод и повторный брак. И даже не за критику этого поступка, греховного, с точки зрения всякого уважающего себя католика, а всего лишь за «преступное» молчание…

Религиозные мотивы присутствуют и в других романах Лафферти. Неудачей заканчиваются попытки инопланетных «мессий» утвердить гуманность на нашей «падшей» планете в "Рифах Земли" (1968) и в более поздней «Аврелии» (1982); а в пиротехнической философской притче "Четвертые резиденции" (1969) извечная битва Добра и Зла все еще продолжается — с переменным успехом и неясным финалом. И даже в цикле произведений об Институте Нечистой Науки (многие из них собраны в книгах "Прибыв в Эстервайн: автобиография машины Ктистек" и "Элегантным взором: рассказы об Астро и о людях, которые знают все"), внешне совсем не похожих на тяжеловесные морально-назидательные притчи, в самом названии места действия заложена главная моральная проблема, мучившая Лафферти всю жизнь — проблема взаимоотношений науки и этики.

Вообще для Лафферти (как и для такого же католика Уолтера Миллера) вопросы истины и морали, как понимают их религиозные люди, архиважны и фундаментальны. Моральная составляющая, пусть и не сразу, обнаруживается даже в самых язвительных и абсурдистских рассказах, в которых, на первый взгляд, Лафферти камня на камне не оставляет от всех и всяческих "абсолютных истин". И писатель поневоле от года к году мрачнел, наблюдая, как в окружающем его мире высшие ценности размываются и исчезают, подменяются ценниками на товарах. В своей "Иллюстрированной энциклопедии научной фантастики" (1995) Джон Клют сказал об этом исчерпывающе точно: "Религия по-прежнему не играет существенной роли в современной научной фантастике: обычно сюжет и проблематика произведения мало связаны с тем, к какой религиозной конфессии принадлежит автор. В этом отношении — как и во многих других — Лафферти фигура уникальная. Он католик, и, если копнуть под внешний слой его нарочито игривых историй, в них всегда обнаружится "моралите".

Лафферти в душе — моралист. И даже более того — самые

дикие полеты его фантазии не только подтверждают те или иные постулаты, которые, с точки зрения правоверного католика, должны направлять поведение, но еще и представляют собой амбициозную попытку морально «выправить» саму Вселенную.

Иначе говоря, представить дело так, что вся окружающая нас материальная реальность — не более чем некая вселенская театральная сцена, а наши поступки включены в действие развертывающейся космической моральной драмы".

Он в общем сумел не так мало написать за двадцать лет. Кроме НФ Лафферти писал еще и фэнтези (в 1990 году он получил Всемирную премию фэнтези за общий вклад в развитие жанра), а также произведения, которые можно условно обозначить как "исторические фантазии". Такова его дилогия, состоящая из романов "Зеленое пламя" (1971) и «Полнеба» (1984), действие которой разворачивается в позапрошлом веке, а сюжетные коллизии движет борьба героя-ирландца и его интернационального воинства, называющих себя "зеленой революцией", с революцией «красной», которую возглавляет сын дьявола! Обращался Лафферти и к истории коренных жителей Северной Америки, согнанных со своих земель белыми поселенцами (роман "Окла Ханнали").

Но с 1980 года он стал писать гораздо меньше — перенесенный инфаркт приковал Лафферти к постели. А в 1994-м последовал второй. Но Лафферти прожил еще восемь лёт — не покидая дома для тяжелобольных и престарелых при францисканском монастыре в Оклахоме. Когда 18 марта 2002 года писатель умер и был похоронен на католическом кладбище в Пери (там, где прошло его детство), выяснилось, что он всю жизнь прожил фактически один, убежденным холостяком (долгие годы с ним жила его сестра, пока не умерла), и весь круг общения Лафферти составляли книги. А также виски, запасы которого поражали редких друзей и знакомых затворника, когда они еще посещали его дом. На фантастических конвенциях он появлялся редко — и всегда держался особняком.

У него, дипломированного инженера-электрика, никогда в жизни не было компьютера — все свои произведения Лафферти по старинке «отбивал» на разбитой механической пишущей машинке.

Нет, правда, чудак неописуемый.

24.10.2009

Александер Ирвайн. Агент провокатор
Перевел с английского Юрий Соколов

В Детройте разгар дня, четверг, июль, 1940 год. Мне двенадцать лет. Со своего места в верхнем ярусе левых трибун на стадионе Бриггса я могу, если обернусь, увидеть здание "Дженерал Моторс", возвышающееся над Вудвард-авеню. Машины сплошным потоком текут в обе стороны Мичиган-авеню — «форды», «шевроле», «бьюики», между которыми взгляд иногда отмечает «мерседес», и многие из них ведут те же самые руки, которые делали эти автомобили. Я смотрю на свои ладони и представляю, как они превратятся в руки рабочего и автомобилиста — с крупными костяшками, покрытые шрамами и грязью, настолько глубоко въевшейся в морщины, что никакое мыло ее не берет.

Справа от меня сидит отец, старательно придерживая на коленях три политых горчицей хот-дога. Глядя на его руки, я пытаюсь пересчитать дюжинами рассыпанные по запястьям и предплечьям белые круглые точечки шрамов. Отец работает в "Форд Моторс" сварщиком. Ему тридцать один год, и, на мой взгляд, он знает решительно все на свете.

Я беру хот-дог и в три укуса отправляю его в желудок.

— Боже праведный, парень, — произносит отец с набитым ртом. — Прямо Малыш Рут.[11] Вот что, не разыграть ли нам этот бутерброд, а я схожу за новой порцией в перерыв на седьмом иннинге.[12]

На поле Школяр Роу разминается перед четвертой подачей, а "Бостон Ред Соке" толпятся возле скамейки запасных. Роу бросать умеет, и "Ред Соке" готовятся к некоторым неприятностям, тем не менее на три иннинга может уйти минут сорок. Мне двенадцать лет, и я вполне способен умереть от голода за эти сорок минут.

— По рукам, — говорю я. И папа подбрасывает вверх монету в четверть доллара.

Принцип неопределенности Гейзенберга гласит: в процессе наблюдения за объектом мы смещаем этот объект, поэтому точное положение его и направление перемещения одновременно определить нельзя. Во всяком случае, примерно так нас учили на первых курсах.

Энциклопедия бейсбола утверждает, что Моу Берг совершил шесть хоум-ранов[13] за время своей карьеры в высшей лиге, захватившей тринадцать сезонов в составе четырех команд. О нем было известно, что он разговаривал на двенадцати языках, однако

на всех довольно плохо; Берг был самым ученым среди бейсболистов и шутил относительно принципа неопределенности Гейзенберга, слушая в Швейцарии его лекцию во время второй мировой войны и решая тем временем, стоит убить профессора или нет. Я думаю, что Моу Берг вполне мог бы по достоинству оценить те тонкие сдвиги, которые претерпевают мои воспоминания о нем всякий раз, когда я пытаюсь извлечь их из нейрохимического ила, скопившегося за семьдесят лет.

В 1940 году я был фанатом Моу Берга, несмотря на то, что он официально прекратил выступать в конце сезона 1939 года. Как и он, я любил бейсбол и еще — как и он — любил читать, каковая наклонность встречается среди двенадцатилеток не чаще, чем среди игроков высшей лиги. Я зашел настолько далеко, что обзавелся некоторыми из его особых привычек. Узнав, что он просто не мог читать газету, к которой кто-либо прикасался, я потребовал, чтобы дома мне предоставили право первым брать в руки "Фри Пресс". Никто не смел раскрыть газету на спортивной странице, если я еще не ознакомился с результатами матчей — неприкосновенной ценностью для любителя национального спорта.

Берг остался в "Ред Сокс" в качестве кетчера[14] для разминки и некоей разновидности командного гуру, однако после 1939-го не провел ни одной игры, и когда разгорелась война, оказался агентом УСС[15] Бергом. Фотографии Токио, сделанные им во время мирного предвоенного турне американских бейсболистов, послужили картами для бомбардировщиков Джимми Дулиттла, [16] а проявленный в другой ситуации здравый смысл сохранил жизнь Вернеру Гейзенбергу.

Так, по крайней мере, написано в трудах историков. Но я помню, что все было не совсем так.

Например, я помню седьмой хоум-ран Моу Берга.

Я выбираю решку. Блестящий четвертак вспархивает над ладонью отца — как в замедленной съемке, которых я повидал множество за пятьдесят лет посещений кинематографа. Папа перехватывает его правой рукой, хлопнув ею по тыльной стороне левой.

— Не передумал?

Я мотаю головой. Он убирает руку. Решка.

— Получай, — говорит папа. И последний хот-дог исчезает прежде, чем Роу успевает совершить восьмую разминочную попытку.

А потом, можете не верить, на площадку выходит Моу Берг. Голос комментатора выдает растерянность; умолкнув, он незаметно растворяется в отголосках последнего слова: "Сокс-окс-

окс…". Толпа приходит в движение, каждый мечтает увидеть собственными глазами, действительно ли Моу Берг выходит на последнюю разминочную попытку, отряхнув от пыли биту бэттера.[17] Любители бейсбола всегда ревностно следят, не представится ли возможность присутствовать при историческом событии.

По мне, так увидеть Берга лучше, чем получить билет на матч мировой серии. Я стаскиваю с головы бейсболку "Детройт Тайгерс" и смотрю на автограф кумира, оставленный им в прошлом августе под козырьком моей бейсболки. Тогда мне пришлось пробиться сквозь толпу, окружившую Теда Вильямса, [18] чтобы добраться до скамейки, а Берг как раз сидел в уголке у ступеней, вертя в пальцах четвертак и разыскивая взглядом в толпе симпатичных девиц. Когда я перегнулся через поручень, чтобы протянуть ему свою кепку, он усмехнулся, заметив на ней старинное английское D: "А ты знаешь, парень, что это за штука, агент-провокатор?". "Нет, сэр, — ответил я, — но когда я приду домой после игры, то постараюсь выяснить это". Улыбка его сделалась чуть шире, и, нацарапав свое имя на моей кепке, он перебросил ее обратно.

И вот теперь он стоит, и Роу выстреливает быстрым мячом вниз на уровне его колен. Берг прослеживает траекторию мяча, качает головой и ждет следующей подачи.

И гасит ее слева от центра.

Я с воплем вскакиваю на ноги еще до того, как успеваю понять, что бросок-то — настоящий хоум-ран. Мяч взмывает к самой верхней точке своей траектории, и два аутфилдера[19] «Тайгерс» замедляют бег, провожая его взглядом к ограде. То есть ко мне. Как сейчас помню: он летит прямо на меня. Я протягиваю руки, несущийся ко мне прямо с неба мяч чуть виляет в воздухе, и я волнуюсь, что он пролетит над моей головой. Это самая долгая секунда в моей жизни. Кажется, будто я слышу голос отца: "Смотри на него, не отрывая глаз. Смотри даже руками".

Мяч плюхается в мои руки почти с тем же самым звуком, как и только что прихлопнутый отцом о ладонь четвертак. Кто-то сталкивается со мной, и я падаю между рядов скамей. Я сильно ударяюсь головой о сиденье или о чье-то колено, однако успеваю сгруппироваться, как Макс Шмелинг.[20] Но я не полностью отключился, я держу этот мяч, как куриное яйцо, которое принесла в школу старшеклассница для какого-то там задания. Папа поднимает меня на ноги, а кучка болельщиков, уже сгрудившихся вокруг, рассыпается столь ж быстро, сколь и собралась. Кое-кто похлопывает меня по спине и хвалит:

"Молодец, намертво взял".

— Ну, погляди на себя, Эвери, мальчик мой, — провозглашает папа. — Ты слопал все мои бутерброды и поймал хоум-ран.

— Хоум-ран Моу Берга, — отвечаю я, разглядывая мяч. Часть эмблемы фирмы «Сполдинг» стерта. Здесь Моу Берг приложился битой, думаю я. Это же все равно, что обменяться с ним рукопожатием. Я гляжу на поле, а Берг уже огибает третью базу — два Берга, — со смешком обмениваясь двойным рукопожатием с раздвоившимся тренером с третьей базы.

Все это похоже на сон. Берг начинает расплываться в моих глазах, уши наполняются шумом, отец что-то говорит, но, падая к его ногам, я ничего не слышу.

А потом начинается сон или, скорее, что-то другое. Эвери уже не на стадионе, и отца возле него нет; как нет, в сущности, никого. Он находится один в комнате, где как будто есть стены, потолок и пол, однако, поглядев на них, нельзя понять, существуют они на самом деле или нет.

Впрочем, нет, он не один. В комнате находится какой-то мужчина. Подобно стенам, лицо его расплывается, однако Эвери понимает, что незнакомец облачен в смокинг — похожий на тот, который он видел на свадебной фотографии родителей.

— То, что случилось сейчас, на деле не происходило, — говорит мужчина.

Эвери двенадцать лет, и он говорит:

— Нет, было, я видел все собственными глазами.

— И где же ты видел это?

— На стадионе Бриггса, на матче. Я поймал этот мяч во время игры, — говорит Эвери, протягивая мяч мужчине, чтобы тот поверил ему. Мяч остался в его руке, а значит, хоум-ран был.

Но на ладони его не мяч, а монетка в четверть доллара, подобная той, которую папа Эвери только что подбрасывал в воздух. Четвертак 1936 года чеканки с тремя короткими параллельными бороздками поперек правого крыла орла.

— А где мой мяч? — Эвери оглядывает комнату.

— Мяча не было. В твоей руке находится то, что ты поймал.

— Ну да, — с недоверием отвечает Эвери. — Тед Вильяме не сумел бы выбить с поля четвертак. Хэнк Гринберг тоже. И Джимми Фоккс. И ты думаешь, я поверю в то, что Моу Берг сделал это?

— А что у тебя в руке?

— Четвертак.

— Видишь? Его-то ты и поймал.

— Ну, нет. Значит, ты украл его, так? Ты украл мой мяч.

— Эвери, послушай меня. Есть веские основания для того, чтобы это был четвертак.

— Конечно, есть. Это четвертак, потому что ты украл мой мяч и оказался такой дешевкой, что дал мне за него только четверть доллара. — Эвери бросает монету в мужчину, однако она замирает на полпути между ними, вращаясь так, как вращалась в летнем воздухе на стадионе Бриггса.

— Ну вот, ты сделал это, — говорит мужчина.

Куда я иду, где я был, почему я знаю одновременно и то, и другое? Мне семьдесят два года, и я ушел в отставку с исследовательского полигона "Дженерал Моторс" в приморский коттедж в Сил-Харбор, штат Мэн. С того дня как я видел (или не видел) хоум-ран Моу Берга, «Тайгерс» трижды выигрывали мировую серию — в 1945, 1968 и 1984-м годах. "Ред Соке" в ней не побеждали. Четыре года подряд они проигрывали по семь игр кряду. Последний раз, в 1986-м, болельщики "Ред Соке" уже было решили, что проклятие снято; но после того как посланный Муки Вильсоном низкий мяч нашел себе путь между ног Билла Бакнера, все решили, что уж лучше бы "Ред Соке" проиграли «Энджелс» из Лос-Анджелеса в плей-офф. Тогда бы, по крайней мере… но это все если, если, если… "Если бы у кур были губы, — говаривал мой папа, — они бы не кудахтали, а свистели". Не стоит задумываться над этим. Вырасти болельщиком "Ред Соке", в Детройте дело непростое, но я сумел сделать это — в основном потому, что симпатию свою тщательно скрывал, как и автограф Моу Берга под козырьком кепки "Тайгерс".

Летом я выношу радио на веранду и слушаю репортажи об играх "Ред Соке", провожая взглядом волны, набегающие от просторов Северной Атлантики. Волны разбиваются о берег, а мне хочется знать, нет ли там, в море, какой-то срединной точки, от которой волны разбегаются во все стороны. Неподвижной посреди вращающегося мира, как сказал Элиот.[21] Той, где возможности преобразуются в непреложные факты.

Если такое место существует, мне бы очень хотелось увидеть его, убедиться в том, что оно есть на самом деле. Мне бы очень хотелось знать наверняка: мой выбор убил моего отца или нет.

— Что-что? — переспрашивает Эвери.

— Четвертак в воздухе. И ты должен что-то сказать, прежде чем он упадет.

— Зачем? — Эвери вновь смотрит на мужчину, сидящего в кресле, которого не было здесь минуту назад. Четвертак вращается на уровне глаз.

— Надо решить, что будет.

— А что я решаю?

— У тебя есть два варианта, Эвери. Но от монеты зависит только один, поэтому начнем с главного. Позволь мне кое-что рассказать тебе. — Мужчина устраивается в кресле поудобнее. — Через полтора гог да Америка вступит в войну с Германией и Японией.

— Этого не будет, — возражает Эвери. — Рузвельт заявил, что мы останемся в стороне.

— Да, он так заявил. Но война тем не менее состоится.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что занимаюсь этим. Я знаю. Скажу точнее — это моя сущность. Я тот, кто знает.

Эвери, щурясь, разглядывает собеседника, пытаясь хотя бы на миг остановить это лицо так, чтобы его можно было рассмотреть.

— Ага, тот, кто знает! Ну, а знаешь ли ты, на кого похож?

— Ты не понимаешь меня, Эвери. Я принял этот облик только для того, чтобы тебе проще было увидеть меня.

— Мне стало бы легче, если бы у тебя появилось лицо, — возражает Эвери.

— Отлично, — отвечает мужчина. — Дай мне его.

— Это так просто? Собеседник кивает.

— Хорошо.

И мужчина получает лицо отца Эвери.

— Теперь тебе спокойнее? — спрашивает он.

— Скажи, а что это значит — "тот, кто знает".

— Я не существую, пока не возникает необходимость выяснить какую-то вещь. И когда я узнаю то, что следует узнать, тогда мое существование прекращается.

Эвери начинает понимать.

— Итак, ты существуешь только до тех пор, пока не знаешь того, что тебе необходимо узнать?

Мужчина с лицом отца Эвери кивает.

— Рассказывай свою повесть, — говорит Эвери.

Уходить на покой в девяностых годах — одно удовольствие. Особенно с такой работы, как у меня. Ты получаешь пенсию и страховку. Ты учишь лилии расти на морском побережье Мэна. Ты совершаешь утренние прогулки по национальному парку Акадия в обществе жены. Когда тебе становится скучно, можно давать консультации автомобилистам.

Соскучиться я не могу, потому что когда мне становится тоскливо, я начинаю вспоминать о Моу Берге, четвертаке и том июльском дне, когда отец отпросился с работы, чтобы сводить меня на игру.

Я заработал уйму денег на консультациях.

Мою жену зовут Донна. Она чуть выше меня и заметно худее,

а волосы ее в точности повторяют цвет полной луны, высоко парящей в зимнем небе. Мы женаты тридцать семь лет, и я давно забыл, как можно любить другую женщину. Она хочет, чтобы я не торопился, чтобы наслаждался золотыми годами. Ей надо знать, почему я не желаю отправляться в Европу. Мы счастливы вместе, и наши дети нередко навещают нас.

Мне бы хотелось рассказать Донне, почему я не хочу ехать в Европу, однако я скрыл эту причину — так же, как прятал «вражеский» автограф под козырьком пропотевшей бейсболки "Детройт Тайгерс".

Моу Берг скончался в Нью-Йорке в 1972 году, пережив моего отца на двадцать семь лет. После его смерти мы с Донной впервые отправились в этот город.

— Есть такой ученый, которого зовут Вернер Гейзенберг, — говорит мужчина с лицом отца Эвери.

— Он немец? Мужчина кивает.

— Значит, мы будем воевать с ним, — заключает Эвери.

— Да. Гейзенберг уже очень знаменитый ученый, и после того как начнется война, он будет работать на фашистов, чтобы расщепить атом и создать атомную бомбу. И вот ты стоишь перед выбором: убьет Моу Берг этого Гейзенберга или нет?

— Моу Берг — убийца? Он ведь играет, в бейсбол!

— Сейчас — да. Но с началом войны он поступит в Управление стратегической службы и станет разведчиком Соединенных Штатов. Одно из его заданий в 1944-м будет предусматривать посещение лекции Гейзенберга. Бергу поручат убить Гейзенберга, если выяснится, что нацисты близки к созданию атомной бомбы.

— Ты сошел с ума, — говорит Эвери. — Я читал об атомных бомбах в «Эмейзинг». В жизни их не существует.

— Они будут существовать.

С сомнением в голосе Эвери говорит:

— Пусть так, но какое отношение все это имеет к моему мячу?

— Если Моу Берг сделает еще один хоум-ран, он начнет чаще играть в этом сезоне. Поскольку для армии он уже староват, Берг отыграет и следующий сезон. Тогда УСС наймет вместо него кого-то другого. И этот человек явится на лекцию и убьет Гейзенберга.

— Отлично, — говорит Эвери. — Если такая вещь, как атомная бомба, еще не существует, нам, конечно, не надо, чтобы ею завладел Гитлер.

— Но что, если убийство Гейзенберга не способно повлиять на возможность нацистов создать атомную бомбу раньше Соединенных Штатов? Тогда блестящий ученый погибнет без

всякого толка. — Эвери молчит, и мужчина продолжает: — Если убийство Гейзенберга состоится, в опасности окажутся и прочие германские физики. И в результате получится, что люди, реализовавшие американскую космическую программу, или погибнут, или, опасаясь за свою жизнь, после войны уедут в Советский Союз.

— Космическую программу? — вдруг начинает волноваться Эвери.

Он только что прочел "Первые люди на Луне" Г.Уэллса. — Значит, мы полетим на Луну?

Его воображение рисует серебристые обтекаемые ракеты, одна за другой стартующие в космос. И одну из них пилотирует он. Эвери станет астронавтом.

— Не обязательно, мой мальчик. Вариантов много, однако в одном можно не сомневаться: если погибнет Гейзенберг, первыми ступят на Луну не американцы. Возможно, в таком случае на ней вообще никто не побывает.

Эвери молчит, разглядывая пол, который, в общем-то, таковым не является. Он, скорее, похож на множество полов сразу, каждый из которых вроде бы здесь, но не совсем.

— А откуда тебе это известно? — спрашивает он.

— Не знаю. До твоего появления здесь я не существовал. Когда ты уйдешь отсюда, меня не станет. Но пока существует эта неопределенность, буду существовать и я.

— А важно ли это — кто первым высадится на Луну? — спрашивает Эвери.

— Наверное, не слишком. Куда существеннее то, кто первым изобретет атомную бомбу.

Эвери следит за вращением четвертака. Если чуть сдвинуться с места в ту или иную сторону, будет казаться, что у человека, наделенного лицом его отца, вместо глаз серебряные монетки. Но хоум-ран Моу Берга — такая вещь, о которой можно будет рассказать приятелям. Он думает.

— Ладно, — говорит Эвери немного погодя. — Можешь оставить мяч себе.

Иногда луна напоминает серебряную монетку, и бескрайние орлиные крылья ее чар парят над пейзажем. Летними ночами я жду, пока она вынырнет из марева над горизонтом, и засиживаюсь допоздна, размышляя о том, что планетка эта вращается, как тот самый четвертак. Полная, похудевшая, ополовиненная, узенькая, как серп, новая. После проведенных на веранде летних вечеров в голове моей складывается целый кинофильм, и иногда мне снится тот человек с лицом моего отца, только на сей раз глазами ему служат диски луны. Они мерцают

— как бывает, когда пленка движется недостаточно быстро, чтобы обмануть глаз.

Орел или решка. Пятьдесят на пятьдесят. Кошка либо жива, либо мертва. Но если подбросить монетку десять раз, результат пять на пять выпадет не столь уж часто. Я подолгу бросаю монетку, особенно летом, поздними вечерами, под серпиком луны.

Кто он, Вернер Гейзенберг — нацист или добропорядочный гражданин, выполнявший свой долг? Пятьдесят на пятьдесят. Большинство биографов и все друзья хором утверждают, что он был просто немцем и, когда началась война, посчитал своим долгом соорудить для соотечественников атомный котел. Хотелось бы знать, задумывался ли он над тем, что сделал бы Гитлер, располагая атомной бомбой.

15 декабря Гейзенберг читал в Цюрихе лекцию по теории S-матриц. На ней присутствовал Моу Берг, изображавший швейцарского студента, арабского бизнесмена или французского торговца — в зависимости от того, чьему свидетельству вы доверяете. Вот и неопределенность: известно, что Моу Берг был там, но не то, как он попал на лекцию. Присутствовали ли на ней саудовские бизнесмены или торговцы из Дижона? Ну, швейцарские студенты-то были. А рядом с ними сидел Моу Берг, агент-провокатор.

Представляю себе эту сценку. Гейзенберг, рыжий лысеющий гном, расхаживает перед доской и вещает. Сидящий в аудитории Берг внимательно слушает, делает заметки. Автоматический пистолет отягощает карман пиджака Берга, капсула с цианистым калием ерзает в часовом кармане его брюк при каждом движении.

Гейзенберг говорит, Берг внимает, а монетка вращается в воздухе.

— А это остановит войну? — спрашивает Эвери. — Если я верну мяч?

— Нет, война все равно состоится. Но твое решение может изменить и ее исход, и то, что случится потом.

Эвери успел хорошенько подумать.

— Почему? — спрашивает он. — Только потому, что я поймал этот мяч?

— Отчасти. — Мужчина меняет позу, и вращающийся четвертак закрывает собой его правый глаз. — Представь себе рябь на воде. Когда в нее падает камень, насколько далеко разбегаются волны?

— Пока не наткнутся на что-то еще, — отвечает Эвери, представив себе домик его дедушки, расположенный на севере, возле Траверс-сити. В лесу возле домика находится пруд, где

Эвери ловит лягушек. Он видит рябь, разбегающуюся по воде от лягушек, когда они ныряют в темную воду.

— Пойманный тобою мяч — это камень, брошенный в лягушачий пруд истории, если ты простишь заимствованный у тебя образ, — говорит мужчина. — Разбегающиеся от него волны входят в контакт с последовательностью других событий.

— А откуда ты узнал мои мысли? — спрашивает Эвери.

— В известном смысле, — говорит мужчина, — я и есть то, что ты думаешь. Или, точнее говоря, что думал бы, располагая большим количеством информации, чем там, на матче.

Эвери надолго умолкает, разглядывая вращающийся четвертак.

— Так ты — это я?

— Прости меня, Эвери, — отвечает мужчина. — Я знаю только то, что говорю.

— Но ты знаешь о войне, которая еще не началась, и о будущей атомной бомбе, и о полете на Луну, — возражает Эвери. — Как ты можешь знать одно и не иметь представления о другом?

— Потому что некоторые вещи еще не решены. Выбирай, Эвери.

— Только после того, как ты скажешь мне, где я нахожусь. То есть где мы сейчас.

— Нигде. Чтобы мы где-нибудь оказались, ты должен принять решение. И когда ты его примешь, я исчезну. Меня не будет нигде. Я существую только в пространстве твоей неопределенности.

— Тогда кто ты? Бог или еще кто-нибудь? Мужчина качает головой.

— Это Бог послал тебя? А Он существует? Как случилось, что Он не может решить этот вопрос и заставляет меня делать это за Него?

По-прежнему качая головой, мужчина произносит:

— Я не могу ответить ни на один из этих вопросов. Я уже сказал тебе все, что мог. Ты уже гарантировал, что Моу Берг посетит лекцию Гейзенберга; теперь решай, что случится, когда он сделает это.

— Нет, — отрицает Эвери. — Я могу только выбрать сторону монеты. Я отдал тебе мяч. Это было решением. Но тут решаю не я.

— Правильно. Впрочем, все и должно было произойти подобным образом. Правило сохранения информации. Я нарушил причинность, рассказав тебе, что случится в результате твоего последнего выбора. А теперь тебе придется решать, не зная

заранее результата, хотя я и мог бы назвать его тебе, чтобы вернуть равновесие. На лице собеседника — лице отца Эвери — появляется тень гримасы, похожей на вину.

— А что я должен решить?

— Убьет ли Моу Берг Вернера Гейзенберга.

— Это нечестно! — восклицает Эвери. — Вот почему я отдал тебе мяч, чтобы Гейзенберга не убили. Глупого немца. Надо было оставить мяч себе. Разве не мог я оставить себе мяч и назвать сторону монетки?

— Я уже объяснял тебе это. Называй же ее, Эвери. Сворачивай волновую функцию.

— Решка, — произносит Эвери. И все происходит так, как он решил.

А я снова оказываюсь на стадионе Бриггса, Бобби Доуэрр ведет в четвертом иннинге, а отец сидит рядом со мной.

— Эвери, — говорит он. — С тобой все в порядке, сынок?

— Ага, папа. Все в порядке. — Я оглядываю стадион Бриггса, вытоптанные клочки на поле, ржавые болты, крепящие сиденья к бетонному полу. "Я что-то сделал", — понимаю я. Вокруг ничего не изменилось, но скоро все станет иначе.

Отец пристально, встревоженными глазами смотрит на меня.

— Папа, да все в порядке, — настаиваю я.

— Ну ладно, приятель, — говорит он. — Только сегодня уже больше ни одного хот-дога.

Я ощупываю затылок. Ни шишки, ни ссадины, ничего. «Тайгерс» проиграли, удара слева от центра не было, и когда я в следующий раз читаю в газете заметку о Моу Берге, в ней сказано, что он совершил шесть хоум-ранов за всю свою карьеру в высшей лиге, окончив ее 1939-м.

А Вернер Гейзенберг умирает в Мюнхене почтенным семидесятипятилетним старцем, и атомные бомбы падают на Хиросиму и Нагасаки, и на Луну высаживается Нил Армстронг, а не какой-нибудь там Евгений, Сергей или Юрий.

И мой отец погибает во время второй мировой войны, 11 декабря 1944-го, когда самолет, недавно доставивший Моу Берга во Францию, врезается в воды Ла-Манша.

Мне был сорок один год, когда в своем новом доме на Фармингтон-хиллз я слушал по телевизору те слова, которые Нил Армстронг произнес, ступая на поверхность Луны. «Тайгерс» в предыдущем году выиграли мировую серию, залечив раны, оставленные волнениями 1967 года, которые заставили меня, подобно многим белым американцам, перебраться в пригород. Я давно уже отказался от мечты стать астронавтом.

К этому времени моего отца не было на свете уже почти

двадцать пять лет.

Рябь, как сказал тот человек с лицом моего отца. Волны ее распространяются до тех пор, пока не встретят на своем пути какое-то препятствие или пока энтропия не лишит их энергии и не разгладит поверхность воды. Некогда, летом 1940 года, я поймал мяч на стадионе Бриггса, отец помог мне подняться и сказал: "Погляди на себя, Эвери, мой мальчик".

Посмотри на меня, папа. Стадион Бриггса уже тридцать пять лет называется стадионом «Тайгерс», а сын сварщика из Восточного Детройта сделался важным чиновником, живущим в пригороде в построенном по собственному заказу доме, а еще я спас жизнь Вернера Гейзенберга, что, возможно, стоило тебе твоей.

И вот я сижу на веранде своего дома в Мэне, смотрю на набегающие на берег волны и гадаю, откуда же они приходят к нам. Гадаю, где находится это тихое место, в котором рождаются все волны, и где еще не определившиеся решения ждут выбора между орлом и решкой.

Иногда я разговариваю с собой. А чаще засыпаю, и морской ветерок приносит мне сны о людях, почти похожих на моего отца.

А когда я разговариваю с собой, то всегда задаю себе вопрос: если бы ты назвал орла, остался бы в живых твой отец? Если бы Моу Берг не отправился во Францию решать судьбу Вернера Гейзенберга, на изрытом воронками аэродроме возле Лиона отца ждал бы другой самолет?

Разбился бы этот самолет? Мне было двенадцать лет. И я думал, что поступил правильно.

Но если бы Моу Берг сделал седьмой хоум-ран, может быть, отца взял бы другой аэроплан?

Кошка жива. Кошка мертва.

"Ред Сокс" проводят сегодня вечером один из сдвоенных матчей. Донна выходит из дома и садится рядом со мной в кресло, которое я своими руками сделал для нее в тот самый год, когда вышел в отставку. Я слежу за тем, как тень трубы нашего дома скользит по склону лужайки к волнам прибоя, на какое-то мгновение довольный тем, где я есть, на короткий миг довольный памятью о том, где был. В той тихой точке, вокруг которой вращается мир. Волны эпициклами накладываются на крупные циклы приливов, и Луна обращается вокруг Земли, и Земля кружит около Солнца.

Вертятся монетки, ожидая того, кто назовет стороны, которыми они упадут.

24.10.2009

Евгений Лукин. Как отмазывали ворону

С жанром криптоистории, состоящей в близком родстве с историей альтернативной, читатели уже знакомы. Предлагаем вашему вниманию первый опыт криптолитературоведения, осуществленный лидером партии национал-лингвистов.

Переимчивость русской литературы сравнима, пожалуй, лишь с переимчивостью русского языка. Человеку, ни разу не погружавшемуся в тихий омут филологии, трудно поверить, что такие, казалось бы, родные слова, как «лодырь» и «хулиган», имеют иностранные корни. Неминуемо усомнится он и в том, что "На севере диком стоит одиноко…" и "Что ты ржешь, мой конь ретивый?…" — переложения с немецкого и французского, а скажем, "Когда я на почте служил ямщиком…" и "Жил-был у бабушки серенький козлик…" — с польского.

Западная беллетристика всегда пользовалась у нас неизменным успехом. Уставшая от окружающей действительности публика влюблялась в заезжих героев — во всех этих Чайльд-Гарольдов, д'Артаньянов, Горлумов — и самозабвенно принималась им подражать. Естественно, что многие переводы вросли корнями в отечественную почву и, как следствие, необратимо обрусели.

Тем более загадочным представляется чуть ли не единственное исключение, когда пришельцу из Европы, персонажу басни Лафонтена, оказали в России не просто холодный прием — высшее общество встретило героя с откровенной враждебностью. Вроде бы образ несчастной обманутой птицы должен был вызвать сочувствие у склонного к сантиментам читателя XVIII века, однако случилось обратное.

Вероятно, многое тут предопределил уровень первого перевода. Профессор элоквенции Василий Тредиаковский, не задумываясь о пагубных для репутации персонажа последствиях, со свойственным ему простодушием уже в первой строке выложил всю подноготную:

Негде Ворону унесть сыра часть случилось…

Воровство на Руси процветало издревле, однако же вот так впрямую намекать на это, ей-богу, не стоило. Кроме того, пугающе неопределенное слово «часть» могло относиться не только к отдельно взятому куску, но и к запасам сыра вообще. Бесчисленные доброхоты незамедлительно расшифровали слово

«Ворон» как "Вор он" и строили далеко идущие догадки о том, кого имел в виду переводчик.

Натужная игривость второй строки:

> На дерево с тем взлетел, кое полюбилось…

— нисколько не спасала — напротив, усугубляла положение. "Кое полюбилось". В неразборчивости Ворона многие узрели забвение приличий и развязность, граничащую с цинизмом. Мало того, что тать, так еще и вольнодумец!

Естественно, высший свет был шокирован. Императрица Анна Иоанновна вызвала поэта во дворец и, лицемерно придравшись к другому, вполне невинному в смысле сатиры произведению, публично влепила Тредиаковскому пощечину. "Удостоился получить из собственных Е. И. В. рук всемилостивейшую оплеушину", — с унылой иронией вспоминает бедняга.

Следующим рискнул взяться за переложение той же басни Александр Сумароков, постаравшийся учесть горький опыт предшественника. Правда, отрицать сам факт кражи сыра он тоже не дерзнул, но счел возможным хотя бы привести смягчающие вину обстоятельства:

> И птицы держатся людского ремесла.
> Ворона сыру кус когда-то унесла
> И на дуб села.
> Села,
> Да только лишь еще ни крошечки не ела…

Ворон, как видим, под пером Сумарокова превратился в Ворону. Тонкий ход. Поэт надеялся, что к особе женского пола свет отнесется снисходительнее. Имело резон и уточнение породы дерева: по замыслу, определенность выбора придавала характеру героини цельность и отчасти благонамеренность, поскольку дуб издавна считался символом Российской державности.

Увы, попытка оправдания вышла неудачной, а для автора, можно сказать, роковой. Уберечь Ворону от читательской неприязни так и не удалось. Александр Петрович повторил ошибку Василия Кирилловича: увесистое слово «кус» опять-таки наводило на мысль именно о крупном стяжательстве. Да и сами смягчающие вину обстоятельства выглядели в изложении Сумарокова крайне сомнительно. То, что люди тоже воруют, героиню, согласитесь, не оправдывало нисколько. Указание же на

то, что, дескать, "еще ни крошечки не ела", звучало и вовсе беспомощно. Как, впрочем, и робкий намек на давность проступка, совершенного-де не сию минуту, а "когда-то".

Но самую дурную шутку, конечно, сыграл с переводчиком державный дуб: невольно возникал образ казнокрада, прячущегося под сенью государства. Некоторые вельможи решили, что басня — камешек в их огород. Сумарокова вынуждают покинуть Петербург. Умер поэт в нищете, затравленным, опустившимся человеком.

Неприятие образа Вороны было в тогдашнем обществе столь велико, что противостоящая ей Лиса в итоге превратилась в глазах читателей чуть ли не в положительного героя, в этакого носителя справедливости.

Потребовался гений Крылова, чтобы окончательно обелить Ворону, не подвергшись при этом гонениям. В своем переводе Иван Андреевич предстает перед восхищенной публикой не только блистательным поэтом, но и непревзойденным адвокатом. Недаром, читая речи таких выдающихся юристов, как Плевако, Карабчевский, Урусов, невольно приходишь к выводу, что шедевр Крылова они знали наизусть и выступления свои строили неукоснительно по его канону.

Представьте: встает адвокат и долго держит паузу. Публика, осклабившись, смотрит на него с веселым злорадством; дескать, крутись-крутись, а сыр-то она все равно… того-этого! Наконец как бы через силу защитник поднимает глаза и произносит с усталой укоризной:

> Уж сколько раз твердили миру,
> Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
> И в сердце льстец всегда отыщет уголок…

Умолкает вновь. Присяжные озадачены, в зале — недоуменные шепотки. О чем это он? Куда клонит?

Адвокат между тем горько усмехается.

> Вороне где-то Бог послал кусочек сыру… —

пренебрежительно шевельнув пальцами, роняет он как бы невзначай…

Не часть, обратите внимание, не кус, а всего-то навсего кусочек, из-за которого даже неловко шум поднимать. Но главное, конечно, не в этом. Бог послал! Понимаете, в какой угол он сразу же загоняет прокурора? Стоит что-либо возразить —

заработаешь репутацию атеиста.

На ель ворона…

Почему на ель? А больше не на что. Дуб скомпрометирован переводом Сумарокова, а на ель оно как-то скромнее, менее вызывающе.

…взгромоздясь…

Блестяще! Казалось бы, адвокат не щадит подзащитной, не пытается приукрасить, ничего не скрывает. Но в том-то и тонкость, что это неопрятное «взгромоздясь» содержит еще и признак телесной немощи. Обвиняемую становится жалко.

Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась…

Вообразите на секунду, сколь проникновенно может опытный адвокат преподнести это «позадумалась»! (Попробуй не позадумайся: кусочек-то — махонький…) Кое-кто из публики уже пригорюнился.

И тут следует резкое, как хлыст:

А сыр — во рту держала.

Господа присяжные заседатели, господин судья! Я прошу обратить особое внимание на это обстоятельство. Именно во рту! Будь моя подзащитная более осмотрительна…

О сомнительном происхождении сыра давно забыто. Все зачарованно слушают адвоката…

Итак, почва подготовлена, можно сеять. Можно даже ограничиться простым пересказом инцидента, сухо бросив напоследок:

Сыр выпал.
С ним была плутовка такова.

Присяжные в задумчивости удаляются на совещание. Отсутствуют они недолго, и решение их единогласно. Ворону освобождают из-под стражи прямо в зале суда, а против Лисицы

возбуждается уголовное дело.

24.10.2009

Сергей Лукьяненко. Конструктор и его Лего-Бог (Филип Пулман. "Темные начала". "Росмэн")

Трилогия британца Филипа Пулмана — "Северное Сияние", "Волшебный нож" и "Янтарный телескоп" — под общим названием "Темные начала" стартовала более чем удачно. Мир первого романа трилогии фонтанировал идеями, образами, литературными аллюзиями. Альтернативный — а точнее, параллельный нашему — мир, где души существуют отлично от людей: в виде разумных зверьков-деймонов, способных говорить, общаться, даже сражаться за своего… хозяина?., да нет, не хозяина, конечно, скорее уж, "симбионта"-человека. Любому писателю подобной идеи хватит на цикл романов. Тем более западному автору, привыкшему выжимать оригинальную находку досуха. Но Пулман разбрасывал идеи с щедростью дорвавшегося до целины сеятеля. Альтернативное мироустройство, единое европейское государство и суровая Тартария на месте Руси — пожалуйста! Церковь, взявшая под свое крыло все научные исследования — вот она. Таинственная Пыль, пронизывающая все мироздание, которую пытаются исследовать — и уничтожить, как причину первородного греха! Загадочный прибор алетиометр, отвечающий посвященному на любые вопросы. Северное царство бронированных белых медведей, панцербьернов, кующих себе латы из метеоритного железа, разумных и могучих, но лишенных деймона-души. Ведьмы, летающие на метлах, не злые и не добрые — просто ведьмы.

Плюс ко всему этому живые, настоящие люди. Девочка Лира, которой предназначена таинственная миссия. Ее деймон Пантелеймон — одновременно и отражение Лиры, и полноценная личность. Ее мать миссис Колтер — убедительный и отнюдь не картонный образ "сумасшедшего ученого", ради своих целей хладнокровно подвергающего пыткам детей. Ее отец лорд Азриэл — еще более сильный и безжалостный характер. Ее друг медведь Йорек Бирнисон со своей, нечеловеческой, этикой и правдой.

А еще легкая, едва уловимая (словно автор сам не мог понять, нужно ему это или нет) литературная игра: история Лиры, отправившейся на север спасать своего маленького друга Роджера, неоднократно перекликалась с историей Герды, отправившейся на поиски Кая. Параллели шли постоянно: миссис Колтер — Снежная Королева, короткое пребывание Лиры у миссис Колтер — пребывание Герды в заколдованном саду

старушки-волшебницы… Но вскоре рамки этой игры стали тесны Пулману и сюжет рванулся самостоятельно.

И все это было хорошо. До самого конца первой книги.

***

Потом началась вторая, "Волшебный нож".

Первые страницы вызвали неуловимое дежа вю. Отчасти сюжетом, отчасти героями и приемами. Казалось, что к написанию приложил руку Стивен Кинг. Вот его постоянный персонаж — отважный мальчик-подросток с семейными проблемами (мама сошла с ума, папа — летчик… ну, в смысле, нет папы, исчез) и внешними врагами (таинственные личности что-то ищут в доме мальчика, злые социальные службы норовят сдать его в приют). Но мальчик Уилл убивает одного из врагов и убегает в параллельный мир через окно в пространстве. Через случайно найденное окно, заметим. Дальше действие несется галопом, Уилл закономерно встречает Лиру, между детьми завязывается дружба, враги интригуют, миры множатся один за другим, и нам наконец-то сообщают сверхзадачу книги. Итак, приготовьтесь: лорд Азриэл, по совместительству папа Лиры, собирается убить Бога. С этой целью он привлек на свою сторону часть ангелов, собрал воинство во всех мирах, и последнее, чего ему не хватает — это попавшего в руки Уилла волшебного ножа. Ножик этот проделывает окна между мирами и может разрезать все на свете. Даже Бога.

Вот в этом месте я скептически ухмыльнулся.

Совершенно не собираюсь устраивать религиозный диспут. Оценим ситуацию с точки зрения банальной логики. Бог, по определению, всемогущ и всеведущ, альфа и омега, начало и конец. Бог в литературе выведен из субъектов, на которых можно покушаться именно потому, что он — Бог.

Если же Бога можно убить, то… то что? Правильно. Это не Бог. Вспоминая замечательную пьесу и замечательный фильм про царя Ивана Васильевича: "А Бог-то не настоящий!"

***

В третьей книге, "Янтарном телескопе", темп событий еще более ускоряется. Если уж придерживаться аналогии с

лошадиным аллюром, то первая книга шла рысью, вторая галопом, а третья пустилась в карьер. Перед нами возникают совершенно невероятные миры и их невероятные обитатели — вроде народа мулефа, передвигающегося на колесах и живущего в фактическом симбиозе с гигантскими деревьями, или крошечных человечков-галливспайнов, летающих на прирученных стрекозах. Выполняя данную еще в первой книге клятву, Лира вместе с Уиллом отправляются в царство мертвых, чтобы извиниться перед мальчиком Роджером, которого она не смогла спасти. А тем временем лорд Азриэл и примкнувшая к нему миссис Колтер вступают в противоборство с Богом…

Вот тут сюжет, сохранив всю свою увлекательность и яркость, окончательно теряет внутреннюю логику. И все это — на почве богоборческой сверхидеи Пулмана.

Бога так-таки и нет! Тот, кого все считали Богом, просто самый первый из появившихся ангелов. Пользуясь своим первородством, этот хитрый ангел задурил всем головы и объявил себя создателем Вселенной. А на самом деле ангелы, как и прочая жизнь, появились благодаря той самой таинственной Пыли. Пыль — это нечто вроде сознания материи, некие эманации жизни и разума. Сейчас она почему-то исчезает из Вселенной, что приводит к ужасным катаклизмам…

Итак, ангел-узурпатор по имени Властитель, притворяющийся Богом, на самом деле не всесильный и не всеблагой. В целях издевательства над людьми он соорудил еще и царство мертвых, куда люди попадают после смерти, чтобы бесконечно страдать. Никакого рая, разумеется, не предусмотрено. Почему? Видимо, от первородной злобности. Однако не всесильный и не всеблагой Бог Пулмана еще и не слишком умен. К моменту описываемых событий он зачем-то передал большую часть своих сил ангелу по имени Енох (да, тот самый, библейский), который по мере сил продолжает злобствовать, в то время как выживший из ума Властитель сидит в хрустальной клетке и бессмысленно хихикает.

Разумеется, с подобным Богом, сконструированным под нужды сюжета, уже можно и побороться.

Лира и Уилл открывают из царства мертвых дорогу в мир живых, куда радостно бегут настрадавшиеся покойники, на ходу рассуждая, как приятно будет умереть окончательно, развоплотиться и впасть в великий бесконечный круговорот атомов. Впрочем, некоторые почему-то развоплощаются не сразу, а вначале участвуют в великой битве против Властителя и его регента Еноха.

Основную роль в победе над зловредной парочкой играют Азриэл и перевоспитавшаяся от внезапного прилива материнских

чувств леди Колтер. Она, играя на похоти (!) Еноха, заманивает его в ловушку, причем всемогущий Енох, способный читать в человеческих душах, ее замысла так и не улавливает — объяснение тому, простите мистер Пулман, не более чем заботливо установленный в кустах рояль. Ну а далее, на краю бездонной пропасти между мирами, ведущей в ничто, Азриэл и Колтер устраивают с Енохом небольшой мордобой: перья из крыльев повыдергивали, искусали, исцарапали, да в результате и свалились в пропасть — вся троица вместе.

Так было покончено с наместником Бога. Ну а сам впавший в маразм Властитель был освобожден из хрустальной клетки Лирой и Уиллом, после чего рассыпался в пыль.

Покончив с многовековым угнетением, люди и ангелы решают строить новое, счастливое будущее, царство разума, мудрости и круговорота атомов. Правда, Лире и Уиллу еще надо выполнить некую неосознанную ими миссию, которая положит конец увяданию Вселенной, вернет на место Пыль и наполнит жизнь новыми соками. Об этой миссии дети не подозревают, но, к счастью, во время прогулки по лесу природа берет свое самым естественным и приятным образом.

Это, как вы наверняка догадались, и служит началом возрождения мироздания.

***

Как известно, если пишешь книгу про взрослых, то заканчивать ее надо свадьбой. А если книгу про детей — то когда тебе удобнее. Жениться героям Пулмана все-таки рановато, поэтому они отправляются по своим мирам, зная, что никогда больше не встретятся, поскольку для того, чтобы сохранить новый миропорядок, все дырки между мирами должны быть закрыты.

Ах нет, не все! Одна останется, чтобы выпускать покойников с того света и дарить им радость окончательного развоплощения…

Лично для меня трилогия Пулмана послужила еще одним доказательством того факта, что писатель, озабоченный слишком уж глобальной идеей (а что может быть глобальнее богоборчества?), невольно губит собственный мир и тратит талант на искусственные конструкты. В рамках взятой на себя сверхзадачи Филип Пулман не мог победить. Но очень уж хотелось! Поэтому из сюжетных кубиков (замечательных кубиков, ярких и необычных) был создан искусственный до нелепости конструкт — с бьющими друг другу физиономии ангелами,

поспешно перевоспитавшимися злодеями и героями, действующими так, как требуется автору, пусть даже вопреки здравому смыслу. Из кубиков можно, конечно, попробовать собрать Бога, но это будет именно Бог из кубиков, Лего-бог.

Что ни говори, а единственными удачными примерами атеистической фантастики были те, где авторы просто постулировали свое мнение: "Бога нет!" — и спокойно писали про инопланетян и будущее человечества. Каждая же попытка оттягать Бога за бороду и стащить с облака на грешную землю вызывает подозрение, что автор на самом деле в Бога верит, но за что-то на него глубоко обижен.

Очень жалко, что хороший роман в итоге превратился в "Библиотечку юного атеиста"…

24.10.2009

Том Пардом. Искупление Августа
Перевела с английского Ирина Гурова

Как может человек, не обладающий писательским даром, дать неведомой читательской аудитории представление о том, что значит жить под немцами? Как может он раскрыть реальность прусской тирании людям, живущим в обществе, которое никогда не было изуродовано подобной катастрофой? Вас никогда не вынуждали глядеть на помои, которые немецкие спутники связи льют в гостиные Европы. Вас никогда не допрашивала немецкая служба госбезопасности, заставляя мучительно взвешивать каждое слово, хотя сам он на человеческом языке изъясняется с изяществом тех, кто всю жизнь лает и хрюкает. Вы никогда не видели, как французские школьники стоят по стойке «смирно» у себя в классе и поют — на родном языке! — гимн, восхваляющий человека, являющего собой высший символ их унижения, немецкого кайзера!

Вы, возможно, не имеете представления о спутниках связи. По моим предположениям, раньше чем через пятьдесят лет мои заметки никто не прочтет. Если вам случится вскрыть конверт до указанного срока, могу только сообщить, что настанет день, когда люди будут передавать движущиеся изображения точно так же, как сейчас они передают сведения по радио и телефону. В каждом жилище будет аппарат, принимающий такие изображения. Теоретически каждый гражданин цивилизованного мира получит возможность наслаждаться (недорого и с полным удобством) любым творением гения, когда-либо созданным для подмостков. Пьесы Расина, оперы Люлли — все они будут в распоряжении любого фермера в самой безлюдной глуши.

Однако в обстановке, в которой мне пришлось влачить первые десятилетия моей жизни, редко выпадали случаи, когда спутники передавали подобные бесценные шедевры. Час за часом, день за днем европейские народы оглуплялись дешевыми развлечениями, подбираемыми толстозадыми болванами, которые распространили Kultur по Европе на острие своих штыков.

Один мой дядя провел шесть лет в тюрьме, потому что осмелился воспротивиться нашим немецким «опекунам» и "дружественному французскому правительству", чистящему их прусские сапоги. Сам я вынужден был жить в изгнании на самой южной оконечности Африки. С тех пор как мне исполнилось двадцать три года и почти до сорока лет — то есть в возрасте

наибольшей активности — я был отторгнут от родного языка, от искусства и музыки, еды и питья моего народа, от всего привычного и родного, что питает душу истинного патриота.

Меня зовут Алайн Варесс. Пишу я это в 1914 году, но родился я в Лионе в 1971-м. Всего два месяца назад я дышал отравленным воздухом девятого года XXI века. Всякий, кому. случится прочесть это в ближайшие годы, сочтет меня сумасшедшим. Через пятьдесят лет, когда гигантские самолеты будут с ревом проноситься в небесах, а люди будут привычно пользоваться электронными приборами, моя история покажется более правдоподобной. Если мистер Гринуэй прав, мои читатели к тому времени успеют привыкнуть к спутникам связи с электронными информационными системами. А несколько лет спустя, еще до конца XX столетия, вы увидите начало исследований, которые позволили мне — и тому, помешать кому я явился — совершить путешествие во времени.

Я не вполне понимаю научные открытия, благодаря которым оказался здесь. Я был просто служащим, бухгалтером в обсерватории, нанявшей меня. Могу только сказать вам, что принцип, которым я воспользовался, каким-то образом связан с колоссальными магнитными полями, окружающими некоторые астрономические тела. Один из молодых астрономов обсерватории понял, что время можно каким-то образом перекрутить, и начал ставить эксперименты на основе своих идей.

Он доверился сотруднице, ставшей для него чём-то вроде наперсницы, она все рассказала мне, и два года спустя я обнаружил себя во Франции, чуть в стороне от проселочной дороги, с соленоидом за спиной и портативным электронным прибором в руке. Устройство контролировало силы, генерируемые соленоидом.

А перед тем функционеры прусской диктатуры чуть было не перечеркнули мои надежды. Разумеется, они ничего не знали о моем намерении укрыться в прошлом. Однако преследовали меня, так как обнаружили, что я пробрался в родную страну по подложному паспорту. За пятнадцать минут до того, как я намеревался покинуть свое временное пристанище, ко мне заявились сотрудник госбеза и коллаборационист. Газовый баллончик вывел коллаборациониста из строя. А меткий пинок в соблазнительную цель оставил колбасную задницу извиваться на газоне. Однако к тому времени, когда я выехал на шоссе, вертолет уже преследовал мой грузовичок, мчавшийся по дороге. Когда я встал перед соленоидом, тридцать немецких солдат ринулись на меня, и я крепче сжал руль велосипеда в ожидании, когда задействованные мною силы проявят себя.

Невозможно объяснить, какое ощущение возникает после перемещения во времени. Я планировал прибыть в июнь 1914 года, чтобы провести месяц в Париже до того, как истечет последнее лето свободного города, но миновало две недели, прежде чем я начал по-настоящему наслаждаться парижской жизнью. Вначале мне день-деньской приходилось напоминать себе, что прохожие на улицах — настоящие люди. Да и еда первое время не доставляла удовольствия, так как я сомневался в ее питательной ценности.

Я планировал добраться до Парижа на велосипеде. И даже сумел раздобыть модель, пропорции и рама которой соответствовали образцам начала XX века. На велосипеде, с запасом хлеба и сыра, я мог доехать до Парижа и без денег. В Париже я продам двенадцать маленьких алмазов, которые захватил с собой, и проблема наличности будет решена. План был отличный, но, конечно, ничто никогда не происходит так, как вы рассчитали. Только немецкий штабист по тупости своей способен верить, будто он предусмотрел все детали. Я проехал пять миль, и тут шину прокололо. В моем собственном времени я на велосипеде не ездил и после часа бестолковой возни обнаружил, что не знаю, как пользоваться инструментами. И мой с трудом добытый велосипед остался лежать под кустом.

К счастью, я захватил с собой еще и дорогую гармонику на случай, если мне понадобятся деньги еще по пути в Париж. Гармоники за девяносто пять лет не очень изменились — даже название фирмы осталось прежним, — так что я продал свою в ближайшем городке и купил билет на поезд.

Мой поспешный отъезд, кроме всего прочего, означал, что при мне оказались кое-какие предметы, которые я не собирался брать с собой. Немцы застали меня, когда я переодевался, и мне пришлось оставить брюки 1914 года в саквояже и обойтись только пиджаком 1914 года. Мой бумажник все еще покоился в кармане брюк двадцать первого века, поэтому я прибыл в новую "среду обитания" с несколькими пластиковыми карточками, а также электронным счетным устройством — своего рода арифмометром, величиной и толщиной с визитную карточку. И еще я проследовал сквозь время с газовым баллончиком, который был прикреплен к карману рубашки.

И вот я зажил в Париже среди роскоши последнего безоблачного июня в истории этого города — столицы пока еще свободной республики. Я обедал в ресторанах, где немцы были просто иностранцами. Я сидел в кафе и наблюдал, как входят и выходят впервые увиденные мною истинно свободные французы и француженки. Я занимался любовью с молодыми женщинами,

которые никогда не принаряжались и не вертели задницами в надежде, что их ухватят тевтонские лапы. И в последний день июня, пока газеты все еще печатали первые сообщения о реакции на убийство Франца-Фердинанда, я отправился к бельгийской границе для встречи с таинственным Гринуэем.

Три дня спустя я увидел, как человек, вовлекший меня в это необычайное приключение, катит на своем велосипеде в сторону от центра городка. Я возвращался в наш отель после посещения железнодорожной станции и узнал его, поскольку накануне вечером определил, что это именно тот, кто мне нужен. В городке он оказался единственным anglais:[22] подходил по возрасту и объяснял, что снимает фотографии для книги о французских провинциях, которую пишет — в точности то же говорил и Гринуэй, о котором я знал.

Было уже 3 июля. Через пару-другую дней он, согласно имевшейся у меня информации, покинет отель и поселится на ферме Динаров; менее чем через тридцать дней во Франции и Германии будет объявлена мобилизация, и орды генерала фон Клюка вторгнутся на нейтральную территорию Бельгии. Воплощение шедевра прусской милитаристской морали — плана Шлиффена, что преисполняет их такой гордостью, начнется тогда, когда немецкие войска пересекут границу, которую апостолы Kultur поклялись уважать. Огромные армии под командованием фон Клюка начнут оттеснять более слабые французские и английские части, численность которых была до смешного мала, поскольку никто в Париже и Лондоне не верил, что орды по ту сторону Рейна действительно решатся нарушить свою клятву и растоптать нейтралитет Бельгии. Войска фон Клюка вторгнутся во Францию по дуге, обойдут Париж, и французская армия окажется в окружении менее чем через полтора месяца после начала военных действий.

Такой была немецкая стратегия, и фон Клюк скрупулезно следовал плану, превращая его в реальность, изуродовавшую всю мою жизнь. Каждый ужас, который омрачал мое существование, каждая секунда тех девяносто пяти лет стыда и тирании, которые последовали за капитуляцией французской армии в сентябре 1914 года, были прямым следствием беспощадности, с какой фон Клюк выполнил маневр, планировавшийся немецким генеральным штабом почти два десятилетия. Однако был момент, когда фон Клюк подумывал внести изменения в разработку Шлиффена. Фон Клюк признался в этом в своих мемуарах. Его солдаты устали. Он полагал, что французская армия истощила свои силы, безуспешно атакуя центр немецкого фронта. И он не знал, что в Париже все еще находятся несколько дивизий резерва.

Фон Клюк был уже готов завернуть дугу перед Парижем — где ему во фланг нанесли бы удар резервные силы, остающиеся в распоряжении командующего парижским сектором. И этой ошибки он избежал (как вы заметите, если внимательно прочтете его мемуары) только из-за полученной срочной радиограммы, не зашифрованной, в которой немецкое верховное командование сообщало ему о французских резервах и без экивоков приказывало и дальше действовать в строгом согласии с первоначальным планом.

Но кто послал эту радиограмму, от которой в конечном счете зависел успех плана Шлиффена? На исходе 1940-х годов небольшая группа американских академиков посвятила этому вопросу немалую часть своей научной работы. Лидеры Германской Пан-Европейской гегемонии официально ни разу этого не признали, однако свидетельства нескольких немецких штабистов указывали, что никто в главном штабе этой радиограммы не посылал.

В 1996 году, роясь в стопке старых книг у букинистов Йоханнесбурга, я наткнулся на томик, автор которого, Раймонд Франсуа Мартинель, жил в американском городе Филадельфия и писал под псевдонимом L'Exile.[23] Назывался томик "Августовские заговоры", и на его страницах Мартинель изложил свою всеобъемлющую теорию, основанную на открытиях куда более известной писательницы Маделины Леско, исследовавшей загадочные события, имевшие место на ферме вблизи бельгийской границы. Некий англичанин по фамилии Гринуэй снял там комнату в июле 1914 года. Когда началось немецкое наступление, Гринуэй сказал дочери Динаров, что он английский агент. У него с собой было радио, и Гринуэй утверждал, что должен сообщать сведения о передвижениях немецких войск. Дочь и ее брат спрятали его, когда немцы обыскивали ферму в поисках оружия. В какой-то момент брат решил уйти из дома с дробовиком и присоединиться к своим друзьям, намеревавшимся героически обстрелять ту или иную немецкую колонну. Гринуэй испугался, что юноша привлечет внимание к ферме. Он пригрозил ему ножом, отнял дробовик и в схватке ранил юношу ножом в бедро. Рана загноилась, и несколько недель спустя юноша лишился ноги. Через много лет, услышав о спорах по поводу радиограммы, он написал мадам Леско. Когда та выбрала время поехать в его деревню, он уже умер от алкоголизма, и ей пришлось собирать историю по крупицам, расспрашивая его друзей.

По мнению Раймонда Изгнанника, история эта доказывала, что мистер Гринуэй был немецким шпионом. Каким-то образом

он узнал от агентов в Париже о резервных дивизиях. И взял на себя смелость радировать приказ от имени своего начальства.

Это была увлекательная, хорошо написанная книга. Вечер, который я посвятил ей, доставил мне массу удовольствия. Однако по многим причинам поведение «шпиона» показалось мне маловразумительным. Способен ли какой бы то ни было немец так дерзко действовать через голову начальства? А потом, годы спустя, я узнал о возможности путешествий во времени…

Меня часто критиковали за опрометчивость, и, бесспорно, иногда она ставила меня в тяжелое положение. С другой стороны, меня чуть было не арестовали, потому что я решил задержаться на пятнадцать минут, чтобы еще раз тщательно проверить все приготовления. И вот теперь, увидев, как он едет куда-то на своем велосипеде, я схватил свою машину, оставленную перед входом в отель. Я уже сумел заглянуть в дверь его номера и увидел — там стоит большой кофр. Моя поездка на станцию исключила возможность, что он оставил там что-то на хранение. В течение получаса после того, как городок остался позади, я следовал за беглецом по мощеной белой дороге мимо аккуратных фермерских домиков и ухоженных полей — французская сельская местность не была изуродована ордами автомобилей, кварталами загородных резиденций и другими «благами» немецкого технического и экономического прогресса. Затем он свернул на проселок, и я остановил его в уединенном месте, где мы были наедине с ветром, который гнал рябь по пшеничным полям обочь дороги.

Когда я наставил на него револьвер, глаза его выпучились, а руки взлетели вверх с такой торопливостью, что я чуть не расхохотался. Я подумал, что он отдаст мне ключи, едва я их потребую, но вместо этого он начал мне возражать. В его кофре, настаивал он, нет ничего ценного.

Вам следует помнить, что мое нападение на сотрудника госбеза и его французского лакея было первым серьезным насильственным действием в моей жизни. Я полагал, что Гринуэй будет покорно выполнять мои инструкции, едва посмотрит в дуло револьвера. Мне и в голову не приходило, что он примется спорить со мной.

Конечно, я мог бы просто убить его. Я уже решил, что готов взойти на гильотину. Однако пока я просто хотел получить доступ к его радио.

Я было подумал оглушить его рукояткой револьвера, но тут же понял, что не знаю, куда бить и с какой силой. Вместо этого я попытался оборвать его вяканье, сказав единственные слова, которые могли убедить, что я готов спустить курок:

— Дайте мне ключи, месье. Я не хочу вас убивать, но не пытайтесь убедить меня, будто я этого не сделаю. Таким образом я вернее всего помешаю некоему генералу фон Клюку получить вашу знаменитую радиограмму. Я пожертвовал всей своей жизнью, лишь бы помешать вам послать ее. Если мне придется взойти для этого на гильотину, я согласен.

Он заткнулся, едва до него дошел смысл моих слов. Затем на его лице отразилось волнение — то волнение, которое я время от времени видел на лицах ученых, когда они натыкались на какую-нибудь новую идею.

Вяканье возобновилось, и, слушая этот поток французского в английском исполнении, я понял, что он опять забыл про револьвер. Все его мысли сосредоточились на том, что я, оказывается, тоже путешественник во времени. А это, как и мое присутствие здесь, подтверждает успех его миссии. Голос вырвался из моей груди рыком, который, подозреваю, был также воплем боли:

— ОТДАЙ МНЕ КЛЮЧИ! И нож на твоей лодыжке, о нем я тоже знаю.

На этот раз он взял себя в руки. Отдал мне нож. Отдал мне ключи. Снял галстук и позволил мне привязать кисти к раме его велосипеда. Но все это время он продолжал говорить и говорить, пытаясь убедить меня, что нам с ним следует "обменяться информацией касательно хода наших альтернативных историй", что я должен поддержать его безумное покушение на судьбу цивилизации.

Я располосовал обе шины его собственным ножом и уехал, а он все еще бормотал мне вслед. Выезжая на мощеную дорогу, я откинул голову и торжествующе рассмеялся. Кто-нибудь когда-нибудь за всю историю французского народа совершил что-нибудь сравнимое с этим? Все, что наговорил так называемый англичанин, только подтверждало верность моей гипотезы. Он действительно добрался сюда для передачи таинственной радиограммы, которая принудила генерала фон Клюка противостоять соображениям, убеждавшим, что ему следует подправить план Шлиффена. И Гринуэй предпринял подобное путешествие — каждая его фраза подтверждала это! — поскольку в истории его мира фон Клюк последовал своему инстинкту, план Шлиффена провалился, и Франция в конце концов сумела одержать победу! Я же прожил всю свою жизнь в обществе, где источником всех бед был тайный агент, самонадеянно изменивший ход истории!

Когда я вернулся в отель, в номере Гринуэя возилась горничная. Мне пришлось спрятаться в собственном, пока она не

завершила уборку. Я понял, что нашел радио, когда, порывшись в кофре Гринуэя, наткнулся на металлический ящик в правом углу на самом дне. Но когда я попытался извлечь ящик из кофра, оказалось, что он приварен к днищу. Я принялся торопливо искать замок, а затем выругался, сообразив, что представляют собой четыре медных диска на левой стороне ящика. Диски выглядели кнопками, но на самом деле это было электронным приспособлением. Гринуэй обеспечил ящик электронным комбинированным замком под видом механического запора.

И снова мне удалось совладать со своей пресловутой опрометчивостью: прежде чем покинуть номер, я убедился, что коридор свободен. Невозмутимо и осторожно я прошел через кафе при отеле и тем же шагом, с той же невозмутимостью проследовал из отеля в магазин, расположенный в ста метрах. Я купил крепкий топорик с длинной рукояткой и проследил, чтобы его хорошенько упаковали, а затем вернулся в номер Гринуэя и запер за собой дверь.

На этот раз под дулом револьвера оказался я. Выяснилось, что имелся еще один нож — складной, не упомянутый в сообщении мадам Леско. Мой пленник разрезал свои путы и поймал попутный грузовик.

Я был уверен, что он меня не застрелит. Он явно предпочитал избегать действий, которые могли бы привлечь к нему серьезное внимание. По его требованию я положил топорик и вновь был вынужден выслушивать его бредни.

Вначале я предполагал, что он был немецким агентом, переправленным в прошлое немецкими заговорщиками, которые пытались исправить ошибки своих генералов. Теперь мне пришло в голову, что он действительно мог быть эгоманьяком, верящим, будто ему дозволено единолично определять судьбу всего человечества. По его словам, все XX столетие представляло собой серию непоправимых катастроф — и каждый кошмар в его перечне происходил исключительно из-за того, что немецкие варвары потерпели поражение в своей попытке завоевать Францию. В том будущем, из которого он явился, план Шлиффена действительно провалился, потому что фон Клюк отступил от данных ему инструкций. Война, утверждал Гринуэй, превратилась в «пат», и миллионы людей погибали в прямых атаках на укрепленные позиции, которые тянулись поперек всей карты Европы. А после этой была вторая война, даже еще более страшная, чем первая. Были кровавые бойни и революции, и — как прямое следствие провала плана Шлиффена и новой немецкой попытки завоевать Европу — создание супербомб, способных уничтожать целые города. И он здесь — я должен,

должен ему поверить! — лишь для того, чтобы предотвратить гибель всего человечества. Ну а для этого подонки кайзера Вильгельма должны стать властителями Европы.

Даже если он и был немецким агентом, то явно не профессиональным. Говорил он так, как ученые, с которыми мне довелось встречаться. Был он щуплым, костлявым, с выпирающим животом. И держал свой револьвер, будто безобидную курительную трубку.

— Чем вы занимались в вашем времени? — спросил я.

Он словно бы растерялся — как будто не мог понять, почему я задаю личный вопрос, а потом ответил, что был физиком. Где-то под Лондоном, утверждал он. Он работал с ускорителями — понятие мне известное — и экспериментировал с некими элементарными частицами, о которых я никогда не слышал, но которые он называл «кварками». И он разработал принцип путешествия во времени самостоятельно, в одиночку, и в глубокой тайне, ибо почитал своим священным долгом спасти мир от ужасов, которые его постигнут, если план Шлиффена провалится. Он всегда интересовался историей (странное увлечение для физика) и задумал свое безумное предприятие лишь потому, что всегда видел в решении фон Клюка подправить план Шлиффена поворотный пункт европейской истории XX века.

Некоторые его фразы, касавшиеся научных вопросов, походили на те, что я слышал в разговорах в кафетерии обсерватории. Но что это меняло? Разве не могла группа немецких заговорщиков использовать в качестве агента настоящего физика? В конце-то концов они не могли предвидеть, что ему придется иметь дело с кем-то вроде меня.

Вероятно, что-то в выражении моего лица насторожило его. Он попятился и, схватив револьвер двумя руками, прицелился мне в ногу.

— Не надейтесь, что у меня не хватит духу выстрелить. Я поймал вас у себя в номере над открытым кофром. Все мои документы в полном порядке. Безусловно, я предпочел бы не привлекать к себе внимания. Но это не значит, что я откажусь от мысли обезвредить вас хотя бы на пару-другую недель.

Я поднял руки и, пятясь, вышел из номера. Вечером в коридоре раздался шум, и я услышал, как он отдает распоряжения двум дюжим парням, которые выносили его вещи из отеля.

Первое письмо было доставлено четыре дня спустя. Я был потрясен, сообразив, что принес его мне Леон Динар — молодой человек, которому через несколько недель предстояло лишиться ноги. Он явно звезд с неба не хватал, но происходившее разожгло

его любопытство. А потому было нетрудно заставить его разговориться. Гринуэй приехал раньше, чем намеревался, и с той минуты не выходил из своей комнаты. Прежде он объяснял месье Динару, что хочет понаблюдать ежедневную жизнь фермы, а теперь заявил, что работает над своей книгой и его нельзя отвлекать.

Леон был не против сгонять на велосипеде в город, дабы навестить своего «друга». При всей его внушительной мускулатуре он был еще настолько юным, что отгадать пол его «друга» не составило труда. Я вручил ему чаевые, достаточные для приятного общения в местной кондитерской, и сказал, что ответ приготовлю к следующему вечеру, если он согласится съездить в город еще раз.

Само письмо оказалось повторением бредовых измышлений Гринуэя, но изложенных более логично и освеженных дополнительными подробностями. Вновь меня попотчевали сотнями тысяч молодых людей, которых косили пулеметы, когда их поднимали из окопов в атаку, огромными, испепеляющими города бомбами и угрозой, которую несли бомбы.

Утверждения эти излагались с такими подробностями, что я был бы полным тупицей, если бы не понял: в определенной мере они опираются на факты. Честно говоря, имелась одна подробность настолько чудовищная, что было трудно поверить, чтобы кто-то — и уж тем более немецкий агент — мог бы ее измыслить. Во время второй войны, утверждал он, прусские автоматические куклы пошли за тираном, который довел извращенные инстинкты немецкой души до их логического завершения и использовал достижения техники современного ему общества, чтобы убивать газом и сжигать миллионы людей.

Над этой частью его письма я размышлял более часа. Мог ли какой бы то ни было немецкий агент сказать подобное о своем народе?

Но как, как я мог поверить его утверждению, будто генералы союзников столь бессмысленно транжирили людские ресурсы своих стран в массированных лобовых атаках, которые он описывал с таким смакованием? Я мог бы поверить, что так поступали немецкие генералы. Ну, и английские, вероятно, могли бы. Но генералы моей родной страны? С их традицией воинской доблести и блистательной стратегии? Мой собственный отец следил за наступлением японской армии, когда она оккупировала Китай, двигаясь под прикрытием бронированных машин и пикирующих бомбардировщиков во второй половине века. Как мог я поверить, что европейские генералы до этого не додумались? На протяжении войны, которая, предположительно,

длилась несколько лет?

Но неважно. Даже если каждое его слово было истиной, какое это имеет значение? Один факт оставался неопровержимым. Даже если все его утверждения были чистой, неприкрашенной правдой — а я этому не верил, — конечно же, все французские солдаты, погибшие в битвах, о которых сообщало его письмо, предпочли бы отстоять мир, где в конце концов восторжествовали бы цивилизация и справедливость. Разве не лучше умереть, сражаясь, чем прожить век в позоре и варварстве, на которые он обрек нацию, признанную душой Европы?

Я посылал ему наихитрейшие ответы, какие только мог придумать — лишь бы он продолжал писать мне. Леон сновал между нами каждый день. Под конец я предупредил Леона, что в доме его отца поселился шпион, подосланный немцами, поскольку немцы считают, что убийство австрийского эрцгерцога скоро приведет к войне. Ну а сам я правительственный агент, получивший задание собрать неопровержимые доказательства деятельности Гринуэя.

Однажды вечером я поехал на ферму с Леоном и спрыгнул с велосипеда задолго до того, как Гринуэй мог бы заметить меня на дороге. Я подошел к дому сзади через луга и присоединился к Леону у задней двери. По словам хозяина, Гринуэй всегда открывал дверь комнаты, когда Леон возвращался из города с письмом. Вдвоем мы легко могли захватить коротышку врасплох и ворваться в его покои.

Дверь комнаты Гринуэя заскрипела, когда я еще только крался вверх по лестнице за широкой спиной Леона. «Англичанин», очевидно, высмотрел, как Леон слез с велосипеда перед домом, и, конечно, недоумевал, почему парень мешкает.

На этот раз из револьвера прицелился я. Гринуэй растерялся, одной рукой придерживая дверь, и, обогнув Леона, я бросился к нему.

Он попытался ударить меня ногой, и мы сцепились на верхней площадке. На мгновение мой взгляд уловил манящий соблазнительный кофр в комнате за открытой дверью.

Жгучая боль пронизала мою ногу. Мои пальцы на его запястьях разжались, он снова пнул меня ногой и вырвался. Дверь захлопнулась, я услышал, как щелкнул засов.

Я обернулся, все еще не в силах распрямиться от боли, и увидел, что Леон смотрит на меня с ухмылкой поперек широкой физиономии. Олуха случившееся только насмешило! Я заорал на него и тут увидел, что внизу у лестницы стоит его сестра. А позади нее — их родители, и я выпрямился, пренебрегая болью и стараясь придумать объяснение, которое удовлетворило бы умы,

не затуманенные сменой трех поколений под ярмом тевтонской оккупации.

Естественно, Гринуэй теперь попытался убедить сестру Леона в том, что он английский агент, как указывалось в материалах, собранных мадам Леско. Он даже показал Эстелле радио и удостоверение личности, которое сумел подделать. Леон продолжал доставлять мне письма, но был совсем сбит с толку.

Однако Гринуэй не хуже меня знал, что я могу положить конец всем его грезам, просто швырнув несколько слов соответствующим немецким офицерам, когда орды в серых шинелях будут маршировать мимо дома Динаров. Эстелла сумела спрятать его и радио от обычного немецкого обыска в поисках ружей и дробовиков, но сумеет ли она укрыть его от обыскивающих, которых предупредили, что им следует искать английского агента и его радио? Пусть от мысли о необходимости сотрудничать с немецкими садистами у меня мурашки бегали по коже, но ведь ирония заключалась в том, что это был простейший способ обеспечить их окончательное поражение.

Но теперь его письма сосредоточились на новой идее: почему бы ему и мне не стать союзниками и не воззвать к ведущим мировым фигурам? У нас же уже есть его радио, настаивал он, как неопровержимое доказательство, что мы прибыли из иной, более передовой эпохи. И вместе мы могли бы «предсказать» события ближайших недель, что послужит еще одним доказательством. В Англии, подчеркнул он, ему удалось разбогатеть, заключая пари на исход разных спортивных состязаний, искусно используя эту всем известную английскую страсть. Его связей, возможно, мало, чтобы обеспечить нам встречу с премьер-министром, но они, несомненно, откроют доступ к "смелому политику", который в настоящее время занимает пост первого лорда адмиралтейства.

Вероятно, я сразу же отверг бы его предложение, если бы он не назвал Уинстона Черчилля. Кроме него он не нашел кандидатуры — разве что романист Г.Д.Уэллс, который следующие тридцать лет не уставал восхвалять немецких завоевателей за их "Объединение Европы"! С другой стороны, первый лорд адмиралтейства был с детских лет одним из моих любимых героев. Он единственный из всех английских политиков считал, что никакое английское правительство не может признать завоевание, опирающееся на нарушение нейтралитета Бельгии. Он один до конца жизни вступался за французский народ.

Я мог даже представить себе, что Черчилль поверит нашей истории. Его пристрастие к дерзким идеям было легендарным. И, разумеется, у меня имеется материальное доказательство,

которое смутило бы любого закоренелого скептика. Политический деятель, не слишком осведомленный в технике, мог бы и не понять, чем радио Гринуэя так уж принципиально отличается от современного беспроволочного телеграфа. А вот мой калькулятор покажется чудом всякому, кто понаблюдает за тем, как он умножает одно число на другое.

И разве не будет лучше, если Черчилль прислушается к нам, так что мы и спасем Францию от поражения, и поможем ей избежать испытаний затянувшейся войны?

К этому времени я прочел уже дюжину пространных писем Гринуэя и утратил прежнюю уверенность в том, что он был орудием чудовищного плана, состряпанного какими-то тевтонскими фанатиками в будущем мире, где наступление фон Клюка завершилось заслуженным фиаско. В своих письмах он много порассказал мне о себе, причем некоторые эпизоды указывали, что он действительно тот, за кого себя выдает — одинокий человек, скорбящий о судьбе мира в уединении своего кабинета. Он даже занимался наблюдением за птицами — традиционное развлечение одинокого англичанина. Из одного его письма следовало, что он решил покинуть собственное время — видимо, в начале восьмидесятых годов его XX века, — потому что один из мировых лидеров, американский президент, если я верно его понял, вовлек страну в гонку вооружений, которая, заключил Гринуэй, "неизбежно привела бы к войне, означающей полную гибель цивилизации". Его достижения как ученого, утверждал он сам, были «посредственными». По его словам, он всегда знал, что если ему и удастся сделать важное открытие, то лишь благодаря непредвиденной случайности. Он держал свои открытия втайне и совершил это путешествие по собственной инициативе, так как поверил, что наконец-то ему представился случай оказать миру важную услугу.

Эта картина отвечала моим собственным наблюдениям за учеными. Многие из них обращались к политике, когда понимали, что им, вопреки их честолюбивым мечтаниям, никогда не стать вторым Пастером или Кюри. И многие с легкостью убеждали себя, что их обширные научные познания гарантируют глубокое понимание политических проблем.

Я расхаживал взад-вперед по своему номеру. Письма Гринуэя принимали все более и более возбужденный тон. И 27 июня — за шесть дней до того, как первые немецкие сапоги начнут попирать бельгийскую землю — я согласился встретиться с ним.

Согласно уговору я должен был сойти с велосипеда в ста ярдах от дома так, чтобы он меня увидел. Тогда, убедившись, что я не проскользну в его комнату, пока он будет отсутствовать, он

выйдет из дома, мы встретимся на дороге и обсудим наши следующие шаги.

Однако, когда я слез с велосипеда, он уже поджидал меня за живой изгородью. И я вновь оказался под прицелом его револьвера.

Я предполагал такой ход событий, а потому оставил свой пиджак в отеле и приехал в одном жилете. Едва он выступил из-за изгороди, я поднял руки и начал поворачиваться так и эдак, показывая ему, что мне негде было припрятать револьвер.

— Я безоружен, — сказал я. — Поймите это. Я никакой угрозы не представляю.

Его голос звучал прерывисто и хрипло, будто он несколько дней ни с кем не разговаривал.

— Мне нужен только калькулятор, Алайн. Отдайте мне его и можете ехать.

Я пожал плечами.

— Я здесь как раз для этого.

— Я не могу оставаться тут, пока вы рыщете вокруг, и я не могу быть уверен, что вы передумали. Я по-прежнему хочу, чтобы вы присоединились ко мне позднее — после того, как я налажу нужные контакты.

Я снова пожал плечами.

— Калькулятор у меня в кармане жилета. Что я должен с ним сделать?

— Положите его на землю. Затем отступите на три шага. Напоминаю, я вооружен.

Я достал калькулятор из жилетного кармана и, положив его, попятился на три шага. Он смерил меня недоверчивым взглядом, затем шагнул вперед, не спуская глаз с моего лица.

На один лишь момент его взгляд сместился. Он наклонился к калькулятору и, видимо, подчинился желанию нажать на кнопки и убедиться в исправности приборчика.

Я все время опасался, как бы он не заметил, что одна из авторучек в нагрудном кармане моего жилета была вдвое толще, чем следовало бы, но, видимо, в обществе, откуда он явился, дезориентирующие газы еще не были открыты. Он поднял глаза, когда я шагнул к нему, но еще не был готов выстрелить. Из баллончика вырвалась струя жидкости и расплылась облаком перед его лицом. Я шагнул в сторону — на случай, если он выстрелит, — но он сел на землю и уставился на меня с тем же идиотичным выражением, которое я заметил на лице сотрудника госбеза.

Эстелла хлопотала на кухне, но на этот раз я мог пренебречь соблюдением законности. Она, в свою очередь, опустилась на пол,

а я схватил топорик, который ее семья держала у задней двери.

После моего тогдашнего визита Гринуэй поставил на своей двери еще и пружинный замок, но теперь мной владела бешеная ярость. Топорик крушил дерево и металл. А затем еще несколько ударов сбили замок с кофра. Я взмахнул топориком, и он обрушился на металлический ящик и его сатанинское содержимое.

Раньше я допускал возможность, что Гринуэй купит замену своему радио, но сейчас понял: моя тревога была совершенно беспочвенной. Ему требовалась портативная, работающая на батарейках модель, которую нетрудно спрятать и которая способна посылать сильный сигнал на пятьдесят километров. Здесь и сейчас ничего подобного не существовало. Каждый удар моего топорика разбивал детали, замену которым можно будет найти только через пятьдесят лет, если не позже.

Он уже стоял во дворе, когда я выбежал наружу. Но какое теперь это имело значение? Его револьвер был засунут за мой пояс. Калькулятор остался при мне. Его радио было разбито вдребезги. Я нацелился в него газовым баллончиком; он заслонил лицо ладонями и попятился.

Я чуть не расхохотался, когда поглядел через плечо и увидел, что он преследует меня на своем велосипеде. В конце-то концов он был почти на пятнадцать лет старше. И тут я обнаружил, что он сокращает расстояние. Я ведь уже проделал путь до фермы и напрягал все силы, работая топориком. К тому же пребывал в перевозбуждении с той секунды, когда он прицелился в меня.

Я вытащил револьвер из-за пояса и, напряженно крутя педали, сумел высыпать патроны на дорогу. Затем я помахал ему револьвером и бросил оружие в пшеничное поле. Сейчас было не время стрелять в кого-то. Я мог сделать для Франции только одно — и твердо намеревался совершить это.

Я надеялся, что он остановится и попробует подобрать револьвер, но он продолжал нагонять меня. Лицо у него до того побагровело, что могло показаться, будто он обгорел на пляже. Я нагнулся над рулем, словно спуртуя на последней миле Тур де Франс, и сумел увеличить расстояние между нами на несколько метров. Затем я задохнулся, и он их отвоевал, а затем приблизился ко мне еще на метр.

В ретроспективе это была та смесь великолепия и комичности, оценить которую в полной мере способен только галльский ум. Настал один из решающих моментов европейской истории. Судьба всех мужчин и всех женщин, родившихся в XX веке, зависела от исхода происходящего — участниками были только двое запыхавшихся мужчин средних лет, отчаянно

крутивших педали на проселочной дороге.

Разумеется, я мог бы отдать ему калькулятор. Я был даже способен понять, отчего у него могло зародиться подозрение, что ему не стоит мне доверять. Но, предположим, я отдал бы ему калькулятор, а затем оказалось бы, что он все-таки был путешествующим во времени немецким агентом, отправленным изменить естественный ход истории? И даже если он был одиноким эгоманьяком и действительно открылся бы мировым лидерам, вдруг ему поверили бы только немцы? Разве сам план, приведший его сюда, не доказывал, что он мрачный фанатик, который поможет прусским ордам растоптать Европу своими сапогами, если сочтет, что другого способа достижения его цели не существует?

Мимо нас прогромыхали два-три деревенских грузовика. Автомобиль коммивояжера, чихая, проследовал во встречном направлении. Я обогнул запряженную лошадью повозку, и в следующее мгновение мой обезумевший преследователь промчался мимо лошадиной головы.

Я понял, что он меня обязательно догонит и решил ехать помедленнее в надежде, что присутствие возчика принудит его держать свою ярость в узде. Но, поравнявшись со мной, он потянулся к моему плечу, и я резко свернул к обочине, вытаскивая из кармана газовый аппаратик.

Велосипед выскользнул из-под меня. Я упал на Гринуэя, и мы сплелись в клубок из рук, ног и велосипедов. Рама больно вжалась мне в спину. Он ухитрился накатиться на меня сверху, и, увидев обрушивающиеся на меня кулаки, я закрыл руками лицо и горло.

Эти кулаки забарабанили по моей груди, словно он пытался оглушить меня, остановив мое сердце. Где-то надо мной заржала лошадь.

Я почувствовал болезненное нажатие на мою грудную клетку — мне в кожу словно вонзился какой-то острый уголок — и почти улыбнулся, оценив иронию ситуации.

Я понятия не имею, где Гринуэй находится сейчас. Возможно, в эту самую минуту он сидит в какой-то комнате — в Англии? в Германии? — и беспомощно пялится на бесполезную погнутую вещицу, которую в бешенстве сам же и испортил.

Сегодня 6 августа — День Льежа, День Высшего Ужаса, день, когда надменные приспешники кайзера совершили преступление, которое сохранится в памяти каждой благородной души с этого дня и до конца времен. Лишь несколько часов назад, когда город Льеж проигнорировал немецкий ультиматум и отказался капитулировать, над ним пролетел немецкий цеппелин и убил

девятерых беззащитных граждан города, бросая бомбы с воздуха. Каждый год моей жизни с раннего детства я поминал 6 августа во всех церемониях, в которых мне удавалось участвовать. Мальчиком во Франции я принадлежал к непокоренному меньшинству тех, кто собирался на тайных поминальных службах и приходил в школу в траурной одежде. В годы моего изгнания я всегда присоединялся к безмолвному шествию по улицам Йоханнесбурга, которое мои товарищи-экспатрианты организовывали для ежегодного напоминания о кошмарах, клубящихся в немецких душах. На этот раз я воздам дань уважения Девяти Мученикам, завербовавшись в армию Французской Республики. На приобретение необходимых документов ушли почти все мои оставшиеся деньги, но я уверен, никто не станет особенно придирчиво их рассматривать.

Повсюду вокруг меня доблестные молодые люди дружно поют, маршируя в направлении границы, и лица их горят воодушевлением в убеждении, что они вступают в сражение с величайшим злом, какое только знавал наш мир. Для них это просто убеждение, интуиция сознания, не помраченного черным тевтонским туманом, окутавшим мою нацию. И на этот раз вместе с ними будет маршировать некто, кто вступает в сражение, побуждаемый опытом, некто, кто своими глазами видел ужасы мира, в котором предстоит жить им и их потомкам, если они позволят победить себя.

И больше август не будет вспоминаться как месяц, когда зло одержало свою величайшую победу. И 6 августа никогда не станет днем, который человечество вынуждено вспоминать со стыдом и муками.

24.10.2009

Грей Роллинс. По сходной цене
Перевела с английского Людмила Щёкотова

Джейн покинула меня неделю назад. Для моего же собственного блага, как она выразилась. Не ушла налегке, а съехала обстоятельно, с деловито упакованными вещами. Теперь она проживает в центральном жилом квартале Нью-Лондона, в шикарных апартаментах второго вице-президента одного из наших городских банков. Его главный служебный долг, насколько мне удалось понять, состоит в бесперебойном снабжении банковского персонала туалетной бумагой. Должен признать, я тяжело перенес этот удар. Ощущение, что тебя выбросили за полной ненадобностью, на свалку вместе с прочими бытовыми отходами, отнюдь не числится в моем скромном списке житейских радостей. Короче, я впал в депрессию, и раздражало практически все, что имело несчастье меня окружать.

Люди говорили то слишком громко, то невнятно бормотали, свет и краски казались то чересчур яркими, то омерзительно тусклыми. Однако домой после работы я совсем не стремился. Мой новенький семейный тоннель — предмет недавней законной гордости! — теперь угнетал меня своей непривычной пустотой.

Словом, за неделю у меня появилась привычка бродить после работы по городу., В тот вечер я слонялся по главному торговому кварталу, который охватывает кольцом Большой Атриум, символизирующий центр Нью-Лондона. Все туристы, как водится, первым делом приходят сюда и сразу начинают громогласно возмущаться. "Это место, — восклицают они, — почти точь-в-точь наш ближайший соседний гипермаркет! И какого рожна надо было лететь на Луну, только чтобы увидеть еще одну распродажу в провинциальном торговом центре?!" Высказавшись, они наконец извлекают свои пухлые портмоне с кредитными карточками и пускаются в фантастический марафонский загул по скопищу магазинов, магазинчиков, бутиков, сувенирных лавочек и далее везде (и вот это, и это тоже… tres bien, беру!).

Мне захотелось пить, поэтому я поднялся на второй уровень, где торговал прохладительными напитками старина Кении. Он потерял обе ноги из-за несчастного случая при взрывных работах, как раз на этом самом месте, когда сооружали котлован для Атриума. Теперь у Кении был собственный маленький павильончик, и я никогда не упускал случая, оказавшись поблизости, внести свою лепту в процветание его скромного дела.

Если мы не будем поддерживать ветеранов, которые обеспечили нам комфортную жизнь на Луне, всех нас следует отправить на свалку.

— Добрый вечер, мистер Бринкман! — радушно улыбнулся старина Кении. — Что я могу сегодня для вас сделать?

Я попытался улыбнуться ему в ответ, но ничего хорошего у меня не вышло, и я ограничился единственным словом:

— Пепси.

Старик бросил на меня проницательный взгляд.

— Неудачный день, мистер Бринкман?

— Неудачная жизнь, Кении, — мрачно буркнул я. Кении кивнул с понимающим видом.

— Женщина. Не вы первый, не вы последний, я часто тахбе вижу, мистер Бринкман. Нехорошо это, когда мужчин много, а женщин мало… Конечно, возникают проблемы, а как же иначе?.. — Старик задумчиво покачал головой. — Никак не могу понять, отчего здесь никто не додумался до того, что предложил еще на Земле мой прапрадед. Он открыл первое брачное агентство, где можно было заказать невесту по почте! — Тут он ухмыльнулся и весело мне подмигнулЕсли кто займется в Нью-Лондоне таким богоугодным делом, за неделю разбогатеет, как Крез! Запомните это на всякий случай, мистер Бринкман.

Болтая, Кении тем временем лихо катался вдоль стойки в мобильном кресле, подвешенном на алюминиевом рельсе: ополоснул пластиковую кружку, аккуратно вытер, налил в нее пепси из автомата, добавил льда и соломинку. Я уже не раз выслушивал поучительные истории о прапрадеде Кении, который исхитрился изобрести буквально все на свете, за исключением разве что колеса. Но подозревал, что скоро услышу и об этом.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался Кении, вручая мне наполненную кружку.

— Нет, этого достаточно.

— С вас один пятьдесят семь.

Я отсчитал мелочь и выложил на прилавок.

— Спасибо, Кении.

— Послушай, парень, — неожиданно сказал мне старик. — Я не стану уверять тебя, что жизнь прекрасна, потому что это совсем не так. Кому лучше всего знать, как не мне?.. — Он усмехнулся и похлопал ладонью по обрубку ноги. — Но я хочу сказать, что твоя жизнь непременно станет лучше, какой бы ужасной она тебе сейчас ни казалась. Это я тебе твердо обещаю. А Кении никогда не давал пустых обещаний, запомни!

— Конечно, — вежливо кивнул я. — Запомню.

— Хорошо, мистер Бринкман. Тогда вот что вам следует

сделать.

Спуститесь на первый уровень и найдите себе пустую кабину, где вы могли бы удобно расположиться и расслабиться. А потом поднимите голову и посмотрите сквозь купол в небеса. И постарайтесь затеряться во всех этих звездах! Это не прогонит вашу боль, но поможет вам увидеть новые перспективы.

Услышав этот совет, я едва не ответил старику резкостью. Вообще-то я уже почти дозрел до того, чтобы потихоньку выпить пепси и вернуться домой. Кто знает, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, скажи я тогда «нет» старине Кении! Но я, слегка подумав, ответил: — А что, звучит неплохо. Попробую.

Пробившись через шумную толпу туристов, я неторопливо спустился по грандиозной парадной лестнице, разглядывая яркие рекламные панно и голографические вывески магазинов. На первом уровне обнаружились две пустые кабинки, и я выбрал ту, которую Кении мог увидеть из-за своей стойки. Пускай старик порадуется, что я прислушался к его мудрому совету.

Высота Большого Атриума составляет пять уровней, которые пронумерованы необычно. Во всех лунных городах первый уровень ближе всего к поверхности и нумерация возрастает сверху вниз: вполне естественный порядок, чтобы при добавлении нового уровня снизу не приходилось переименовывать все предыдущие. Однако в Большом Атриуме Нью-Лондона и окружающем его торговом квартале уровни пронумерованы снизу вверх — должно быть, ради удобства земных туристов. Хотя на самом деле этот сектор города первоначально не предназначался для торговли, а был элитным жилым кварталом. Но даже очень богатые люди редко способны устоять против суммы с шестью нулями за относительно скромный тоннель, и теперь во всем квартале осталось не более тридцати частных резиденций.

Венчает Большой Атриум грандиозный прозрачный купол, представляющий собой хроническую мигрень для всех коммунальных служб Нью-Лондона. Я так и не удосужился узнать, из стекла он сделан или из пластика, но о проблемах с утечкой воздуха из-под этого купола регулярно толкуют в городских новостях. О tomj чтобы ежемесячно очищать стекло от пыли, не может быть и речи, поскольку это практически ручная процедура, крайне неудобная и трудоемкая, так что купол протирают от силы раз в квартал. Поэтому, когда при определенных условиях под куполом активно конденсируется влага, по стенам Атриума бойко стекают струйки темно-бурой воды, оставляя за собой грязные разводы.

Судя по всему, стекло (или пластик?) почистили недавно, потому что в тот вечер купол и впрямь оказался прозрачным. В

городе было около восьми вечера по нашему времени, а снаружи царила долгая лунная ночь. Звезды сияли в небесах, как алмазы чистой воды на черном бархате, и я смотрел на них, не отрываясь, чуть ли не полчаса. Когда я наконец вспомнил о своем напитке, лед в кружке уже почти растаял.

И мне действительно полегчало и захотелось еще немного пройтись. Я вышел из кабинки, помахал рукой старику и поднялся на третий уровень на лифте. Охотно добрался бы туда по ступенькам, но настоящая лестница соединяет только два нижних уровня Атриума. На третьем продают ювелирные изделия, дорогую одежду и прочие предметы роскоши, однако поразил меня лишь маленький, но изысканный магазинчик, торгующий сублимированной едой и аксессуарами для разных домашних животных. Среди моих знакомых нет никого, кто держал бы дома крошечного хомячка или канарейку, не говоря уж о собаках и кошках, пожирающих натуральное мясо, и никто из моих знакомых никогда даже не слышал о каких-нибудь хозяевах домашних любимцев.

На четвертом уровне мельтешила такая голографическая вакханалия, что я решил сперва немного постоять на балконе. Глядя на толпы, снующие на дне Атриума, я пытался на глазок определить высоту, на которой стою… и внезапно меня заново пронзила мысль об измене Джейн.

Стиснув зубы, я энергично зашагал по коридору, изо всех сил стараясь не думать о своей бывшей невесте. Голограммы расплывались перед моими глазами, я не видел почти ничего, кроме разноцветных световых пятен… И я в буквальном смысле слова подпрыгнул, когда где-то на уровне моего правого локтя вдруг послышался резкий голос.

— Добрый вечер, сэр! — сказали мне.

Затормозив, я поспешно обернулся, чтобы принести свои искренние извинения кому-то, кого я, должно быть, случайно задел на ходу. Но там никого не оказалось.

Только компактная акустическая колонка.

Чувствуя себя полным кретином, который чуть было не извинился перед громкоговорителем, я уделил этой дурацкой колонке гораздо больше внимания, чем заслуживает обыкновенный пластиковый ящик.

И громковоритель не преминул отплатить мне взаимностью.

— Будьте поосторожней с выпивкой, сэр! — сказал мне тот же голос.

Я невольно попятился и теперь действительно натолкнулся на кого-то, стоящего прямо у меня за спиной. Я снова поспешно обернулся с приготовленными извинениями на губах, но сразу же

передумал, увидев этого человека, и раздраженно вопросил:

— Что все это значит?!

У него было типичное невыразительное лицо и заученные манеры продавца, не говоря уж о броской фирменной униформе.

— Сэр, — ответил он, осклабившись. — Вы едва не пролили свое питье, и наша новая система сочла необходимым предупредить вас.

— О, — буркнул я, сообразив, что все еще держу в руке недопитую кружку. — Что ж, спасибо.

— Это версия 2.3 нашего программного пакета Живой Дом! — сообщил мне продавец с такой интонацией, что я отчетливо услышал в его голосе эти две заглавные буквы. — Мне кажется, что вы еще не знакомы с нашим Живым Домом, сэр?

Боюсь, на моем лице выразился некоторый интерес, а это та самая ошибка, которую никогда не следует допускать в крупном торговом центре. Я всего лишь молча покачал головой, но опытный продавец завелся с полоборота.

— Наш программный пакет Живой Дом представляет собой новейший продукт самой новой линии технологически продвинутых аксессуаров для современных жилых апартаментов! — оживленно зачастил он с превосходно поставленными голосовыми модуляциями профессионала, обладающего неистощимым запасом воздуха в легких. Стоило ему начать, и я оказался бессилен вежливо прекратить рекламное словоизвержение: он говорил, говорил, говорил, и в его гладко журчащей речи не было деже пауз достаточной длины, чтобы я мог вклинить хотя бы словечко. Наконец мое раздражение дошло до того, что я резко перебил его, невзирая на вежливость:

— То есть вы утверждаете, что ваша программа сделает мой тоннельный компьютер, так сказать, живым и разумным?..

Это была моя вторая ошибка, которая влила дополнительную энергию в его механический завод.

— О нет, сэр, вы не так меня поняли! Наш программный пакет симулирует самосознание и разумность, причем делает это с таким успехом, что…

Смирившись, я решил молча дождаться конца спектакля. Слушал я, разумеется, вполуха, но кое-что, невзирая на все мое раздражение, возбудило у меня невольный интерес. В конце концов (минут через пятнадцать, должно быть, но они показались мне часами) продавец начал сбавлять обороты и бросил взгляд на вход в свой магазин. У меня создалось впечатление, что он намерен забежать туда на несколько секунд, дабы ему срочно перезавели пружину, но я не собирался предоставлять ему такую возможность. Когда он окончательно выдохся и сделал паузу,

чтобы перевести дух, я поспешно пробормотал "благодарю за информацию", резко развернулся и ушел.

Черт возьми, я даже не остановился бы здесь, не заговори со мной дурацким голосом их дурацкая система! Все-таки эти люди, работающие на ярмарках и в торговых центрах, совершенно специфическая порода по сравнению с остальным человечеством… Болтовня продавца продолжала назойливо звучать в моей голове, и чтобы не думать о Джейн, я принялся систематизировать этот трёп.

Первым делом продавец поставил меня в известность, что я проспал, как бедолага Рип ван Винкль, величайшую компьютерную революцию со времен создания языка Ассемблер. Двое яйцеголовых чудиков на Земле уже несколько лет назад сочинили программу, которая снабжает компьютер самосознанием и делает его разумным. Об этом открытии чуть ли не полгода рассказывали в новостях Земли, и где же я был все это время?!

На Луне, разумеется, меня интересуют по большей части местные новости. Но в детстве я любил читать фантастические рассказы про искусственный интеллект. Выходит, это уже не фантастика? Что ж, замечательно.

Теперь, поведал он, различные версии новой программы революционного типа применяются повсюду и для любых целей, а в Ныо-Лондоне наибольшей популярностью пользуется специальный вариант для прогрессивного управления жилыми тоннелями, о чем я по своему невежеству даже не подозреваю.

На самом деле я слышал краем уха, что кое-кто усердно расхваливает новые модернизированные программы, уже установленные в некоторых жилых тоннелях. Но какое отношение это могло иметь лично ко мне, если мой тоннельный компьютер и так имеет отличное программное обеспечение? Я приобрел новые программы в комплекте со своим тоннелем, и, на мой непредубежденный взгляд, они работают с точностью швейцарских часов.

Большую часть времени продавец потратил на то, чтобы объяснить мне тонкое принципиальное различие между теми программами, которые действительйо разумными теми, которые только симулируют интеллект. И зачем он так распинался, излагая мне массу малопонятных подробностей, если в итоге все свелось к тривиальному утверждению: все дело в деньгах, как и следовало ожидать.

Он сказал мне, что программы, которые кажутся разумными, стоят значительно дешевле. Тут я едва не задал ему второй вопрос: если программа кажется мне вполне разумной, то каким

же манером ее можно отличить от так называемой живой?.. Но продавец в своем рвении опередил меня.

— Подумайте сами, сэр, — воскликнул он с традиционным ярмарочным энтузиазмом, — зачем вам тратить лишние деньги на программный продукт, который на практике ничем не отличается от нашего замечательного Живого Дома?!

Тем временем, пока я размышлял на ходу, мои ноги на автомате довели меня до дома. Моего нынешнего дома. Какое облегчение, что ноги наконец запрограммировались на дорогу к моему новому тоннелю вместо старого! Я купил этот тоннель всего лишь месяц назад, мы с Джейн придирчиво выбирали его в ультрасовременном, недавно пои строенном пригороде Нью-Лондона. Престижный третий уровень, но, разумеется, далеко от центра. Меня это вполне устраивало, я был готов жениться, остепениться и жить спокойной семейной жизнью вместе с Джейн… но она оказалась не готова.

Я сунул карточку в электронный замок портала и вошел. Мой тоннель все еще благоухал новизной. Он мне очень нравился, очень. Но я не мог привыкнуть к одиночеству.

Если бы ночная борьба с простынями и одеялом была признана олимпийским видом спорта, думаю, я стал бы одним из основных претендентов на золотую медаль.

Наутро я почему-то вспомнил о компьютерах, обладающих самосознанием, что тут же привело к мысли о прилипшем ко мне продавце… Тьфу! Подумать только, что я малодушно позволил втянуть себя в этот рекламный охмуреж! Надо было уйти, как только с губ профессионального зазывалы слетели первые вкрадчивые слова.

С другой стороны, я вынужден был признать, что узнал от проклятого продавца немало интересного. Было бы совсем неплохо, к примеру, если мой тоннель станет беседовать со мной, когда я возвращаюсь домой после работы. Гуманизирующий элемент, как принято говорить. Может, тогда новый дом и впрямь станет моим домом, а не пустым до стерильности жильем?.. Позавтракав, я отправился на работу, продолжая размышлять о перспективах модернизации своего холостяцкого быта.

К концу рабочего дня я уговорил сам себя, что мне просто необходимо ближе познакомиться с Живым Домом. Это было какое-то наваждение, порожденное моей личной ситуацией, и нельзя сказать, что я этого не понимал. Но какая разница, если мне ужасно захотелось, чтобы Дом радушно приветствовал меня, когда я вхожу в портал? Он мог бы срочно информировать меня о важных сообщениях, поступивших на домашний адрес, когда я работаю в конторе. По утрам уже не придется впопыхах сооружать

бутерброды, Дом приготовит для меня вкусный горячий завтрак. И я смогу позволить себе поспать лишних десять… нет, даже целых двадцать минут!

Такая возможность казалась мне соблазнительной и роскошной, хотя теперь я едва ли мог погрузиться в спокойный сон на двадцать минут подряд. Тот факт, что мой тоннель в его нынешнем состоянии уже выполнял большую часть функций, броско, рекламируемых продавцами Живого Дома, ничего не мог поделать с моим воспаленным воображением… Охота пуще неволи.

— Добрый вечер, мистер Бринкман! — улыбнулся мне Кении. — Что я сегодня могу вам предложить?.

— Кружку темного пива! — решительно сказал я. Старина Кении сразу поскучнел.

— Очень жаль, но на нашем уровне какие-то неполадки с пневмолинией доставки товаров. Пива до завтрашнего утра не будет.

— Ладно, тогда пепси.

— А это сколько угодно!

Поставив передо мной пепси со льдом, старик сказал:

— Сегодня вы выглядите лучше, мистер Бринкман.

— Смотреть на звезды оказалось очень полезно, — с улыбкой отозвался я.

— Прежде вы никогда не заходили ко мне два дня кряду, мистер Бринкман. Вы надумали что-то здесь приобрести?

— Нет, не сегодня, Кении. Просто хочу приглядеться к Живому Дому, которым торгует кто-то на четвертом уровне.

— Да, я слышал про эту штуковину, — кивнул старина Кении. — Но мне-то она вроде ни к чему. А если бы внезапно приспичило… Тогда, пожалуй, я поднакопил бы еще деньжат и купил себе настоящую вещь, не подделку.

— Эта штука не так уж плоха, — заметная. — По крайней мере, на первый взгляд. Я с ней вчера немного познакомился.

Расплатившись, я попрощался с Кении и поднялся на четвертый уровень. На сей раз я уже ожидал, что со мной заговорит громкоговоритель, и даже выдавил несколько словечек ему в ответ. Но я вовсе не был готов обнаружить, что тот вчерашний продавец, оказывается, уже поджидает меня.

Когда он устремился ко мне с широкой дежурной улыбкой, сердце инстинктивно содрогнулось в моей груди, но я поспешил подавить это неприятное чувство. Прекрасное видение полностью автоматизированного тоннеля блистало перед моим умственным взором, а для всего остального я был все равно что слеп: типичное тоннельное зрение, если можно позаимствовать термин

у врачей-офтальмологов. Продавец приветствовал меня с таким неподдельным жаром, словно я был его самым лучшим и едва не потерянным другом детства.

— Зашел только узнать, — неловко начал я. — Вы не могли бы еще раз продемонстрировать мне эту вашу программу? Я имею в виду Живой Дом?

Разумеется, никаких затруднений! Кто-то невидимый моментально подскочил к нему с ключом, ловко вставил в скважину и завел пружину до отказа. Продавец заговорил и стал действовать с такой невероятной скоростью, что я даже начал понемногу опасаться за его рассудок и физическое здоровье. Нельзя же, в самом деле, тратить столько жизненной энергии ради каких-то компьютерных программ, пускай даже и неплохих.

Я едва успевал согласно кивать и произносить очередное «да» в подходящем месте. Он беседовал с машиной, печатал ей задания на клавиатуре, отдавал различные команды жестами перед пластиковым глазом видеокамеры. Компьютер включал и выключал воду, смешивал коктейли, варил черный кофе и яйца всмятку, отвечал на телефонные звонки и так далее. Маленькие анимированные иконки, бойко пляшущие на его мониторе, наглядно демонстрировали, какими операциями управляет машина в данный момент.

Программа, как оказалось, твердо гарантировала, что температура воды в душе или ванне не отклонится больше чем на полградуса от той, которая мне доставляет удовольствие. Сверх того, программа могла поддерживать индивидуальную температуру воды для каждого из шести проживающих в моем тоннеле в том случае, если мне когда-нибудь удастся стать счастливым многодетным отцом (призрак Джейн, преследующий меня, наверняка чуть не лопнул от хохота!).

Перед тем как я собрался уходить, продавец вогнал себя в такую ажитацию, что я сильно засомневался, удастся ли ему сомкнуть глаза в эту ночь, как, впрочем, и мне. Я по-прежнему не знал, как его зовут, и знать не желал. Никаких персональных деталей. Это все равно что иметь дело с уличной проституткой, чем ты меньше знаешь о ней, тем лучше.

Наутро, после очередной беспокойной ночи, за завтраком (пара ломтей хлеба с маслом и жидкий чай из порционного пакетика) я дозрел до решения приобрести Живой Дом. Или я куплю эту программу, или заболею от недосыпа и одиночества! Слабый голосок разума попытался напомнить мне об осмотрительности, но я безапелляционно проигнорировал его.

На работе мне пришло в голову, что следует предварительно выяснить финансовый аспект, и тут я обнаружил, что не помню

названия магазина. Как я ни пытался представить себе его фасад или голографическую рекламу, все торговые заведения четвертого уровня слились и перемешались у меня в голове. Я уже начал опасаться, что придется пойти в Атриум во время обеденного перерыва (и это будет довольно унизительная ситуация), как вдруг вспомнил: Бизнес-центр Дэнди!

После этого героического умственного прорыва я нашел нужный телефонный номер в соответствующей директории своего рабочего терминала и позвонил. Трубку взяли не сразу, и я успел мысленно обругать свой невинный терминал: будь эта штука разумна, я бы просто сообщил ей характеристики товара, а она бы сама определила название и телефон магазина, дозвонилась и сообщила мне, что можно говорить.

У женщины, которая ответила на мой звонок, оказался изумительный голос, невероятно звучный и одновременно мягкий, как бархат. О нет, гораздо мягче и нежнее бархата… Мои глаза непроизвольно прыгнули на экран монитора, желая узнать, какому небесному созданию этот голос принадлежит, но, увы… Видео не было, меня постигло жестокое разочарование.

— Алло-о? — мягко повторил неотразимый голос.

— Э-э… прошу прощения, мисс, — пролепетал я. — Моя фамилия Бринкман. Вчера вечером я заходил посмотреть на вашу программу Живой Дом, и у меня есть несколько вопросов по поводу…

— Минууточку, сэр, — сказала таинственная незнакомка. — Сейчас я позову продавца, он вам все объяснит.

Я уже импульсивно открыл рот, чтобы пригласить абсолютно незнакомую женщину отобедать со мной, но в трубке заговорил другой голос, слишком хорошо мне известный.

— Мистер Бринкман! Спасибо, что позвонили нам. Что я могу для вас сделать?

— О… привет. Как она узнала, кого надо позвать? Продавец рассмеялся.

— Я сказал ей еще вчера, что у мистера Бринкмана могут возникнуть вопросы. И кстати, меня зовут Рон. Чем могу помочь?

Мы немного походили кругами вокруг основного вопроса, но в итоге прояснилось, что Живой Дом не совсем разорит меня. Не могу сказать, что цена оказалась приемлемой, но я мог позволить себе такую покупку без того, чтобы потом надрываться на двух работах, выплачивая кредит. Я сказал продавцу, что подумаю, и немедленно прервал связь.

Остальную часть рабочего дня я провел в тумане фантазий, представляя себе таинственную незнакомку с обольстительным голосом. Я решил, что непременно приглашу ее пообедать, если

она хоть немного моложе и попригляднеи бабушки Чингисхана.

На сей раз я не зашел к Кении, а просто кивнул ему по дороге к лифту. Рон уже поджидал меня у демонстрационного стенда Живого Дома, когда я вошел в магазин. По-моему, Рон рассчитал до секунды мое неожиданное, как я по наивности полагал, появление. Ничто так не обостряет довольно слабое у Homo sapiens чувство времени, как запах чрезвычайно солидных комиссионных.

Он расплылся в приветливой улыбке, но затараторить не успел, поскольку я напористо задал вопрос:

— Кто она? Та, что говорила со мной по телефону? Самый сногсшибательный голос, который я когда-либо слышал! Я хочу увидеть ее.

Лицо продавца на мгновение стало абсолютно пустым, хотя, сказать по правде, это не сильно отличалось от его привычного выражения. Потом он крепко сжал губы, потупил глаза и весь наморщился, как обычно делает человек, который изо всех сил пытается удержать неуместный в данной ситуации хохот. Наконец Рон справился с собой и тихо произнес:

— Мистер Бринкман… Это была наша программа. Мне жаль, но никакой женщины здесь нет.

Я уставился на него, а затем на дисплей Живого Дома.

— То есть вы утверждаете, что эта штуковина способна звучать… подобным образом?!

Короче, уж не знаю почему, но Рон каким-то образом забыл мне раньше сообщить о наличии у системы нескольких голосовых модулей на выбор. Мой тоннель вовсе не обязан общаться со мной бездушным машинным голосом, объяснил он, я могу при желании наделить его соблазнительным голосом женщины, которая меня очаровала. Господи, сказал я себе, для меня это почти то же самое, как если бы прелестная незнакомка поселилась в моем тоннеле во плоти!

Рон показал мне, как переключать акустические модули. Он объяснил, что в программе есть определенные параметры, которые придают выбранному голосу тот или иной акцент. Интенсивность акцента также можно было варьировать, от едва заметного до такого густого, что хоть размешивай ложкой. Для наглядной демонстрации он выбрал французский акцент и довел его силу от нуля до середины шкалы, где я сказал ему "в самый раз" и велел так и оставить. С одной стороны, несомненный налет интригующей экзотики, с другой, не надо ломать голову над тем, что же она все-таки говорит. Мурашки бегали у меня по спине, когда я слушал этот голосок… То, что надо для одинокого мужчины!

Я выложил всю сумму наличными.

За все эти деньги они выдали мне всего лишь коробочку размером с кулак. В коробочке лежали три чипа и один из этих якобы вечных стогигабайтных дисков. Когда-то редкостные или крайне необходимые вещи ценились на вес золота. Я попытался прикинуть, во сколько раз миллиграмм веса этих компьютерных штучек дороже миллиграмма чистейшего золота, но подсчитать не сумел.

Инструкции оказались простыми и ясными. С чипами я разобрался достаточно легко. Но когда я совершил попытку установить новые программы, у меня отключились светильники во всем тоннеле. Совсем не то, что человек имеет в виду, мечтая о полностью автоматизированном жилье, верно?

Чертыхаясь, я извлек диск на ощупь и перезапустил систему. Свет незамедлительно загорелся. Облегченно вздохнув, я склонился над новыми чипами и внимательно их изучил. Неужто меня угораздило засунуть их не туда или не так?! Однако с виду все было вроде в полном порядке, поэтому я опять вставил диск в машину и попробовал еще раз.

Свет даже не моргнул, но зато моментально вышла из строя вентилляция. Насколько я понял, перешла в аварийный режим. При резком падении атмосферного давления жилой тоннель наглухо герметизируется, спасая жильцов от гибели в результате взрывной декомпрессии. Проблема состояла в том, что у меня не было массивной утечки воздуха и смерть от декомпрессии мне не грозила. Теперь мне грозила смерть от удушья в загерметизированном тоннеле в результате нехватки кислорода и преизбытка углекислого газа.

Чертыхнувшись, я изъял из машины диск с Живым Домом и заново перезапустил систему. Вентиляция сразу заработала, повеял легкий сквознячок.

Если все идет не так, внимательно перечитай инструкции! Даже если ты прочел их уже два раза. Возможно, я что-нибудь упустил?..

К тому времени, когда я сдался и отправился в постель, я успел перечитать эти проклятые инструкции столько раз, что мог без запинки продекламировать их наизусть, включая примечания мелким шрифтом и ссылки на авторские права.

Не менее семи раз я пытался инсталлировать программы с диска, и всякий раз случалось нечто непредсказуемое. Причем ничто не произошло дважды.

Рон покатал мои чипы на ладони, рассматривая их со всех сторон.

— На мой взгляд, с ними все в порядке. Но посмотрим, что

скажет Чарлз.

Чарлз оказался высоким упитанным мужчиной средних лет в роговых очках, немного смахивающим на пингвина-переростка. Он моментально обнаружил непорядок.

— Ага! Но это же не тот чип. Взгляните на серийный номер, сэр, тут написано семь-семь-два. Видите? Но здесь должно быть ноль-четыре-девять. Это и есть ваша проблема.

— Очень интересно. Но откуда мне было знать? — сказал я с немалым раздражением. — В инструкциях не сказано ни про какие серийные номера, там написано так: "Чип, помеченный голубым квадратом, установите в гнездо номер девять", — процитировал я по памяти.

— Разумеется, это не ваша вина, — благодушно промолвил Чарлз, пожимая плечами. — Должно быть, кто-то что-то перепутал еще на фабрике. Не волнуйтесь, сэр, мы заменим эти чипы на новый комплект.

Прежде чем уйти, я заставил их тщательно проверить мои новые чипы, дабы убедиться, что они действительно те самые. Все оказалось в полном порядке.

Дома я без труда воткнул новые чипы в надлежащие гнезда, запустил программный диск, и процесс инсталляции пошел без сучка и задоринки. Во всяком случае, это подтверждали абсолютно все сообщения, которые мой тоннельный компьютер по ходу дела выбрасывал на дисплей. Покончив с этим делом, я гордо приказал машине пустить горячую воду в кухонную раковину…

…И грянула бравурная музыка!

Когда я пожелал, чтобы в тоннеле стало немного теплее, светильники плавно потускнели до романтического полумрака.

Ладно, здесь еще можно было усмотреть нечто вроде поэтической логики. Но когда я поинтересовался, который час, а телефон принялся автоматически набирать номер моей матери на Земле… Какое счастье, что мне удалось отменить эту операцию! Мало того, что в том городе уже три часа ночи, когда все добрые люди мирно почивают; но что сказала бы моя драгоценная матушка (которой я звоню гораздо реже, чем ей того хотелось бы), начни я перед ней извиняться, что набрал ее номер просто по ошибке, совершенно случайно?!

Взглянув на часы, я обнаружил, что еще не слишком поздно и можно успеть переговорить с Роном. Номер магазина я набрал вручную и вновь услышал прелестное: "Алло-о?". Затем трубку взял мой продавец, и я описал ему сложившуюся ситуацию. Рон сказал, что он сейчас проконсультируется с Чарлзом. После Чарлза Рон опросил еще четырнадцать человек (экспертов, как он

потом выразился, хотя я думаю, что он просто вышел в коридор и отлавливал обычных покупателей). Все это время я терпеливо висел на трубке, мечтая еще раз услышать голос Живого Дома, но нет, ничего подобного.

— Мистер Бринкман? — наконец сказал Рон. — Похоже, ваш компьютер неисправен. Раньше вы использовали все его цепи управления?

— Только некоторые. Моя старая программа не так уж много умеет.

— Понятно. — Я почти увидел, как Рон удовлетворенно кивает головой. — Боюсь, вам придется вызвать специалиста, чтобы проверить компьютер. Бывает, что у машины есть скрытые дефекты, которые проявляются лишь при полной нагрузке, вот как сейчас. Желаю вам успеха, мистер Бринкман!

Мне даже не пришло в голову, что цепи, которые прежде прекрасно работали — например, телефон, — теперь функционируют ненормально. Я просто уселся на пол и вслух обозвал себя кретином. У меня должно было хватить мозгов, чтобы сделать резервную копию моей старой системы, прежде чем начать заигрывать с новой. Не будь я таким идиотом, я бы сейчас реинсталлировал эту резервную копию и снова получил в свое распоряжение прекрасный работоспособный тоннель.

Теперь мне, как в скаутском лагере, пришлось все делать собственными руками. То одно, то другое устройство наотрез отказывалось работать. Это было даже по-своему занимательно, когда наутро я обнаружил, что в моем тоннеле нет горячей воды. Поразмыслив пару минут, я налил воду во все подходящие емкости и подогрел ее на термической плите. По утрам я привык принимать контрастный душ, но тепловатая ванна все-таки лучше, чем ничего.

Зато внутри меня все кипело.

Свой гнев я готов был выплеснуть в любую минуту, лишь бы только подвернулся подходящий субъект на роль козла отпущения. Одри Хэмилтон из компьютерного сервис-центра этим утром не повезло: она взяла трубку.

Через пять минут могучего словоизвержения я вынужден был перевести дух, и тогда Одри наконец представилась возможность задать мне вопрос по существу:

— Мистер Бринкман, где вы приобрели эту программу?

— Бизнес-центр Дэнди, — мрачно сообщил я. — Четвертый уровень Большого Атриума.

— И как эта программа называется?

— Живой Дом, ха-ха.

— О!

Этот незамысловатый звук сказал мне очень многое, а последовавшее за ним молчание оказалось красноречивее любых слов. Наконец она со вздохом произнесла:

— Я вижу, вы сейчас на работе?

— А где же мне быть?! — Я собрался разразиться новой пятиминутной тирадой, но Одри вовремя перебила меня:

— Мы можем встретиться в обеденный перерыв возле вашего тоннеля, мистер Бринкман?

— Боюсь, сегодня у меня не будет обеденного перерыва, поскольку я опоздал на работу! А все потому, что мой тоннель деградировал до интеллектуального уровня хомяка!

Она кивнула с непроницаемым выражением лица.

— Понятно. Прошу прощения, что задаю такие вопросы, но, может быть, вы тогда сумеете уйти с работы пораньше?

Могучим усилием воли я загнал назад очередную тираду, едва не вырвавшуюся наружу, и сквозь зубы сказал:

— Посмотрим, что можно будет сделать. Могу я перезвонить вам по этому номеру?

— Разумеется, сэр.

На самом деле у меня не было никаких проблем с тем, чтобы срочно взять свободных полдня. Просто я желал показать всему миру и каждому, кто имеет или будет иметь какое-то отношение к моему злосчастному компьютеру, что им придется ублажать чрезвычайно разгневанного и недоверчивого клиента. Я довольно быстро разобрался с неотложными делами и перезвонил Одри. Мы назначили рандеву в моем тоннеле через тридцать минут.

Хотя я общался с ней по видеотелефону, до моей тупой башки, уж не знаю почему, так и не дошло, что Одри Хэмилтон очень даже привлекательная женщина. Я сделал это потрясающее открытие лишь тогда, когда увидел ее терпеливо ждущей у моего портала с солидным ремонтным набором в огромном черном пластиковом саквояже. Задним числом я невольно пожалел, что свалял дурака при нашем первом разговоре.

Одри ничего не сказала мне по этому поводу, за что я был ей искренне благодарен. Просто молча подняла свой саквояж и молча последовала за мной в тоннель, как само воплощенное терпение.

— Компьютер в гостиной, вон в той стене, — сообщил я ей, чувствуя себя крайне неловко. — Могу я чем-нибудь помочь вам, мисс Хэмилтон?

Она взглянула на меня так, словно собиралась что-то сказать, но передумала и покачала головой.

— Тогда, может быть, прохладительные напитки?..

— Нет, спасибо.

Ничего не оставалось, кроме как заткнуться и в молчании наблюдать за ее работой. Я выбрал удобное для наблюдений место и уселся на пол. Джейн решила прихватить с собой все стулья, когда сбежала от меня.

Одри принялась методично исследовать раскрытые потроха моего дефективного компьютера какими-то щупами, недовольно бормоча себе под нос. Иногда она ненадолго задумывалась, привычно почесывая затылок, а пару раз даже негромко ругнулась, и притом довольно крепко. Из обширных недр черного аварийного саквояжа стали появляться другие инструменты, а затем приборы, которые она аккуратно подсоединяла к полумертвой сердцевине машины толстыми змеящимися проводами, которые казались мне разноцветными венцами. Так прошел целый час или больше, я уже почти отсидел ягодицы и наконец осмелился подать голос:

— Ну и как обстоят наши дела?

Одри убрала голову из сервисного лючка, чтобы печально ею покачать.

— Не очень.

Она снова залезла в лючок, чтобы через несколько секунд вынырнуть оттуда и показать мне крошечную прямоугольную штучку из серого пластика, зажатую между большим и указательным пальцами ее правой руки.

— Видите это?

Я послушно кивнул.

— Этот чип контролирует шину ввода/вывода информации. Проще говоря, он сначала переводит компьютерные команды в импульсы, которые управляют внешними устройствами, а затем рассылает эти импульсы по соответствующим адресам. С переводом у него все в порядке, но что касается рассылки по адресам… Скажем так, этот чип выбирает конкретный адрес в зависимости от того, какое у него на данный момент настроение.

— Значит, я все-таки не спятил?..

— Насколько я понимаю, нет. Программа думает, что посылает сигнал, допустим, отопительной системе, а вместо этого его получает телефонная цепь. Но в следующий раз тот же сигнал может получить микроволновка или реостат освещения и вообще что угодно. Поэтому все время возникают новые проблемы… — вздохнув, она добавила: — Теперь я пытаюсь выяснить, какие еще элементы работают не так, прежде чем приступить к массированной замене чипов. Предупреждаю, это обойдется вам очень и очень недешево.

— Я купил этот тоннель только месяц назад. У меня есть гарантия. Разве эта гарантия не распространяется на тоннельный

компьютер?

Очень медленно, почти печально она покачала головой.

— Мне очень жаль, но гарантия не покрывает таких случаев, как установка владельцем неподходящих чипов в дополнительные гнезда центрального процессора. Я знаю, это не ваша вина. Но очень сильно сомневаюсь, что Бизнес-центр Дэнди изъявит желание компенсировать вам убытки… — Одри протянула руку к клавиатуре и кончиками пальцев тихонько погладила ее. — Бедная машина! — сказала она так, словно уже успела искренне привязаться к моему электронному инвалиду.

Потом она снова углубилась с головой в сервисный лючок и принялась за работу. Я переменил свою позицию на полулежачую. Даже при низкой гравитации человеческая анатомия начинает нудно жаловаться, если слишком долго сидеть на твердом.

И тут внезапно зазвонил телефон.

Одри, чья голова и уши пребывали в непосредственной близости от громкоговорителя, резко дернулась назад и ударилась головой о верхнюю часть лючка.

— Ч-черт! — гулко раздалось из недр моего компьютера.

— Мне ответить?.. — вскочив, растерянно вопросил я.

— Попробуйте, пока я еще не оглохла!..

Но прежде чем я успел попробовать, раздался слабый щелчок, а вслед за ним я услышал сладкие звуки неотразимого женского голоса с французским акцентом.

— Алло-оу? — сказал компьютерный голос с придыханием. Ошарашенный, я внезапно осознал, что мой компьютер отвечает на звонок в такой манере, которая извинительна лишь для мадам низкопробного борделя, и невольно попятился. Надо же, почти все цепи не работают, но эта!..

После длительной паузы другой женский голос неуверенно произнес:

— Джон?..

Ошарашенный вторично, я бездумно откликнулся, повинуясь застарелому условному рефлексу:

— Джейн?.. Джейн!.. Это ты?!

— Алло-оу? — сказал мой компьютер неотразимым бархатным голосом, который я так трепетно выбирал.

— Кто это? — резко спросила Джейн сухим и скрежещущим тоном.

— Менья зовут Фифи, — промурлыкал компьютер. — Джон не может подойти, он о-очень за-анят. Но я могу пег'едать ему ваше са-аб-щение.

Я бросил быстрый взгляд на Одри и обнаружил, что она стоит как статуя и смотрит на меня довольно странно. Я был бы рад

провалиться на этом самом месте. Не думаю, что я впал бы в большее замешательство, если бы Одри вдруг обнаружила в моем тоннеле резиновую надувную красотку. Еще вчера вечером мне казалось, что «Фифи» самоё подходящее имя для очаровательной французской мадемуазель, но, увы! Сегодня оно прозвучало жалко, претенциозно и пошло.

— Дьявольщина! — рявкнула Джейн. — Кто ты такая?!

— Ну-у… тепегь я живу-у здесь, — сообщил французистый голос Фифи. — Вы хотите пег'едать Джону са-абщение?

С нечленораздельным рычанием Джейн бросила трубку, и воцарилась глухая тишина.

— Похоже, вам удалось восстановить телефонную цепь, — неловко промямлил я через невероятно долгую минуту.

— Сейчас телефон работает только на вход, — спокойно сказала Одри. — Эта женщина не могла вас ни видеть, ни слышать. Оно и к лучшему, насколько я могу судить, глядя на ваше лицо! Я знаю, это совсем не мое дело… Но кто же она все-таки?

— Я хотел жениться, — тупо сказал я. — Джейн нашла жениха получше и ушла. Все, конец истории.

— О.

Мне показалось, что Одри хотела еще что-то сказать. Но она снова передумала, и на лице ее появилось уже знакомое мне непроницаемое выражение. Порывшись в своем неистощимом черном саквояже, она достала прозрачную пластмассовую коробочку с разноцветными чипами.

— У вас найдется какой-нибудь переносной светильник?

Я принес ей единственную настольную лампу, которая у меня осталась, и поставил на пол. Одри непринужденно расположилась на полу возле лампы и начала сосредоточенно перебирать чипы в коробочке. Я сел рядом и стал наблюдать.

— Проклятье, — пробормотала она наконец. — Я думала, у меня еще остался один из этих чипов.

— О каком чипе речь?

— О, я его вам уже показывала. Тот самый, что переводит команды в импульсы и рассылает по адресам… Мне придется вернуться в контору и пополнить свой запас, — сказала она со вздохом, а затем обернулась к компьютеру и спросила, который час. Но машина ей не ответила.

— Утром я задал тот же самый вопрос и получил ответ, — заметил я.

Одри пожала плечами.

— Бывает. Три чипа, когда я их проверяла, работали в ненормальном прерывистом режиме. Но я не могу гарантировать,

что все остальные чипы в порядке, любой из них может отключиться, лишь только я отвернусь. В общем, совершенно невозможно предсказать, что будет или не будет работать в конкретный момент… Не хотелось бы огорчать вас, мистер Бринкман, но мне, скорее всего, придется заменить всю материнскую плату.

— Материнскую плату?! И во сколько это мне обойдется?

Одри сказала. Я рухнул на пол плашмя, раскинув руки крестом, и взглянул на нее из горизонтальной позиции.

— Дорогая, не будете ли вы настолько добры, чтобы срочно прикончить меня на месте? Coup de grace,[24] так сказать?

Одри звонко расхохоталась. От всей души, а не холодным вежливым смехом для клиента. Она прекрасна, понял я, глядя на ее смеющееся лицо снизу вверх, и сердце мое екнуло от дурного предчувствия. Не хватало еще влюбиться в Одри, как будто мало мне досталось от Джейн… Красивая самостоятельная женщина с мужской профессией и нелепый отставной жених. Самый верный рецепт для очередных неприятностей.

— Подумать только, — воскликнул я патетическим голосом, — что я попытался сэкономить, купив себе программу, симулирующую разумность! Это точно, что скупой платит дважды. Моя скупость встанет мне в такую сумму, что можно было спокойно приобрести настоящий искусственный интеллект и у меня еще остались бы кое-какие деньжата для игры на бирже.

Одри снова не удержалась от смеха, но одернула себя и приняла официальный вид.

— Мистер Бринкман, — сказала она. — Я думаю, что мне сейчас лучше всего пойти в контору и забрать этот чип. Время к вечеру, а я должна еще наладить хотя бы базовые функции вашего компьютера, чтобы вы дотянули до утра.

— Одри, — сказал я с энтузиазмом, — если вам придется работать допоздна, я буду счастлив приготовить вам ужин! То есть… — тут я вспомнил, что выполнить такое обещание будет совсем непросто, — нам придется куда-то пойти перекусить, если вы не возражаете. Я знаю одно неплохое местечко в окрестностях Большого Атриума, это пятый уровень…

На лице у нее снова проступило это странное выражение, словно она хочет что-то сказать, но никак не может себя заставить, и я, смешавшись, неуклюже пробормотал:

— Не стану настаивать, если вы против… Будь прокляты эти социальные условности!

— Мистер Бринкман, — серьезно сказала Одри. — Если моя работа затянется допоздна… Я буду рада поужинать с вами.

— Правда?.. Вы это серьезно? Мне показалось… — Я едва не

спросил у компьютера, который час, но передумал и взглянул на свой наручный хронометр. — Одри, знаете ли вы, что уже больше пяти вечера? Почему бы вам не устроить себе перерыв? И мы пойдем перекусим.

Она задумалась на секунду, а потом кивнула.

— Неплохая мысль. У меня есть карточка от служебного входа, так что я могу попасть в контору в любое время. Ладно, давайте сперва поужинаем, а после я еще поработаю.

Я встал и помог Одри подняться на ноги.

— Тогда пошли! — И в этот момент я опять кое-что припомнил… — О Господи… Боюсь, у нас еще одна проблема.

— В чем дело?

— Дело в замке. Мы не сможем открыть портал!

— Почему?

— Ручной механизм не работает, детали какой-то недостает, что ли. Я не сразу заметил, потом позвонил подрядчику, мне пообещали исправить. Должны были еще на той неделе, но никто так и не пришел.

— Это не страшно. Сейчас я вставлю чип назад, и компьютер откроет замок.

Она справилась с операцией по внедрению чипа за двадцать секунд, но портал все равно не открылся.

— Может, этот чип решил, что пора постирать белье? — уныло предположил я.

— Очень на то похоже, — вздохнула Одри.

— Ну что же… Как насчет холодных закусок?

Холодильник функционировал, но внутри было негусто. Обычная холостяцкая снедь. Абсолютно ничего подходящего для романтического ужина (романтического? — неужели я и в самом деле так подумал).

Мы уничтожили остатки спагетти и пол-упаковки мясного рулета типа "подогрей-и-подай-на-стол" (в холодном виде, понятно — ни духовка, ни микроволновка работать не пожелали), запивая содовой и заедая солеными крекерами. Пока мы поглощали этот ужин, я припомнил, что у меня в заначке есть бутылка недурного вина, и долго колебался, прежде чем решиться предложить ее Одри.

— Вы не против десерта, надеюсь? — сказал я самым галантным тоном, извлекая бутылку на свет.

— Вино? На десерт? — изумилась она, но потом засмеялась и махнула рукой. — А, чего уж там! Давайте.

Бокалы, к счастью, у меня были. Полагаю, Джейн сочла их недостаточно изысканными, чтобы забрать с собой. Не цветной хрусталь и даже не богемское стекло, но свою основную функцию

они осуществили замечательно. Когда бутылка опустела, и мы оба более или менее удобно разлеглись на полу, я задумчиво произнес:

— Вы знаете, Одри, что было самым лучшим моментом во всей этой печальной ситуации?

Она повернулась на бок и с любопытством взглянула на меня.

— Нет. А что?

Я не смог удержаться и сдавленно хихикнул.

— Ну как же, когда Джейн познакомилась с Фифи! Хорошо, что я не смог ответить на звонок… Какое удовольствие было послушать их беседу!

Одри рассмеялась. Я никогда еще не видел женщину, которую так преображает искреннее веселье.

— Какая жалость, — пролепетала она с трудом, давясь от смеха, — что видео у нас не работает… Что за удовольствие было бы взглянуть на ее лицо! "Дьявольщина!" — передразнила она, скорчив мину благородного негодования. — "Кто ты такая?!"

Это прозвучало так похоже на Джейн, что мы оба зашлись в пароксизме хохота. Мы хохотали и хохотали и остановились только потому, что выбились из сил.

— Признайтесь, — сказала мне Одри ослабевшим от хохота голосом, — когда вы до этого смеялись от всей души в последний раз?

— Это было давно, — припомнил я.

— И напрасно. Вы очень милый, когда смеетесь.

— Кто, я?..

— Ну да, у вас лоявляются такие симпатичные ямочки! Вам просто необходимо как можно больше смеяться.

Я не знал, что на это ответить. В полной растерянности промямлив «спасибо», я тихонько прикоснулся к ее щеке. Ничего ужасного не произошло, Одри только лучезарно улыбнулась. Тогда я осторожно поцеловал ее… о Боже, она улыбнулась опять!

Мы вместе провели эту ночь.

Не то чтобы у нее была возможность выбрать место ночлега, поскольку проклятый портал по-прежнему не желал открываться.

Но Одри совершенно не возражала, когда я крепко обнял ее.

К утру положение ничуть не изменилось, мы были надежно заперты в моем тоннеле. Ни многословные гневные тирады, ни страшные угрозы привлечь подрядчика к суду за неисправный портал помочь не могли, но меня это, разумеется, не остановило. Одри взирала на мои беснования с тем же терпеливым спокойствием, с каким вчера — на мою неприличную враждебность, так что я в конце концов устыдился.

Вернувшись к облику разумного человеческого существа, я

сразу задумался, что мы будем есть на завтрак. Мне удалось наскрести какие-то съедобные остатки и кусочки, и мы употребили их примерно в то же время, когда все добрые люди нормально завтракают. Проглотив последнюю крошку холодного мясного рулета, я трагически вопросил:

— Ну почему я откладывал изо дня в день поход в продуктовый?! Одри фыркнула.

— В этом смысле ты ничем не отличаешься от типичного одинокого мужчины, мой дорогой. Особенно если этот мужчина уже привык, что о хлебе насущном заботится женщина.

Доля истины в ее словах определенно была, поэтому я сокрушенно признался:

— Кругом виноват, ваша честь! Джейн всегда до отказа забивала холодильник, пускай даже в собственных эгоистических интересах.

— Что ж, понятно.

— Одри, ты не похожа ни на одну из лунных женщин, с которыми я знаком. Все они какие-то… холодные, отстраненные, а ты совсем не такая.

— Хорошо это или плохо?

— Замечательно! Во всяком случае, так думаю я.

— Я прилетела с Земли недавно, — сказала Одри. — Всего шесть месяцев назад. Слишком мало времени, чтобы полностью адаптироваться и впитать местный колорит, тем более, что… Если честно, не могу сказать, что я вполне готова к этому. На Луне очень много хорошего, но я не уверена, что для меня ваша игра стоит свеч.

— Не думаю, что я тебя понимаю, — откликнулся я не сразу. — Может, попробуешь объяснить?

Она пожала плечами.

— Попробую. Моя история по-своему и забавна, и печальна, Джон. Видишь ли, у меня, должно быть, врожденные способности к электронике и программированию… Словом, я очень хороший компьютерный эксперт. И однако мне все время приходилось кому-то доказывать свою высокую квалификацию.

— Но почему?..

— Потому что на Земле это считается традиционно мужской профессией. А земные мужчины крайне неохотно признают, что женщина может быть не худшим специалистом, чем они. А уж если какая-то девица имеет наглость указать компьютерному мэтру на его ошибку… Боже, ты даже не представляешь, как я устала от всего этого, Джон! Правда, некоторые из моих коллег относились ко мне вполне по-товарищески, и от них я узнала, что у вас на Луне совершенно иное положение вещей. В общем, когда

меня окончательно допекли, я решила плюнуть на все, заполнила необходимые анкеты в вашем консульстве и подала начальству заявление с просьбой о переводе в лунный филиал.

— И это было шесть месяцев назад? Одри взглянула на меня с изумлением.

— Господи, конечно же, нет! Такие вещи на Земле так скоро не делаются. Прошла чуть ли целая вечность, пока мне удалось добиться перевода. И самое забавное, печальная часть всей этой истории начинается с того, что я прилетела сюда.

— "Будь поосторожнее с желаниями, поскольку они могут исполниться?" — процитировал я всплывший в, памяти афоризм.

— Да, что-то вроде того, — серьезно кивнула она. — Это правда, что женщины на Луне пользуются почти неограниченной свободой… Беда лишь в том, что мне это совсем не нравится! Знаешь, Джон, меня уже признают одним из лучших компьютерщиков Нью-Лондона, и это ужасно приятно, что тебя оценили по достоинству, но… Кроме работы есть еще и сугубо личная жизнь, а в личной жизни я хочу быть самой обычной нормальной женщиной. Однако в вашем лунном обществе все иначе.

— Что ты, собственно, имеешь в виду?

— Ох, Джон, неужели ты такой недогадливый? Разве тебе не кажется, что ваши лунные женщины чересчур агрессивны? По-моему, это совершенно ненормально, когда женщина предпочитает роль грубого завоевателя… А мужчина — всего лишь побежденный, сдавшийся на ее милость!

— Гм. Ты должна была заметить за эти шесть месяцев, что на Луне довольно мало женщин. Поэтому они ведут себя так, как им хочется.

— Да, многие из знакомых мне дам очень довольны таким положением вещей. Но я знаю, что есть и другие, которые думают, как я. Знаешь, мне кажется…

— Что, Одри?

— На самом деле мы трудимся для того, чтобы заработать себе деньги на такую приватную жизнь, какая нам нравится. А не наоборот! И мне кажется, Джон, что большинство людей каким-то образом ухитрилось позабыть об этом.

— Понятно. И что ты теперь собираешься делать?

— Мне самой хотелось бы знать. Я была несчастна на Земле и отправилась на Луну. Теперь я несчастна на Луне. Ты случайно не знаешь, Джон, Марс уже открыт для массовой колонизации?

Я невольно рассмеялся.

— Пока еще нет, насколько мне известно. И потом, разве ты можешь быть уверена, что Марс тебе подойдет? Никогда нельзя

знать заранее, возможно, для тебя это будет даже хуже, чем Земля или Луна… Так что подумай как следует, Одри. Я ведь тоже, если честно, не очень счастлив на Луне.

— Да, — сказала она, и ее лицо осветила мимолетная улыбка. — Я заметила это.

— Одри, — сказал я. — Я ничего не имею против коллег женского пола, которые намного умнее меня или получили лучшее образование. Лишь бы они добросовестно работали. Но мне претит, когда я вижу важную начальственную даму, которая оседлала волну только потому, что ей повезло быть женщиной на Луне.

— Да, — сказала Одри. — Я прекрасно тебя понимаю.

— Ну и хорошо. А теперь я обращаюсь к единственному эксперту по компьютерам в нашей тесной компании: как мы все-таки будем отсюда выбираться? Думаю, тебя и меня уже хватились на работе. Но никому, конечно, не придет в голову, что мы оба застряли в моем тоннеле, потому что не сумели открыть портал… Такое происходит далеко не каждый день, знаешь ли!

— Ох, я бы с удовольствием призналась, что подстроила все это нарочно, чтобы соблазнить тебя… К сожалению, это не так.

— Между прочим, у нас кончилась еда, — заметил я.

— Будь это на Земле, мы бы вылезли из дома через окно, — задумчиво сказала она.

Я усмехнулся.

— Рано утром мне пришла в голову мысль о вентиляционных трубах. Я снял решетку и посмотрел. Они чересчур узкие. Дорогая, мы сможем выйти только через портал.

— Ох, дорогой… Я постараюсь что-нибудь сделать.

— Все, я сдаюсь, — сказала Одри. — Портал сам по себе совершенно исправен, но его может открыть только компьютер, если механика замка не работает. Без нового чипа, контролирующего шину входа/выхода, я наладить компьютер не смогу, а если бы даже удалось, у нас нет программного обеспечения.

— Ты хочешь сказать, что моя новая программа все равно не будет работать?

— Правильно.

— Но почему?

— Гм… это технические подробности. Видишь ли, когда я вставляю в машину новый чип-переводчик, он немедленно запускает собственную процедуру установки. Образно говоря, выпускает щупики, которыми исследует всю систему, а после присваивает новые адреса всем входящим в систему устройствам. Дело в том, что это универсальный чип, который может работать

в компьютерах самой разной архитектуры, и таким образом он подстраивается под конкретную модель.

— Значит, когда у всего оборудования тоннеля появятся новые адреса… то проклятый Живой Дом просто не будет знать, где что находится?

— Именно так. Живой Дом и другие программы подобного сорта не используют адресацию, установленную универсальным чипом. Они рассчитаны на работу с любым из нескольких заранее определенных наборов стандартных адресов. Полагаю, в процессе инсталляции программа запрашивала данные на твой компьютер?

— Верно. И я потратил бездну времени, разыскивая, где же на компьютере обозначен номер модели!

— Не сомневаюсь, — вздохнула она. — Итак, когда ты сообщаешь программе, каким компьютером пользуешься, та находит нужную таблицу адресов и копирует ее с диска прямо в чип. Вообще-то я могла бы вручную научить новый универсальный чип стандартной адресации… Но у меня все равно нет такого чипа, а во-вторых, потребуются специальные софты и инструменты, которых у меня с собой тоже нет. — Одри пожала плечами и нахмурилась. — Не могу же я таскать на себе абсолютно все!

— Дорогая, — сказал я, нежно целуя ее в лобик, — я же не требую от тебя никаких чудес. Если хочешь знать, я тебе ужасно завидую. Ты так замечательно разбираешься во всей этой тягомотине!

— Что ж, спасибо. — Легкая улыбка снова преобразила ее лицо. — И кстати, дорогой. Твоя старая программа, будучи сравнительно тупой и несложной, вполне могла бы сработать.

— Только не говори мне, что я полный кретин. Я знаю. Мы в ловушке потому, что я не додумался своими кретинскими мозгами сделать резервную копию операционной системы, установленной и отлаженной на фирме, которая произвела на свет этот самый компьютер. Просто на всякий случай!

— Дорогой Джон, — с печальным вздохом произнесла Одри. — Я хочу тебе сказать, что ты мне нравишься. Очень. Но боюсь, по части здравого смысла… ты не так уж далеко ушел от обычной зубочистки.

Как ни крути, она была права. Я свалял дурака с самого начала. Мне следовало задуматься над словами старины Кении, когда тот настойчиво, хотя и деликатно, намекал, что лишь тупица может добровольно удовольствоваться эрзацем вместо настоящей вещи.

— Считай, что я твердо выучил этот урок, — сокрушенно кивнул я. — Но боюсь, чересчур поздно, чтобы это могло

принести нам практическую пользу… — Тут смутная мысль внезапно шевельнулась у меня в голове. — Хотя, мне кажется… обязательно должен быть какой-то простой способ. Послушай, Одри! Мы можем как-нибудь уговорить компьютер найти портал самостоятельно? Или нет?..

Одри поглядела на меня очень странно. И после паузы медленно произнесла:

— А я считала себя неплохим программистом.

— Что?..

— Ох, Джон! — Одри весело рассмеялась. — На самом деле это действительно очень просто. В принципе, я имею в виду: только когда ты уже додумаешься.

— Ты не хочешь объяснить, о чем идет речь?

— О том, что я могу написать программу, которая отправит одну обобщенную команду одновременно по всем адресам.

— Понятно. Но… это же…

— Конечно. С твоим тоннелем произойдет нечто вроде электромеханического припадка.

— Ты хочешь сказать, что все оборудование тоннеля в один и тот же момент начнет что-нибудь делать?!

— Ну, строго говоря, не в один и тот же. Но человеческие чувства не настолько остры.

— Это может быть опасно? А микроволновка не взорвется? Или еще что-нибудь?

— Не думаю, — сказала Одри со смешком. — В любом случае, мы будем стоять у портала, поэтому единственное, о чем стоит беспокоиться… Очень надеюсь, что портал не захлопнется прежде, чем мы успеем проскочить.

— Я в твоем полном распоряжении, хотя не знаю, чем смогу помочь.

— Спасибо, мне не понадобится больше часа. И если идея сработает, мы выберемся как раз к обеду.

Глядя, как Одри набирает программу, стоя у компьютерной панели, я решил, что завтра же непременно куплю обеденный стол с полудюжиной стульев, если мы, конечно, выйдем отсюда. На данный момент у меня не было даже завалящего упаковочного ящика, чтобы ее усадить.

Одри сдержала слово, скомпилировав свою программу за сорок минут. Затем она прогнала ее вхолостую, проверила на ошибки, немного подправила и снова прогнала. И осталась вполне довольна результатом.

— У меня все, — заявила она, нацелившись на клавишу пуска. — Ты готов, Джон?

— Еще бы! Я уже умираю от голода. Поэтому мы сперва

пообедаем, а после этого не пойдем на работу, хорошо? У нас есть дела поважнее, и сверх того, мне необходимо срочно закупить побольше продуктов про запас, а то мало ли что?

Одри расхохоталась.

— Джон, ты невыносим! Впрочем, как и всякий голодный мужчина, — добавила она и ударила по клавише.

…И оказалось, что я все-таки не готов, хотя все сработало именно так, как она пообещала. Абсолютная темнота и жуткая какофония на уровне болевого порога обрушились на меня с неожиданностью упавшего на голову кирпича. Мой музыкальный центр, телевизор, радио, видео, автоответчик включились одновременно и на максимальную мощность. Проклятый портал наконец раздвинулся передо мной, а я все продолжал стоять столбом, словно вкопанный…

Одри цепко ухватила меня за руку и мощным рывком выдернула наружу.

Неделю спустя мы с Одри рука об руку вошли в Большой Атриум, чтобы поужинать в том самом ресторанчике на пятом уровне. Мы ужинали вдвоем каждый вечер с тех пор, как вырвались из ловушки, считая это справедливой компенсацией за то, что двое суток питались объедками.

Внезапно я вспомнил про старину Кении и сказал:

— Знаешь, я хочу познакомить тебя с одним человеком.

— А кто это?. — Сейчас сама увидишь, здесь недалеко.

Кении отсчитывал сдачу клиенту с хот-догом. Он бросил в нашу сторону лишь беглый взгляд, но потом, покончив с делом, сразу обернулся с широкой улыбкой.

— Привет, Одри! И вам добрый вечер, мистер Бринкман! Надо же, я и понятия не имел, что вы знакомы.

— Как, — промямлил я в замешательстве, — вы оба уже знаете друг друга?.. — Черт возьми, я рассчитывал удивить старину Кении, а вместо этого они с Одри удивили меня.

Старик улыбнулся мне тонкой улыбкой.

— Ну разумеется, мистер Бринкман. И в этом нет ничего поразительного. Потому что все, кому одиноко в этом городе, рано или поздно приходят поболтать со стариной Кении… Но вы двое, как я заметил, больше не одиноки. Надеюсь, я не потеряю парочку постоянных клиентов?

— Ни в коем случае, Кении! — с жаром заверил я.

— Благодарю вас, сэр. Что я могу для вас двоих сегодня сделать?

Мы взяли пепси и остались у стойки, рассказывая старику в перерывах между обслуживанием покупателей невероятную историю нашего неожиданного знакомства.

— И что же дальше случилось с этой бракованной защелкой портала? — нетерпеливо спросил он, вновь подъезжая к нам на своем висячем кресле. — Вы собираетесь привлечь подрядчика к суду, мистер Бринкман?

— В общем-то, нет. Я позвонил подрядчику сразу, как только мы вылезли из тоннеля и перекусили, и потребовал от секретарши срочной персональной беседы с боссом. По-моему, я даже не слишком орал на него… но механизм заменили уже через час. А потом я давал интервью для городских новостей и специально позаботился, чтобы полное имя этого подрядчика непременно фигурировало в материале. По-моему, это достаточное наказание за разгильдяйство.

Кении с удовольствием посмеялся, а потом спросил:

— А на работе вас не наказали за прогул, мистер Бринкман?

— Нет, когда я все им объяснил. Теперь нас с Одри считают настоящими героями!

Старик воздел глаза к потолку.

— Этот парень уже начинает хвастать?!

— Не волнуйся так, старина Кении, — с улыбкой сказала Одри, похлопывая меня по руке. — Я буду присматривать за мистером Бринкманом, обещаю.

— Давно пора! Я уже устал быть его ангелом-хранителем! Посмеявшись, мы попрощались с Кении и отправились дальше, прогуливаясь по всем уровням Большого Атриума снизу вверх. Я постарался сохранить самое нейтральное выражение лица при виде демонстрационной колонки Живого Дома на четвертом уровне.

Они вынуждены были принять от меня назад и программу, и их дурацкие чипы и вернуть мне бездарно потраченные денежки. Адвокат, которого мне порекомендовали, был готов содрать с Бизнес-центра Дэнди такую компенсацию за наш с Одри моральный ущерб, чтобы полностью покрыть счет, выставленный мне ее конторой, и еще осталась бы неплохая сумма для нас обоих.

Рона не было нигде в поле зрения, когда мы профланировали мимо магазина, и громкоговоритель с голосом кастрата на сей раз промолчал. Для программы, которая всего лишь симулирует самосознание, этот самый Живой Дом ухитрился проявить изумительную тактичность.

На пятом уровне мы вышли на балкон, чтобы взглянуть на грандиозный прозрачный купол, который был теперь всего на несколько метров выше нас. Грязные подтеки на его внутренней стороне не помешали нам полюбоваться великолепным зрелищем восхода Солнца над Луной.

— Я рад, что мы вместе, — сказал я наконец, обнимая Одри за плечи.

— И я тоже очень рада, дорогой, — сказала она, не отрывая глаз от лунного пейзажа. — Можно, я задам тебе один вопрос, Джон?

— Разумеется. А в чем дело?

— Как ты смотришь на то, чтобы я к тебе переехала?

Должен признаться, я повел себя не самым лучшим образом, остолбенев и лишившись дара речи… Пауза слишком затянулась. На самом деле моя единственная проблема состояла в том, что я упустил возможность сделать это предложение первым и снова почувствовал себя полнейшим кретином.

Одри хмыкнула и скептически подняла бровь.

— Судя по твоему лицу, дорогой, мне не стоило спрашивать.

— Нет-нет, — пробормотал я, — все нормально, я не против, просто пытаюсь подобрать подходящие к случаю слова…

— Понятно. Тебе поможет, если я скажу, что у меня богатое приданое?

— Одри, что за чушь ты говоришь? Мне не нужно от тебя никакого приданого.

— Очень жаль. Потому что мое приданое наверняка тебя заинтересует.

— Что ты имеешь в виду?

— Искусственный интеллект. Джон, разве ты не мечтал о разумном автоматизированном тоннеле?..

— Нет, благодарю покорно! Я уже выучил этот урок.

— Какой ты все-таки глупый, Джон, — с усмешкой сказала Одри. — Обжегся на подделке и сразу сделал глобальный вывод? Но я предлагаю тебе настоящую вещь.

— Ох, только не соблазняй меня… Эти штуки безумно дорого стоят. Ты вовсе не обязана покупать мне такой дорогой подарок. Не волнуйся, я пущу тебя в свой тоннель бесплатно!

Одри фыркнула и расхохоталась.

— Нет-нет, — сказала она сквозь смех, — я ничего не собираюсь покупать за безумные деньги! Я уже приобрела такую программу по весьма умеренной цене, спасибо моим коллегам… У них полезные связи. Словом, надо только перекачать эту программу с моего тоннельного компьютера на диск, а потом донести этот диск до твоего тоннельного компьютера и инсталлировать. Скажи, когда ты сможешь выделить на это время, ладно?..

— Одри, — произнес я. — Я уже говорил, что люблю тебя?

— Нет, не говорил. И я уже решила, что никогда и не скажешь. Я тоже тебя люблю, черт бы тебя побрал со всеми

потрохами, Джон Бринкман!

— Одри, — сказал я, — только не кричи. Давай лучше пойдем домой, ладно?

И мы пошли домой.

Интересная все-таки штука жизнь. Не брось меня Джейн, мне не захотелось бы как-то оживить свой тоннель. Не наткнись я на продавца Рона, не купил бы дурацкий Живой Дом, а тогда и не встретил бы Одри. Забавно, что не будь я балбесом, который не способен позаботиться даже о собственном портале, мы с Одри, встретившись, скорее всего, разошлись бы…

Однако все произошло именно так, как оно произошло — благодаря Джейн, и Рону, и моей собственной глупости, и подрядчику, у которого я купил тоннель, и, разумеется, самой Одри с ее неистощимым терпением и профессиональным мастерством.

И отдельное спасибо Живому Дому. Потому что эта штука оказалась в конце концов самой удачной в моей жизни покупкой.

24.10.2009

Рэй Вукчевич. Мама и её маленькие друзья
Перевела с английского Татьяна Мурина

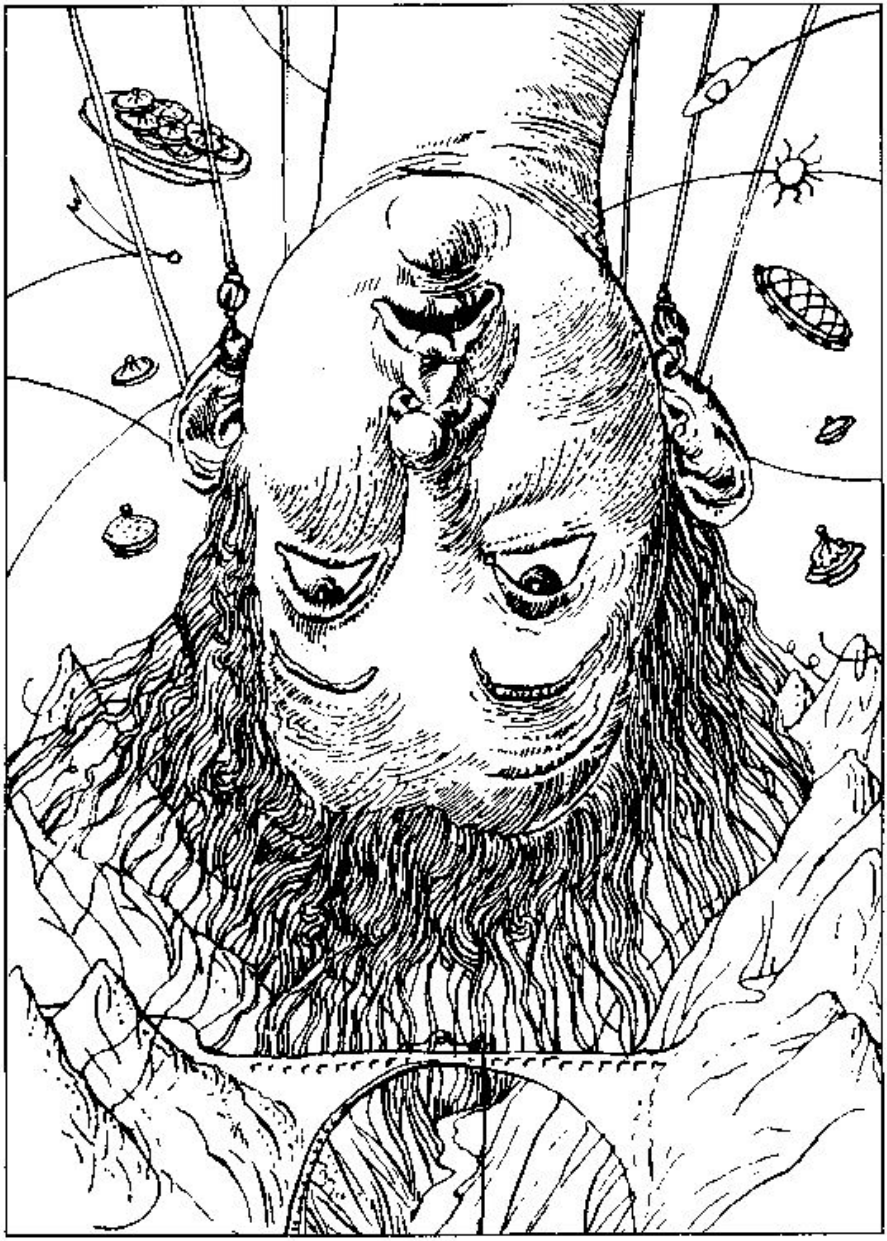

Иллюстрация Андрея Балдина

Он бы все равно нас не понял, и мы привязали Тоби,

материну немецкую овчарку, в кузове Адиного грузовичка. Сама хозяйка пса была плотно связана по рукам и ногам, и нам было нелегко вытаскивать ее из кабины на мост. Моя сестра Ада перевернула ее — думаю, несколько грубовато, — и я проверил узлы. В них я был совершенно уверен: у себя в Аризоне Ада работала на ранчо и знала в этом толк. Я одернул материно блеклое домашнее платье, чтобы прикрыть бледные коленки, и убедился, что ее ботинки крепко зашнурованы. Ветерок, пробежавший от реки по ущелью, пошевелил седые пряди на лбу. Казалось, даже стальной мост под нами дрогнул от этого дуновения — вот разыгралось воображение! Я чувствовал запах реки и слышал недоуменный шепот ее перекатов. А над нами, в чистом голубом небе, недовольно, но настойчиво кружили черные дрозды. Солнце являло собой жаркое пятно света в прохладном разреженном горном воздухе. Тоби топтался в кузове, поскуливал, пытаясь сорваться с поводка, и внимательно, с некоторым подозрением наблюдал за нами.

— Барри, а очки? — Ада потюкала ноготком по линзе материных тонких стеклышек в стальной оправе.

— Не делайте этого, дети!

— Заткнись, Джессика.

Ада обратилась совсем не к маме, а к личности, представляющей ее нанонародец. Когда профессор Холли Кетчем (то есть наша мать) поместила колонию нанолюдишек в свое собственное тело, многие сочли это большим и невероятно смелым шагом вперед, новой ступенью научного прогресса. Разумеется, официально и в условиях полного научного контроля такого еще никто никогда не делал. Нанотехнология обещала долгую жизнь в добром здравии — своеобразное бессмертие.

И как же это сработало? — спросите вы. Долго объяснять, но если совсем кратко, то тут уместно словечко "У-упс!".

Объясняю чуть длиннее: вся беда в том, что через несколько поколений — по-нашему, через несколько часов — наночеловечки убедили себя, что их мир не должен предпринимать ненужных действий, связанных хоть с каким-то риском, даже минимальным. Для этих мелких людишек стало смыслом жизни не позволять своей вселенной подвергать себя какой-либо опасности. Джессика так и заявила, мол, каждый в отдельности наноиндивидуум представляет собой вполне безрассудную личность, как и любой другой человек вне зависимости от размера, но при этом: "Поставь себя на наше место, Барри. Представь, что ваша вселенная привязала длинные доски к ногам и понеслась по снежной горе на скорости в сотню километров в час. Или пошла поплавать наперегонки с акулами. Ну подумай сам!"

Матушка выглядела, словно бабушка из телевизора: пухлые розовые щечки и белая полупрозрачная кожа. Нанонарод вполне мог обеспечить ей стопроцентное зрение, однако они подумали, что очки заставят ее быть более осторожной. Они могли оставить ей естественную 48-летнюю внешность, а могли сделать моложе, но выбрали образ вечно копошащейся с пирожками на кухне бабуськи, чтобы исключить возможные контакты, которые могут оказаться хоть в какой-то мере опасными. Они также могли оставить в покое ее мозги, вместо этого они превратили ее в слабоумную старуху. Едва ковыляющая глупая вселенная — замечательный мир, не пытающийся с риском для своего существования ухватить удачу за хвост.

Джессика была создана, чтобы объяснять матушке-старушке все на свете. На самом деле она была огромной и хорошо организованной группой нанолюдей, постоянно работающих для поддержания "интерфейса внешних сношений", которая называла себя Джессикой. Наночеловечки — невидимые, но чувствующие, самовоспроизводящиеся нанороботы — просто думали быстрее, чем большие люди. Если бы матушка вздумала произнести многосложное слово, то эта проблема стоила бы недели посменной работы мелких человечков, занятых в обеспечении Джессики. Фактически, наноличность могла появиться на свет, вырасти, выучиться, присмотреть себе пару, накропать стишат, создать себе подобных малышей, подняться на вершину карьеры, потерять всех друзей и родственников, одряхлеть и умереть за время, нужное маме, чтобы испечь противень печенья.

Настоящий ужас, как мне кажется, был в следующем: пока каждый отдельно взятый мелкочеловечек мог рождаться и умирать, мелкочеловечество как общество намеревалось законсервировать нашу мать в виде вполне живой и абсолютно тупой особи очень-очень надолго, практически навсегда.

Я сдернул очки с ее физиономии:

— Сохраню их для тебя, Джессика, если они когда-нибудь снова понадобятся.

Надеюсь, я одарил ее достаточно грозным взглядом, потом помог матери сесть, а затем перевесил ее тело через перила моста. И предупредил:

— Еще можно начать переговоры, Джессика.

— Я абсолютно уверена, что не знаю, о чем ты говоришь, Барри. — Джессика, по мнению наночеловечков, изображала мамин голос.

Но меня не одурачить! Мать никогда не говорила жалобным тоном. И вообще, мы удостоились внимания нанонарода только пару дней назад. Джессика сначала даже не собиралась

признавать наше с Адой существование. Потом мы сунули матушку головой в холодную воду, и Джессика соблаговолила поговорить с нами.

Я привязал большой резиновый трос к материным ботинкам, а другой конец — к перилам моста.

— Джессика, ключевое слово — "поскакали", — намекнула Ада.

…Думаю, моя сестрица ужасно струсила, несмотря на ее татуировку - лошадь, ковбойскую шляпу и вечную зубочистку в уголке рта. Ужас плескался в ее глазах, и она смаковала его. Казалось, ей это страшно нравится. Или она просто великолепная актриса. У меня бы так не вышло. Я вспомнил, как она плакалась мне тогда вечером по телефону, как повторяла, что у матери нет ничего на уме, кроме выпечки — печенья, пирожных, пирожков и таких рассыпчатых штучек со сладкой красной каплей в серединке — и "мне нужна твоя помощь, Барри, я не могу сделать это одна, Барри…". У себя в Орегонской высшей школе я получил небольшой отпуск и устное уверение моего помощника на отделении физики, что могу не волноваться по поводу работы, и на следующий же день уже ехал в автобусе в Таксон.

К приезду мама испекла мне пирог…

Я подхватил ее под мышки, а Ада схватила за ноги. Мы раскачали ее, как тюк с тряпьем, и на счет три швырнули с моста. Тоби совершенно свихнулся, он бешено лаял и отчаянно рвался с поводка.

Мы сложили руки на перилах и наблюдали, как мама летит все ниже и ниже, к поверхности реки, и длинная резиновая лента развевается позади нее. Мы слушали мамины вопли… ну хорошо, слушали просто разные крики, потому что, когда кричала Джессика, это было завывание, стон, оплакивание всех на свете разочарований, а когда кричала именно маманя, это был возглас, полный бурной радости. Или я все это себе нафантазировал… Может, у меня не было сестрицыной веры в то, что таким способом нам удастся выковырнуть наноколонию из нашей матушки.

Мы наблюдали, как матушку швыряет вверх-вниз, словно шарик на веревочке, а платье болтается где-то вокруг головы. Мы решили дать ей немного покачаться на ветру. Ада принесла корзинку для пикника, где хранился наш ланч, и мы присели перекусить.

Пока мы чавкали и прихлебывали, я услышал тихий голосок, взывающий о помощи, но решил его игнорировать. Зато поинтересовался у сестры:

— А почему бы нанооккупантам не трансформировать ее во

что-нибудь, с легкостью лазающее по резинкам? Например, в гигантского паука…

— Думаю, тут сработала моя теория Кинг Конга, — ответила сестра. — Держу пари, наники углядели в маминой памяти изображение страшной обезьяны на небоскребе, и вокруг этой композиции кучу ревущей и стреляющей военной техники. Или нечто подобное. А эти мелкие дурики окончательно помешались на собственной безопасности.

Далекие крики о помощи уже разжалобили меня. Я покосился на Аду. Не хотелось бы, чтобы сестра решила, что я перекладываю на нее всю ответственность, и я небрежно предложил:

— Может, вытащим ее?

— Давай. — Ада еще разок куснула бутерброд и запихнула остатки в корзину.

Мы подняли мать на мост.

— Ну, Джессика, — сказала Ада, — хочешь еще разок?

— НЕТ!!!

— Тогда давай поговорим.

Джессика уронила мамин подбородок на ее же грудь и не подавала признаков жизни около минуты. Потом она подняла мамину голову:

— Чего вы хотите? Как заставить вас прекратить это безобразие?

— Вылезайте из матери! — закричал я, и Ада гневно глянула на меня. Ну нет у меня дипломатического таланта, что поделаешь.

— Это именно то, чего мы в конечном счете хотим, Джессика, — сказала Ада. — Нам надо обсудить условия и сроки вашего исхода.

— Абсурд, — заявила Джессика. — Каждый из нас проживает жизнь столь же важную и значительную, как и любой из вас, Ада. Просто вы двигаетесь гораздо медленнее. Ну и побольше размером. Но ни то, ни другое ничего не значит. Где ваше сочувствие ближним? Холли — наш мир. Это единственный мир, известный нашему народу. И вообще, нам некуда идти!

— Мы об этом позаботились, — обнадежила Ада и подмигнула мне. Я поднялся, не спеша прошел к грузовику и отвязал Тоби. Одним огромным радостным прыжком он вылетел из кузова. Отчаянно виляя хвостом и глядя одновременно во все стороны, то прижимая нос к земле, то нюхая воздух, он приволок меня к матери и сестре. Я дал команду "Сидеть!". Он же, усмотрев преимущество в том, что руки хозяйки связаны, безнаказанно облизал ей все лицо. Я часто интересовался, откуда собака знает, что это мама. Может, ему нравится эта непривлекательная,

безвкусно одетая маленькая женщина, потому что именно она постоянно была рядом последнее время (да еще печенье пекла!), но мне казалось, что его симпатия к ней все-таки более низкого качества, чем рабское поклонение настоящей маме. А может, он просто привык к Джессике.

— Мы хотим, чтобы вы переселились в Тоби, — сказала Ада. Уши пса повернулись на звук его имени, и он поглядел на Аду.

С минуту Джессика сидела тихо. Потом она превратила мягкие губы матери в жесткую прямую линию:

— Вы хотите, чтобы мы переселились в собаку? — недоверчиво переспросила она.

— Дошло верно, — ехидно ответила Ада.

— Вы хотите, чтобы целая цивилизация, миллиарды нас, каждый со своими идеями, надеждами и мечтами, просто перескочили в какую-то другую вселенную? Вы думаете, что традиции поколений, глубоко прочувствованные религии и мудрость веков были в одночасье сброшены со счетов? Вы полагаете, мы перейдем в собаку?

— Думаю, до нее действительно дошло, — прокомментировала Ада.

— Мы не сделаем этого, — провозгласила Джессика, — и оставим наши споры. — Она закрыла мамин рот и зажмурила мамины глаза.

— Эй! Погоди минутку! — крикнул я.

— Не волнуйся, Барри, — Ада ухватила маму за ноги и пристально на меня посмотрела.

Намек я понял — тут же взял маму под мышки, и мы снова скинули ее с моста. Тоби тихо сидел пару секунд, словно не мог поверить своим глазам, а потом подскочил, поставил передние лапы на перила и ошеломленно глядел, как мама пружинит где-то внизу.

Когда на этот раз мы вытянули ее и прислонили к перилам, я внимательно посмотрел в ее дикие глаза, надеясь увидеть хоть долю прежней мамы в самой их глубине. Ни капли. Видимо, нам наконец придется оставить в покое ее маленьких друзей. Тем временем в недрах матери-вселенной творились великие дела. Ее лицо скорчилось в ужасающую гримасу, щеки надулись, глаза выпучились. Неожиданно мать харкнула в нас мощной струей какого-то зеленого вещества. Мы успели отпрыгнуть.

— Она моя! — воскликнул низкий, глубокий мужской голос, по-настоящему демонический и страшный. — Вы ее не отберете!

— Ну, Джессика… — сказала Ада. Сдернув свою ковбойскую шляпу, она отлупасила ею мать по голове. — Мы тоже видели эти фильмы. Если ты не собираешься вести себя серьезно, мы снова

тебя сбросим.

— Вы не представляете, что натворили, — ответила Джессика своим настоящим, джессиковым голосом. — Со времен нашей последней беседы у нас свершилось всемирное восстание. Погибли люди. Вы слышите, Ада и Барри? Люди погибли! Такие же настоящие люди, как и вы. Хорошие люди. Как же вы можете рушить наш мир?

— Но вы разрушаете нашу мать! — парировал я.

— Одна-единственная личность для блага миллионов! И между прочим, она целехонька.

— Эта одна-единственная личность — наша мать! Пусть вас волнует именно это, потому что мы не отступим. Она бы скорее согласилась быть мертвой, чем тупой. Давай, Барри, скинем ее еще разок.

— Погодите! — вскричала Джессика. — Это неправда. То, что вы сейчас сказали. Вы забыли, что мы находимся внутри. Мы можем общаться на таком уровне, к какому вы доступа не имеете. Мы постоянно беседуем с Холли. Мы не чудовища. Холли — наша Мать-Вселенная.

— Почему же вы сделали ее глупой? — спросила Ада.

— Не глупой, а довольной. — Слова Джессики звучали искренне, но я не купился на это. — Холли — наша мать, но она еще и наше дитя, которое надо беречь и направлять, точно так же, как вы сами формируете свой собственный мир.

Я открыл было рот, чтобы сказать пару слов о том, как мы формируем и направляем мир, но вдруг мне показалось, что это наверняка сработает против нас. И захлопнул варежку.

— Это наше окончательное решение, — сказала Ада. Она положила руку на голову Тоби и нежно почесала. — Что делают собаки целыми днями? Вы можете сделать его толстым, ленивым и глупым, каким вам захочется.

— Ничего не выйдет, — проговорила Джессика. — Мы никогда не сможем уговорить на подобное все наше население и каждого в отдельности. Фактически, мы сможем убедить лишь немногих. Если вы опять сбросите Холли с моста, то можете вызвать здесь войну. Подумайте хорошенько! Не слишком-то приятно, если в легких вашей матери загремит артиллерийская канонада. Или пойдут рукопашные бои в желудке. Или танцы с саблями в сердце. Тогда она станет разрушаться на клеточном уровне. А мы сражаемся за мир во всем нашем мире. Сможете ли вы уничтожить целую цивилизацию ради своей матери?

— Да, — тут же ответила Ада.

Я был рад, что мне не пришлось отвечать на этот вопрос. Мне даже не хотелось думать об этом.

— А что ты будешь делать, Ада, если силой отбросишь наше общество до состояния примитивных дикарей? — спросила Джессика. — Как ты думаешь, Холли одобрит стада первобытных охотников или собирателей, бродящих по ее печени?

— Если ее мозг будет свободным, она справится со своей печенью.

— Мы не перейдем в собаку, — отрезала Джессика и замолчала. Ада снова ухватила ее за ноги:

— Еще разок, Барри.

— А как же все эти люди? — спросил я.

— Заткнись. — Ада уронила мамины ноги, достала из заднего кармана большой носовой платок в синюю клетку и утерла свои собственные слезы. Я заткнулся и схватил мать под мышки.

Мы сбросили ее снова. В этот раз Джессика даже не вскрикнула.

Мы вытянули ее уже через несколько подскоков. Ада мрачно молчала. Я опасался, что наше дело на грани провала. Как там они, люди? Пусть и очень маленькие, но люди же. В конце концов хоть на минутку я мог быть честным с самим собой. Я прекрасно осознавал, что можно прожить целую жизнь за минуты. Джессика права: наночеловечки так же реальны, как и мы. Они и жили, и умирали… Мы перевернули маму. Она и сама выглядела мертвой, но схватив ее за запястье, я уловил пульс. Ада помогла ей сесть и осторожно похлопала ее по щекам. Я быстро сгонял за бутылочкой минералки к нашей корзинке для пикника, налил немножко на ладонь и побрызгал матери в лицо. Нет ответа. Тоби протолкался между Адой и мной и снова лизнул мать в нос.

Прошло какое-то время.

Потом Джессика открыла мамины глаза.

— Много всего изменилось, — ее голос едва слышался и звучал как-то униженно. — Но в одном мы остаемся непоколебимы: мы не покинем наш мир..

Ада вздохнула. Я надеялся, что она не захочет больше скидывать мать с моста,

— Мы предлагаем компромисс, — заявила Джессика.

— Слушаем, — ответила Ада.

— Мы предлагаем позволить Холли иметь больше контроля над собой, — сказала Джессика. — Мы прочесали ее память и нашли несколько видов деятельности, которые вполне сможем стерпеть. К примеру, бальные танцы.

Лицо Ады запылало, руки сжимались в кулаки и разжимались снова и снова. Когда она заговорила, ее спокойный и холодный голос был напряжен, как сжатая пружина, как кобра перед броском..

— Вы говорите мне, что позволите доктору Холли Кетчем, достопочтенному физику и непререкаемому авторитету в нанотехнологии, женщине, настолько исполненной жажды познания и жизненной энергии, что многие просто вынуждены отступить, чтобы не сгореть в этом огне, женщине, полной чистой и пылкой любви, материнской нежности, доброты и сочувствия практически к каждому… — Она вскочила и заорала: — Женщине, которая наслаждается всплеском адреналина, сплавляясь в лодке по водопадам или ныряя в затяжном прыжке с самолета? И вы говорите о том, что готовы позволить ей бальные танцы?! Вы серьезно?!

— Ну да. И еще что-нибудь в этом роде.

— Ада! — я схватил сестру за руку, и она глянула на меня так, что даже у самого крутого байкера сердце ушло бы в пятки. — Можно, я попробую?

Я думал, она собирается, как обычно, обидной парой слов поставить меня, младшего брата, на положенное мне место, но она вырвала руку и утопала к грузовику. Мы с Тоби смотрели, как она колотит кулаками по двери грузовика, оставляя вмятины. Когда она перестала шуметь и обессиленно опустилась на землю, я повернулся к маме и заговорил с Джессикой:

— Если возможен компромисс, Джессика, — сказал я, — ой будет на наших условиях. Или, если ты способна хоть немного подумать, он будет на материных условиях. Вам придется научиться жить с тем, чего хочет ваш мир, а не с тем, чего вы от него хотите.

— Ладно, мы согласны несколько расширить список.

— Вы собираетесь дать матери выйти и самой заявить, чего она хочет?

— Но она постоянно рискует!

— Вам надо научиться доверять ей, — сказал я.

Джессика не ответила; и я вдруг стушевался. Ясное дело, иадо что-то говорить, но я совершенно не знал, как убедить нанонарод. На плече я почувствовал дружеское пожатие — это подошла Ада и присела возле меня.

— Барри прав, — сказала она. — Вы должны обратиться внутрь. Мать сама позаботится о внешних материях. Вы даже не представляете себе, с чем приходится сталкиваться здесь, снаружи, в большом мире. Мы можем бросать вас с моста, пока совсем не уничтожим ваше общество. Если нам покажется, что выжившие привыкли к этим прыжкам, мы придумаем что-нибудь еще. Поищите-ка в маминой памяти рукопашную с аллигаторами.

Джессика на мгновенье скосила мамины глаза и вдруг резко дернула головой вправо, будто Ада дала ей оплеуху.

— Взгляните еще на высший пилотаж на сверхлегких самолетах, — предложил я, ободренный Адиной поддержкой.

Джессика дернула головой влево.

— Надо продолжать? — спросила Ада. — Мы все равно не отступим. Джессика безвольно опустила мамины плечи и вздохнула:

— Мы попробуем сделать по-вашему, — сказала она, — только попробуем.

— Никаких условий, — отрезала Ада.

Джессика долго и бессмысленно вращала глазами, а потом сказала:

— Вы выиграли.

Мамино лицо озарилось привычной широкой улыбкой, послышался знакомый радостный смех:

— Ада! Барри! — она тут же принялась теребить веревки на руках. — Я знала, что всегда могу рассчитывать на вас.

Точно мама — ее манеры и телодвижения, — но она ли это на все сто процентов? Вдруг нанолюдишки будут держать ее на коротком поводке?

Тоби рванулся и пробежал прямо по мне, чтобы добраться до любимой хозяйки. Он лизал ее лицо, отчаянно виляя задом, и не мог сдержать свою радость до такой степени, что даже описал мне всю одежду. Не знаю, что чувствовала Ада, но мама, способная заставить собаку описаться от счастья, вполне реальна и для меня. Я потянулся и поцеловал ее в щеку.

— Развяжите меня, — сказала мама, вертя головой во все стороны, чтобы увернуться от слюнявого Тоби.

Ада отпихнула собаку, вытащила из футляра большущий нож и перерезала веревки на маминых руках.

Когда мама стянула через голову свитер, ее волосы оказались каштановыми. Бе глаза прояснились, кожа стала упругой. Она содрала гнусное платье сначала с одного плеча, затем с другого и вывернулась из него, стягивая вниз абсолютно всю одежду. Ада расшнуровала ботинки для прыжков и помогла маме избавиться от старушечьих шмоток. Морщинки на лице родительницы исчезли, спина распрямилась. Обнаженная и величественная, она стояла на ветру, сияя широкой улыбкой, наша добрая старая матушка. Ну, в известном смысле. Она выглядела лет на тридцать или около того. Длинные каштановые с рыжиной волосы падали на чуть веснушчатые плечи. Светло-голубые глаза. Маленькая высокая грудь. Длинные сильные ноги.

— Мам, пойдем домой? — предложила Ада.

— Не сразу, — мать села на мост и снова натянула ботинки для прыжков. — Я только хочу уточнить, кто здесь главный. —

Она влезла на поручень моста и с диким радостным криком сиганула в пропасть вниз, головой.

Мы любовались траекторией ее полета и слушали ее счастливые крики.

— Полагаешь, мы лишь отсрочили неизбежное? — спросил я.

— Ты о чем? — не поняла Ада.

— Ну, что с ней. будет, если мы или заполучим свои собственные наномиры, или умрем? Как ты думаешь?

Ада задумчиво молчала, пока мы слушали радостные возгласы матери на каждом подскоке. Потом медленнр ответила:

— Может, вытащим ее и попросим материнского совета?

24.10.2009

Содержание

Кирилл Бенедиктов. Восход шестого солнца (1.03.19)
Ольга Елисеева. У Крита деревянные стены (1.03.19)
Вл. Гаков. Неописуемый чудак из глубинки (о Р.А.Лафферти) (7.04.01)
Александер Ирвайн. Агент-провокатор (1.04.19)
Евгений Лукин. Как отмазывали ворону (7.02.01)
Сергей Лукьяненко. Конструктор и его Лего-бог (Ф.Пулман 'Темные начала') (7.03.01)
Том Пардом. Искупление Августа (1.04.19)
Грей Роллинс. По сходной цене (1.04.01)
Рэй Вукчевич. Мама и ее маленькие друзья (1.04.08)
Проскочил по файл-эхе BOOK Fido: 03.02.2005 17:59

notes

Примечания

1

Касаба — старая арабская мера длины, около 4 м. (Здесь и далее прим. авт.)

2

Авакин (ед. число — укийя) — старая арабская мера веса, 128 г.

З

Дангии — средневековое арабское торговое судно средних размеров.

4

Чалла (чала) — букв. "ни то ни се", пренебрежительное название иудеев, принявших ислам.

5

Темаскаль — традиционная мексиканская паровая баня. Представляла собой низкое (в нее нужно было заползать на четвереньках) каменное строение с небольшой дверью и очагом. Изначально, по-видимому, была связана с культом воды и родовой пещеры, но во времена ацтеков повсеместно использовалась в гигиенических и медицинских целях.

6

Михна — мусульманская инквизиция, занимавшаяся выявлением и искоренением сектантских ересей в исламе. Глава Михны носил неофициальный титул Палача Зиндиков, т. е. еретиков-гностиков.

7

Вечерняя молитва, читающаяся с наступлением темноты.

8

Как ни странно, кролик для ацтеков был символом не столько плодовитости и сексуальности, сколько порицаемого общественной моралью пьянства. Различные степени опьянения выражались в различном количестве кроликов; выражение "четыреста кроликов" соответствовало мертвецки пьяному.

9

Браса — старинная испанская мера длины, 1,57 м.

10

Писатель разделил ее с Фредериком Полом и покойным Сирилом Корнблатом — соавторами другого премированного рассказа, «Встреча». Кроме того, на премию «Пебьюла» номинировались "Долгая ночь со вторника на среду" и "Продолжение на следующем' пампе", а также романы "Властелин прошлого", "Четвертые резиденции" и "Дьявол мертв", а на Премию имени Филипа Дика — рассказ "Железные слезы". (Прим. авт.)

11

Джордж Герман Рут (1895–1948) — знаменитый бейсболист, кумир болельщиков. (Здесь и далее прим. ред.)

12

Иннинг — Отрезок игры, на которые разбит бейсбольный матч.

13

Хоум-ран — Мастерский удар бьющего игрока, когда мяч, не касаясь земли, вылетает за пределы поля.

Кетчер — Ловец, игрок, принимающий мяч.

15

УСС — Управление стратегических служб США, нанимавшееся во время второй мировой войны сбором и анализом стратегической разведывательной информации.

16

Дулиттл Джеймс Гарольд — известный летчик и генерал ВВС США, возглавлял первый налет на Токио 18 апреля 1942 года

17

Бэттер — Отбивающий игрок

18

Тед Вильямс (1918–2002) — один из самых знаменитых игроков в истории бейсбола, начавший выступать с конца 40-х годов XX века.

Аутфилдер — Игроки, патрулирующие внешнее поле.

20

Макс Шмелинг — немецкий боксер, родился в 1905 году, первым из европейских боксеров навоевал звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе.

21

Томас Стернз Элиот (1888–1965) — английский поэт американского происхождения.

anglais — Англичанин (фр.)

23

L'Exile — Изгнанник (фр.)

24

Coup de grace — Удар милосердия (фр)